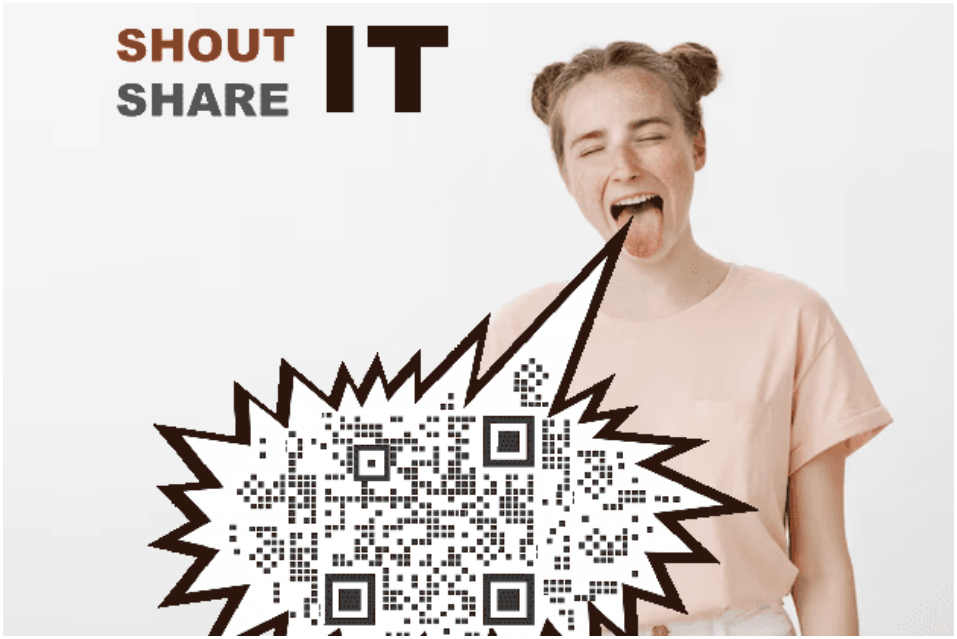
Люди, боги,
звери


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Антоний Фердинанд (Антон Мартынович) Оссендовский *(польск. Ferdynand Antoni (Antoni Ferdynand) Ossendowski, 27 мая 1878, Люцин — 3 января 1945, Жолвен под Варшавой),* русский и польский путешественник, журналист, литератор и общественный деятель. Стал всемирно знаменит благодаря своей беллетризованной книге о гражданской войне в Сибири и Монголии «И звери, и люди, и боги» (на английском языке).

- Фердинанд Оссендовский.
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
    - Глава первая.
    - Глава вторая.
    - Глава третья.
    - Глава четвертая.
    - Глава пятая.
    - Глава шестая.
    - Глава седьмая.
    - Глава восьмая.
    - Глава девятая.
    - Глава десятая.
    - Глава одиннадцатая.
    - Глава двенадцатая.
    - Глава тринадцатая.
    - Глава четырнадцатая.
    - Глава пятнадцатая.
    - Глава шестнадцатая.
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
    - Глава семнадцатая.
    - Глава восемнадцатая.
    - Глава девятнадцатая.
    - Глава двадцатая.
    - Глава двадцать первая.
    - Глава двадцать вторая.
    - Глава двадцать третья.
    - Глава двадцать четвертая.
    - Глава двадцать пятая.
    - Глава двадцать шестая.
    - Глава двадцать седьмая.
    - Глава двадцать восьмая.
  - ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.
    - Глава двадцать девятая.

        - Глава тридцатая.
        - Глава тридцать первая.
        - Глава тридцать вторая.
        - Глава тридцать третья.
        - Глава тридцать четвертая.
        - Глава тридцать пятая.
        - Глава тридцать шестая.
        - Глава тридцать седьмая.
        - Глава тридцать восьмая.
        - Глава тридцать девятая.
    - ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.
        - Глава сороковая.
        - Глава сорок первая.
        - Глава сорок вторая.
        - Глава сорок третья.
        - Глава сорок четвертая.
        - Глава сорок пятая.
    - ЧАСТЬ ПЯТАЯ.
        - Глава сорок шестая.
        - Глава сорок седьмая.
        - Глава сорок восьмая.
        - Глава сорок девятая.
- notes
    - [1]
    - [2]
    - [3]
    - [4]
    - [5]
    - [6]
    - [7]
    - [8]
    - [9]
    - [10]
    - [11]
    - [12]
    - [13]
    - [14]
    - [15]
    - [16]
    - [17]
    - [18]
    - [19]
    - [20]
    - [21]

- [22]
- [23]
- [24]
- [25]
- [26]
- [27]
- [28]
- [29]
- [30]
- [31]
- [31A]
- [32]
- [33]
- [34]
- [35]
- [36]
- [37]
- [38]
- [39]
- [40]
- [41]
- [42]
- [43]

Фердинанд Оссендовский.
И звери, и люди, и боги

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
ИГРА СО СМЕРТЬЮ

Глава первая.
Бегство в леса

Случилось так, что в начале 1920 года я находился в сибирском городе Красноярске, раскинувшемся на величественных берегах Енисея. Эта река, рожденная в солнечных горах Монголии, несет свои животворные воды в Северный Ледовитый океан; к ее устью, в поисках кратчайшего торгового пути между Европой и Центральной Азией, дважды совершал экспедиции Нансен. Здесь, в глубоких сибирских снегах, меня и настиг промчавшийся надо всей Россией бешеный вихрь революции, который принес с собой в этот мирный богатый край ненависть, кровь и череду безнаказанных злодеяний. Никто не знал, когда пробьет его час. Люди жили одним днем и, выйдя утром из дома, не знали, вернутся ли еще под родную кровлю или их схватят прямо на улице и бросят в тюремные застенки так называемого Революционного Комитета, зловещей карикатуры на праведный суд, организации пострашнее судилищ средневековой Инквизиции. Даже мы, чужие в этой охваченной смятением земле, не были застрахованы от преследований, и лично я неоднократно испытал их на собственной шкуре. Однажды утром, когда я сидел у одного из своих друзей, мне сообщили, что двадцать красноармейцев устроили засаду вокруг моего дома и хотят арестовать меня. Нужно было срочно уходить. Торопливо натянув на себя старую охотничью одежду друга и взяв немного денег, я выбрался через черный ход на улицу и, стараясь идти окольными путями, поспешил покинуть город. На окраине я уговорил одного крестьянина отвезти меня за небольшую мзду, куда-нибудь подальше от населенных мест. Через четыре часа, покрыв верст тридцать, мы оказались в дикой чащобе. По пути мне удалось купить ружье, штук тридцать патронов, топор, нож, овчинный тулуп, чай, соль, сухари и котелок. Углубившись в тайгу, я набрел на заброшенную, наполовину выгоревшую хижину. С этого дня началась моя охотничья жизнь, но мне, разумеется, и в голову не приходило, насколько она может затянуться. На охоту я отправился уже на следующее утро и мне сразу же повезло - подстрелил двух тетеревов. В лесу попадалось множество оленьих следов, значит, понял я. пищи будет достаточно. Но одиночество мое продолжалось недолго. Спустя пять дней, возвращаясь с охоты, я заметил, что из трубы моего жилища вьется дымок подкравшись поближе, увидел двух оседланных коней, а поверх седел - солдатские ружья. Двое безоружных мужчин были мне не

страшны, и поэтому я, немешкая, подбежал к лачуге и распахнул дверь. солдаты испуганно вскочили со скамьи. Они оказались большевиками. Об этом говорили красные звезды на папахах и грязные красные нашивки на гимнастерках. Поприветствовав друг друга, мы уселись за стол. Солдаты уже успели заварить чай, и мы стали пить горячий, всегда желанный напиток, перекидываясь словом-другим и недоверчиво поглядывая друг на друга. Чтобы усыпить их бдительность, я назвался охотником и сказал, что пришел издалека, прослышав, что здесь водятся соболи. Они, в свою очередь, сообщили, что их отряд бросили в леса вылавливать всех подозрительных,

- Понимаешь, товарищ, - сказал один из них, - мы ищем контрреволюционнеров, чтобы потом пустить их в расход.

Мне это было ясно без слов. Как можно правдивее старался я играть роль простого охотника, не имеющего ничего общего с контрреволюционерами, а сам мучительно соображал, куда бежать после отъезда незванных гостей. Стемнело. В сумраке их лица показались мне еще неприятнее. Достав водку, они начали пить, постепенно все больше пьянея. Перебивая друг друга, они, то и дело срываясь на крик, спорили, кто больше уложил в Красноярске буржуев и пустил под лед казаков. Дело дошло до ссоры, но тут усталость взяла свое - их потянуло в сон. Внезапно дверь хижины широко распахнулась и перед нами в клубах морозного воздуха вырос, словно лесной дух, высокий статный мужчина. Меховой тулуп делал его крепкую фигуру еще массивнее, на голове торчала лихо нахлобученная папаха. Винтовка была нацелена прямо на нас; за поясом, как водится у сибиряков, торчал острый топор. Его глаза, цепкие и горящие, как у дикого зверя, перебегали с одного на другого. Оттянув с себя шапку, он перекрестился и спросил:

- Кто здесь хозяин?

Я ответил.

- Переночевать тут можно?

- Конечно, - ответил я. - Места на всех хватит. Пейте чай. Он еще не остыл.

Незнакомец, изучающе поглядывая на нас, поставил винтовку в угол и скинул тулуп. Под ним у него была кожаная куртка и такие же брюки, заправленные в высокие валенки. Его довольно молодое, красивое лицо светилось лукавой усмешкой. Взгляд, казалось, пронизывал тебя насквозь, а не сходившая с лица ухмылка открывала белые крепкие зубы. В спутанных волосах поблескивала седина, у рта залегли морщины. Чувствовалось, что он много повидал и пережил. Мужик сел поближе к своей винтовке, а топор положил на пол рядом.

- Это что, твоя жена? - спросил один из пьяных солдат, указывая на топор. Незнакомец бросил на него из-под густых бровей спокойный взгляд и так же спокойно отозвался:

- Кого только не встретишь нынче в лесу. С топором оно надежнее.

Он жадно заглатывал чай, с любопытством, исподтишка оглядывая меня и царивший вокруг разор, видимо, ища ответ на одолевавшие его сомнения. В паузах между долгими глотками неторопливо, нарочито растягивая слова, отвечал на расспросы, а напившись чаю, перевернул стакан вверх дном, положил сверху огрызок сахара и сказал солдатам:

- Пойду посмотрю коня. Могу и ваших расседлать.

- Валяй, - отозвался сонным голосом тот, что помоложе. Прихвати и наши винтовки.

Солдаты устроились на скамьях, нам же с незнакомцем оставалось только улечься на полу. Он вскоре вернулся с винтовками и поставил их в темный угол. Седла бросил на пол, уселся сверху и стал стягивать валенки. Вскоре он уже храпел вместе с солдатами, я же не спал, ломая голову, как быть дальше. Задремал я только на рассвете, а когда проснулся от бьющего в глаза солнечного света, незнакомца в хижине уже не было. Выйдя наружу, я увидел, что он седлает великолепного жеребца.

- Уезжаете? - спросил я. - Хочу вот проехаться с этими товарищами, - шепнул он мне. - Но скоро вернусь.

Я не стал его расспрашивать, сказал только, что буду ждать. Он снял с седла ягдташ и суму, отнес их в дом, спрятав в обгоревшем углу лачуги, осмотрел стремена и уздечку и, покончив наконец со сборами, улыбнулся и сказал:

- Ну я готов. Пойду будить "товарищей".

Примерно полчаса спустя, попив чаю, гости мои отбыли. Я остался на морозе, решив наколоть для печи дров. Вдруг в отдалении раздались выстрелы. Один, затем другой. И снова воцарилась тишина. Только стая вспугнутых тетеревов прошумела надо мной. да на высокой сосне надсадно крикнула сойка. Я долго прислушивался, не направляется ли кто к моему убежищу, но все было тихо.

На нижнем берегу Енисея смеркается рано. Я разжег в печи огонь и стал варить похлебку, не переставая вслушиваться в шорохи за окном. К этому времени мне уже стало ясно, что смерть бродит рядом и в любой момент может предстать предо мной в обличьи человека или зверя, обернуться холодом, несчастным случаем, болезнью. Помощи мне ждать неоткуда, остается только уповать Бога и полагаться на собственные руки и ноги, здравый смысл и точный расчет. Хотя я и был все время

начеку, но так и не услышал, как вернулся мой вчерашний гость. И на сей раз он возник на пороге внезапно. В клубах морозного воздуха проступило его красивое лицо со смеющимися глазами. Войдя в хижину, он с грохотом бросил в угол три винтовки,

- Два коня, две винтовки, два седла, два мешка сухарей, полбрикета чаю, мешочек соли, пятьдесят патронов, два тулупа, две пары валенок, - перечислил он, похохатывая. - Неплохая охота.

Я удивленно уставился на него,

- Неужто не уразумел? - осклабился бы, - Кому нужны эти "товарищи"? Ладно, давай попьем чайку и на боковую. Завтра двинемся в путь, провожу тебя в безопасное место, а потом уж отправлюсь по своим делам.

Глава вторая.
Тайна моего спутника

На рассвете мы пустились в путь, оставив позади мой первый приют. Наши пожитки, засунутые в мешки, покачивались у седел.

- Придется одолеть верст четыреста-пятьсот, - невозмутимо сообщил мне спутник, назвавшийся Иваном - именем, которое ничего не говорило ни моему уму, ни моему сердцу: ведь здесь каждый второй был Иваном.

- Долгий путь, - огорчился я.

- Управимся за неделю, а может, и быстрее, отозвался он.

Эту ночь мы провели в лесу под могучей, разлапистой елью. Впервые я ночевал под открытым небом. Знать бы тогда, сколько раз придется мне спать вот так, в лесу, за полтора года странствий! Весь день стоял лютый мороз. Ледяная корка хрустела под копытами лошадей, обламывалась и отлетала, ударяясь об наст со звоном, как осколки стекла. Потревоженные тетерева лениво взлетали с ветвей; по замерзшим водоемам неторопливо скакали зайцы. К вечеру поднялся ветер, он уныло завывал, клоня долу вершины деревьев, внизу же было спокойно и тихо. Привал мы устроили в глубоком овраге, со всех сторон окруженном густым лесом, на дне лежало несколько рухнувших елей. Мы порубили их на поленья, развели костер и, вскипятив воду, поели.

Затем Иван приволок два ствола, сточил топором у каждого одну сторону, положил бревна друг на друга и вбил между ними клинья. В образовавшийся просвет в три или четыре дюйма мы положили горящие угли. Огонь быстро побежал по дереву.

- Теперь будет гореть до утра, - объявил Иван. - Это "найда" - придумка старателей. Скитаясь в тайге зимой и летом, мы всегда спим рядом с найдой, Ничего лучше не бывает. Сам увидишь, - прибавил он.

Нарубив еловых сучьев, Иван поставил их наклонно к найде, а сверху набросал довольно много лапника. Получилось что-то вроде шалаша, внутри которого, на снегу, мы тоже настелили лапника, а на него - чепраки. Забравшись в шалаш, Иван тут же разделся до рубашки. Вскоре у него на лбу и шее проступил пот.

- Вот теперь хорошо, - с удовлетворением отметил он, вытираясь рукавом.

Вслед за ним разделся и я, и вот мы уже сладко спали безо всяких одеял, хотя сквозь щели в нашей колючей крыше виднелись холодные яркие звезды, а тут же за найдой лютовал

мороз. После этой ночи стужа меня уже не страшила. Промерзнув в седле за день, я знал, что к вечеру меня согреет веселый огонь найды, я стяну тяжелый тулуп и, оставшись в одной лишь рубашке под кровлей из еловых и сосновых веток, буду попивать благословенный чай.

Днем, когда мы тряслись в седлах, Иван подолгу рассказывал мне о своих странствиях по лесам и горам Забайкалья в поисках золота. В его удивительно живых историях было много невероятных приключений, схваток и опасностей. Иван принадлежал к тому незадачливому типу. старателей, которые, открыв в России или где-нибудь еще богатейшие месторождения золота, умудряются остаться нищими. Он утаил от меня, почему оставил Забайкалье и перебрался сюда, на Енисей. Я, со своей стороны, составив представление о его независимом и упрямом характере, не задавал лишних вопросов. Но однажды туман неизвестности, скрывавший эту часть его таинственной жизни, неожиданным образом рассеялся. Близилась цель нашего путешествия. Весь день мы буквально продирались сквозь густые заросли ивняка к берегу Маны, правого притока Енисея. Снег был повсюду испещрен заячьими следами. Эти маленькие белые зверьки, жившие в чащобе, то и дело перебегали нам дорогу. А один раз мы заметили рыжий хвост лисицы, спрятавшейся от нас за большим камнем; хитрый зверь следил одновременно и за нами, и за беспечными зайчишками.

Иван долго молчал, а потом вдруг заговорил, сказав, что недалеко отсюда в устье небольшого притока Маны стоит хижина.

- Ну, что скажешь? Двинем туда или проведем еще одну ночь у найды?

Я предложил направиться к хижине: хотелось помыться да и просто переночевать наконец под настоящей крышей. Иван поморщился, но согласился.

Уже смеркалось, когда мы подъехали к затерявшейся в глухом лесу и почти не видной в малиннике лачуге. В ней была лишь одна маленькая комнатенка с двумя крохотными оконцами и громадной русской печью. Неподалеку от дома виднелись развалины сарая и погреба. Мы истопили печь и приготовили скромный ужин. Иван отпил из бутылки, добытой у солдат, и разговорился. Глаза его блестели, руки нервно теребили длинные кудри. Он начал было рассказывать одну из своих многочисленных историй, но неожиданно замолк и с неподдельным ужасом уставился в угол.

- Видел крысу? - спросил он.

- Ничего я не видел, - отозвался я.

Он снова замолчал и, сведя брови, о чем-то напряженно

задумался. Меня это не удивило - частенько мы часами не обменивались ни единым словом.

Затем Иван наклонился ко мне и зашептал.

- Расскажу тебе, пожалуй, одну историю. У меня был друг в Забайкалье. Из ссыльных, по фамилии Гавронский, Сколько лесов прошли мы с ним в поисках золота, сколько гор облазили не счесть! Был у нас уговор: что ни найдем - все делим пополам. Но он неожиданно ушел в тайгу к Енисею и исчез. И вот спустя пять лет доходит до меня слух, что нашел он золотую жилу и разбогател. А позднее стало известно, что его убили вместе с женой... Иван помолчал с минуту и снова продолжал:

- Мы сейчас находимся в его хижине. Здесь он жил вместе с женой и где-то неподалеку на реке добывал свое золотишко. Никому не говорил - где. Крестьяне в округе знали, что у него в банке полно денег и что он продает золото правительству. Здесь их и убили.

Иван подошел к печке, вытащил горящую головешку и, подавшись вперед, осветил пол.

- Вот они, эти пятна крови на полу и на стене. Это их кровь, Гавронских. Так они и не сказали, где золото. Добывали его из глубокого шурфа на берегу реки и хранили в погребе под сараем. Ни слова не вымолвили... А как я пытал их... Боже, как я их пытал! Поджаривал на медленном огне, выкручивал пальцы и, наконец, выдавил глаза. Все зря. Отдали Богу душу, ничего не сказав.

Немного подумав, он быстро добавил:

- Эту историю я слышал от крестьян. Бросив головешку в огонь, Иван тяжело рухнул на скамью.

- Пора спать, - буркнул он и затих.

Еще долго слушал я его тяжелое дыхание и бормотание, Он ворочался с боку на бок, не выпуская изо рта трубки.

Утром мы покинули зловещее место, хранившее память о тяжких муках и злодейском преступлении, и снова пустились в путь, пока наконец на седьмой день путешествия не достигли горной цепи, сплошь поросшей у основания густым кедровым лесом.

- Отсюда до ближайшей деревни восемьдесят верст, - объяснял мне Иван.

- Люди забредают сюда только осенью, во время сбора орехов. Раньше никого не жди. В этих местах много птицы, зверья и орехов, будешь жить припеваючи. Видишь реку? Захочешь к людям, иди по течению, ближайшее селение - там.

Иван помог мне соорудить жилище из глины. Впрочем, это была не обычная мазанка. Основой для нее стала глубокая яма,

образовавшаяся на том месте, где раньше рос вывороченный бурей огромный кедр. Глиной скрепили торчащие из земли корни, а сверху накидали сучьев и веток, создав таким образом подобие крыши. Это сооружение мы обложили для прочности камнями и засыпали снегом, чтобы было теплее, Постоянно открытый вход в хижину должна была охранять все та же найда. В этой берлоге я провел в тепле два месяца, не видя ни одного человеческого лица и не имея вестей из большого мира, где свершались грандиозные события. Я жил в этой могиле под корнями рухнувшего дерева один па один с дикой природой, в постоянной борьбе за существование и непрерывных волнений за судьбу своей семьи. Иван уехал на другой день, оставив мне мешок сухарей и немного сахара. Больше я никогда его не видел.

Глава третья.
Борьба за жизнь

Итак, я остался один. Вокруг простирались заснеженные леса из вечнозеленого кедра, торчали голые кусты да виднелась полоска замерзшей реки. Лес и снег! Вот она, сибирская тайга! Как долго придется мне жить здесь? Найдут ли меня большевики? Узнают ли друзья, где я? Что с моей семьей? Эти вопросы не давали мне покоя. Скоро я понял, почему Иван привел меня именно сюда. На нашем пути попадалось много уединенных мест, куда редко заглядывали люди и где я находился бы в полной безопасности. Но Иван все повторял, что приведет меня туда, где легче жить. Так оно и оказалось. Особое очарование этих мест таилось в кедровом лесе и бесконечных сопках, поросших кедровым стлаником. Кедр - великолепное, могучее дерево с раскидистой вечнозеленой кроной, он притягивает к себе все живое. Там, где растет кедр, всегда кипит жизнь. То белки затеют гвалт, прыгая с ветки на ветку, то резко прокричит поползень, то стайка снегирей с пунцовыми грудками живым пламенем промелькнет в ветвях, то шустрым маленьким войском налетят щеглы и наполнят кроны деревьев веселым щебетом, а то стремглав, петляя от дерева к дереву, пробежит заяц, а за ним , еле видный на снегу, прокрадется белый горностай, и только движущееся черное пятнышко - кончик его хвоста - скажет, что зверек рядом. Подходил к моему жилищу, осторожно ступая по обледенелой снежной корке, благородный олень, а как-то пожаловал в гости с высоких гор и сам хозяин тайги, бурый медведь. Эти живые впечатления отвлекали меня, уносили черные мысли, порождали желание во что бы то ни стало выжить. Когда становилось совсем уж тошно, я взбирался на вершину ближайшей, возвышавшейся над лесом сопки и смотрел на красневшую на горизонте гряду утесов. Это был уже противоположный берег Енисея. Там обитали люди, там были города, в которых жили мои друзья и враги. Где-то там находилась моя семья. Иван знал то жгучее чувство одиночества, которое предстояло мне пережить, и это было второй причиной, по которой он привел меня сюда. Со временем я даже стал скучать по своему спутнику, который, хоть и был убийцей Гавронских, заботился обо мне, как родной отец: седлал лошадь, рубил дрова, словом, делал все, чтобы мне было легче переносить обрушившиеся невзгоды. Много зим провел он в полном одиночестве, наедине со своими думами и с дикой природой,

один пред ликом Всевышнего. Как никто знал он муки вынужденного одиночества, но тем не менее научился достойно переносить их. Для себя я решил, что если мне суждено встретить здесь смертный час, то перед концом, собрав последние силы, постараюсь взобраться на вершину сопки, чтобы до последней минуты смотреть в ту сторону, где за бесконечными лесными далями находятся мои близкие.

Но раскисать было нельзя, да и заботы брали свое. Моя и без того трудная и суровая жизнь превратилась теперь в сплошную борьбу за существование. Тяжелее всего было заготавливать бревна для найды. Упавшие, засыпанные снегом стволы деревьев примерзали к земле. Мне приходилось сначала подкапывать их, а затем, используя длинную жердь как рычаг, понемногу передвигать в нужном направлении. Чтобы как-то облегчить задачу, я подыскивал деревья на склоне сопки: карабкаться вверх было трудновато, зато потом бревна легко скатывались вниз. Вскоре мне повезло. Недалеко от моей лачуги во время сильной бури рухнула огромная лиственница - великолепный лесной гигант. Она надломилась у основания и теперь лежала, припорошенная снегом. Обрубив дерево со всех сторон, я решил перетащить его, хоть это было и сложно, к хижине, но тут увидел, что на свежих срубах выступила смола. Щепа такого дерева была для меня нежданно обретенным сокровищем: одной искры хватило бы, чтобы разгорелся огонь. Отныне я всегда держал наготове запас лиственничной щепы, чтобы, вернувшись с охоты, побыстрее согреть озябшие руки и вскипятить чай.

Большую часть моего дня поглощала охота. Я понимал, что работа - единственное верное средство от удручающих мыслей, и потому старался постоянно чем-то себя занимать. После утреннего чая я обычно уходил с ружьем в лес, охотиться на тетеревов. Подстрелив парочку птиц, возвращался и начинал готовить обед, меню которого не отличалось особым разнообразием. Как правило, это была похлебка из дичи и несколько сухарей. Затем я приступал к чаепитию, поглощая горячее питье, кружка за кружкой, в неимоверных количествах, как это принято у таежных охотников. Однажды, бродя по лесу, я услышал в кустах шорох и, присмотревшись, разглядел торчащие из зарослей кончики оленьих рогов. Я осторожно подкрался к кустам, но чуткое животное все же услышало шуршание и с оглушительным шумом ринулось сквозь заросли. Отбежав шагов на триста, олень замер на горном склоне. Это был превосходный экземпляр: крупный, чуть ли не с корову, самец, темносерого цвета с черным чепраком. Я оперся ружьем на сук и выстрелил. Олень вскинулся, бросился было вперед, но тут же рухнул на

землю. Я побежал к нему, животное же, собрав остаток сил, приподнялось и с трудом потащилось в гору. Второй выстрел сразил его наповал. Теперь у меня был большой запас свежего мяса и впридачу теплый ковер. Рога оленя я укрепил на стенах хижины и вешал на них шапку.

Помню одну любопытную, хотя и драматическую сценку, разыгравшуюся в нескольких километрах от моего жилища. Там было небольшое, заросшее травой и клюквой болото, куда часто прилетали поклевать ягоду тетерева и куропатки. Когда, приблизившись к болоту, я затаился в кустах, моим глазам открылась премилая картина. Целая стая тетеревов, рассыпавшись по снегу, выискивала и клевала ягоды. Пока я присматривался, один тетерев неожиданно взметнулся ввысь, за ним поднялась в воздух и вся вспугнутая стая. К моему удивлению, птица, взлетевшая первой и взмывавшая все выше, вдруг камнем упала вниз. Подойдя поближе, я увидел, как из-под мертвого тетерева выбрался хищный зверек, горностай, и юркнул под старое дерево. Горло птицы было насквозь прокушено. Только тогда я понял, что произошло. Горностай напал на тетерева, вцепился тому в горло и не отпускал птицу, даже когда та поднялась в воздух. Напротив, он все глубже вонзал в нее свои зубки, пока тетерев не задохнулся. Благодаря смекалке зверька, я сэкономил патрон,

Вот так я и жил, в поте лица добывая хлеб насущный, но даже тяжелый труд не спасал от горьких мыслей. Шли дни, пролетали недели, и наконец повеяло дыханием весны. На открытых местах появились проталины. Побежали ручейки. Как-то я увидел муху, а потом и паука, пробудившихся после зимнего сна. Мне было ясно, что весной из леса не выбраться, Реки разлились, болота стали непроходимыми, звериные тропы развезло, затопило водой. Моему одиночеству суждено было длиться до лета. Весна набирала силу. С гор сошел снег, обнажив каменную породу, голые стволы берез и осин, высокие пирамиды муравейников. Освободившись ото льда, река, пенясь и бурля, несла свои воды.

Глава четвертая.
Рыбак

Однажды, охотясь, я брел по берегу реки и неожиданно заметил в воде крупных рыб с огненно-красным, словно наполненным кровью брюшком. Они плавали у самой поверхности, греясь на солнышке. Прошло несколько дней, река полностью очистилась от льда, и этой рыбы стало особенно много. Она шла на нерест вверх по течению, в мелкие речушки. Чтобы полакомиться ею, я решил прибегнуть к позаимствованному у браконьеров способу, запрещенному во всех цивилизованных странах. Впрочем, разве закон не должен быть снисходительным к отшельнику, живущему в норе под корнями упавшего дерева?

Нарубив молодых березок и осин, я устроил что-то вроде плотины и вскоре увидел, что рыба пытается ее перепрыгнуть. Ближе к берегу я оставил в плотине дыру, дюймов восемнадцати длиной, которую прикрыл с другой стороны корзиной, сплетенной из гибких ивовых прутьев. В надежде обрести свободу рыба устремлялась в разрыв, но попадала прямиком в мою корзину, а тут я, стоя рядом, оглушал ее дубинкой по голове. Конечно, жестоко, но что поделать? Рыба попадалась все крупная, каждая рыбина больше тридцати фунтов, а некоторые - и за восемьдесят, Эта рыба зовется тайменем, она из семейства лососевых и по вкусовым качествам нет ей равных в енисейских водах.

Спустя две недели нерест закончился, корзина моя опустела, и я снова начал охотиться.

Глава пятая.
Опасный сосед

Весна пробудила лес к жизни, и теперь охота с каждым днем доставляла мне все больше удовольствия, да и охотничьи трофеи стали богаче. Рано утром, с восходом солнца, лес наполнялся голосами его обитателей - незнакомыми и ничего не говорящими городскому жителю. На вершине кедра слышалось клохтание тетерева, он распевал песнь любви, не сводя восхищенного взгляда с серенькой курочки, которая рылась внизу, в прелых листьях. Этот пернатый Карузо ничего не видел и не слышал, и мне ничего не стоило оборвать выстрелом его поэтический экстаз, как бы напомнив о более прозаических обязанностях. Смерть его была легкой и безболезненной, он так и не успел очнуться от любовного опьянения. Поодаль на поляне, распустив пестрые хвосты, отчаянно бились глухари; самочки же с важным видом расхаживали рядом, вытягивая шеи и кудахча, - похоже, обсуждали своих задиристых кавалеров. Они с интересом следили за дракой, явно довольные происходящим. Издали несся брачный зов оленя - могучий рев, в котором, однако, угадывались нежность и любовь. С гор также слышались короткие, хриплые крики других самцов. В кустах резвились зайцы, а за ними, прижавшись к земле и выжидая удобный момент для нападения, следила рыжая лиса Только волчьего воя я ни разу не слышал - волки редко встречаются в таежных горных районах Сибири.

Однако здесь водился еще один зверь, оказавшийся моим соседом, и было ясно, что кто-то из нас должен уйти. Однажды, возвращаясь из леса с крупным тетеревом, я обратил внимание, что в кустах копошится что-то темное. Остановился и, присмотревшись, понял, что это медведь, разрывающий муравейник. Учуяв мой запах, он раздраженно фыркнул и поторопился уйти, поразив меня быстротой своей неуклюжей походки. Наутро, когда я еще нежился под тулупом, снаружи донесся непонятный шум, Я тихонько посмотрел в щелку и увидел того же медведя. Стоя на четвереньках, он шумно обнюхивал вход в мое логово, как бы озадаченный вопросом, кому еще пришло и голову зимовать, подобно его родичам, под корнями упавшего дерева. Я закричал изо всех сил и застучал топором по котелку. Ранний посетитель пустился наутек, но это меня не успокоило. Весна только начиналась, и медведи в эту пору еще не покидали своих берлог. Мой гость принадлежал, видимо, к тем медведям, которых зовут "муравьедами" -

выродками из семейства этих благородных животных.

Я знал, что "муравьеды" легко возбудимы, свирепы, и потому стал готовиться и к обороне, и к нападению. Эти приготовления не заняли у меня много времени. Я сточил концы пяти патронов, превратив их в так называемые пули "дум-дум"[1], которые выглядели надежным аргументом в споре с незванным гостем. Потом, наден тулуп, направился к месту, где впервые встретил зверя, - там было множество муравейников. Облазив всю сопку и заглянув во все ущелья, нигде не обнаружил моего незнакомца. Когда, усталый и раздосадованный, я приближался к своему жилищу, совершенно не думая об опасности, то неожиданно увидел, как король тайги выбирается из моего логова, обнюхивая на своем пути землю. Я выстрелил, Пуля поразила зверя в бок. Взревев от боли и ярости, медведь выпрямился во весь рост. Вторая пуля угодила ему в заднюю лапу. Медведь опустился на четвереньки, но тут же, таща за собой раненную лапу и порываясь подняться, угрожающе двинулся в мою сторону. Только третья пуля остановила его. В медведе было больше двухсот фунтов весу, может, все двести пятьдесят, а мясо его имело отменный вкус. Отбивные были просто объедение! Неплохо получались у меня и гамбургские бифштексы, которые я сворачивал и жарил на раскаленных камнях. Постепенно они набухали, превращаясь в большие шары, а по вкусу не уступали тому нежнейшему суфле, какое мы, помнится, едали в петроградском ресторане "Медведь". Теперь, пополнив продовольственные запасы отличным продуктом, я мог спокойно дожидаться, когда спадут воды и подсохнет земля, чтобы направиться вниз но течению реки к людям - по пути, указанному Иваном.

Всегда относясь к путешествиям с превеликой серьезностью, я и здесь в меру сил проявил основательность, и потому всю дорогу тащил на себе свое незамысловатое хозяйство и припасы, завернув их в оленью шкуру и стянув уродливым узлом из лап. Вот так, навьюченный, словно мул, переходил я вброд маленькие речушки, пробирался, увязая в грязи, через встречавшиеся на моем пути болота. Миль через пятьдесят показалась деревня Сивково, где я остановился в ближайшем к лесу доме крестьянина Тропова. Некоторое время я жил у него.

***

Находясь сейчас в неправдоподобно мирном и благословенном месте и вспоминая мою жизнь в сибирской тайге, могу сказать следующее. В экстремальной ситуации в каждом духовно здоровом моем современнике непременно проснется

первобытный предок - охотник и воин, и это поможет ему в борьбе со стихией. Преимущество всегда на стороне человека с развитым сознанием и тренированной волей, тот же, кто не обладает достаточным интеллектом и сильной волей, потерпит поражение. Но победу наш образованный современник оплатит дорогой ценой, ибо нет ничего страшнее абсолютного одиночества, полной изоляции от остального человечества, от привычных нравственных и эстетических норм. Минутная слабость - и темное безумие уже овладело тобой, неминуемо ведя к гибели, Я пережил ужасные дни, борясь с голодом и холодом, но битва с отнимающими силу, разрушительными мыслями была пострашнее. При воспоминании о тех днях у меня и сейчас сжимается сердце, а стоит взяться за перо, все пережитое вновь оживает, и я погружаюсь в черную пучину страха. По моим наблюдениям жители цивилизованных стран уделяют недостаточное внимание развитию навыков, необходимых для выживания в первобытных условиях, когда идет примитивная борьба за существование. А ведь только постоянной тренировкой можно создать новое поколение сильных, здоровых, выносливых людей, наделенных одновременно и чувствительной душой.

Природа уничтожает слабых, но помогает сильным, пробуждая в них инстинкты, которые дремлют в обычных условиях городской жизни.

Глава шестая.
Ледоход на Енисее

Недолгое пребывание в Сивкове оказалось для меня очень полезным. Во-первых, я послал надежного человека к моим друзьям в Красноярске, которые тут же переправили мне белье, обувь, деньги, аптечку первой помощи и, самое главное, паспорт на другое имя: отныне для большевиков я умер. Во-вторых, почувствовав себя в относительной безопасности, я смог задуматься о будущем. Среди крестьян прошел слух, что в деревню едет комиссар-большевик, который будет отбирать скот для нужд Красной Гвардии[2]. Задерживаться здесь стало опасно. Я ждал только, когда вскроется Енисей: хотя мелкие реки давно уже освободились ото льда и деревья оделись нежной весенней листвой, могучую реку по-прежнему сковывали ледяные латы. Один рыбак согласился доставить меня за тысячу рублей к покинутому золотому прииску в пятидесяти пяти милях вверх по течению, но отправиться туда мы могли не раньше, чем вскроется река, в которой лишь кое-где темнели полыньи.

И вот однажды утром меня разбудил оглушительный рев, похожий на грохот канонады; выбежав из дома, я увидел, как, громоздясь одна на другую, на реке рушились и крошились глыбы льда. Я бросился к берегу и там долго созерцал грандиозное, захватывающее дух явление природы. С юга по Енисею двигались освобожденные громады льда, под их мощным напором трещала и раскалывалась ледяная броня, и вся эта необузданная масса стремительно неслась на север, к Арктике. Енисей, который зовут здесь батюшкой-Енисеем" и "богатырем-Енисеем",- одна из крупнейших азиатских рек. Он сказочно прекрасен в своем среднем течении, где его глубокие воды, укрывшись н ущелье, движутся, зажатые с обеих сторон высокими берегами. Во время ледохода стремительный поток несет в низ по течению целые ледяные поля, дробя их на речных порогах и яростно закручивая в водоворотах отдельные льдины. Мигом исчезает потемневшая колея расколотой стихией ледяной дороги, но которой передвигается зимой санный поезд из Минусинска в Красноярск, скрываются под водой шалаши - временные пристанища торгового люда. Иногда на реке вдруг возникает затор, и тогда ледяные махины, давя и тесня друг друга, с бешеным ревом вздымаются вверх, иногда футов на тридцать, преграждая путь водному потоку, который в поисках выхода устремляется в низины, выбрасывая на берег горы льда. Но вот водяные массы,

как бы собравшись с силой, вдребезги разносят ледяную плотину и, с хрустом перемалывая и кроша се, несутся дальше. У высоких отвесных скал, а также в излучинах реки царит особенный хаос, Не выдерживая невыносимого давления, громадные ледяные глыбы внезапно взлетают в воздух, круша друг друга; иногда их отбрасывает на берег, где они сносят огромные валуны, вырывают с корнем деревья, корежат землю. Разбушевавшаяся стихия, перед лицом которой человек ощущает себя пигмем, иногда оставляет на низком берегу ледяные стены до двадцати футов высотой. Местные жители называют их "заберега" и, чтобы пройти к реке, вынуждены прорубать в них проход. Особенно запомнился мне один впечатляющий момент в этом буйстве стихии: громаднейшую ледяную глыбу как пушинку выбросило из кипящего водоворота и швырнуло футов на пятьдесят от воды, где она, упав, снесла с лица земли молодую рощицу.

С замиранием сердца следил я за величественным исходом льда, но в то же время не мог скрыть ужаса и отвращения при виде жутких трофеев, доставшихся в этом году Енисею. По реке плыли трупы расстрелянных контрреволюционеров - офицеров, солдат, казаков из армии адмирала Колчака, Верховного Правителя антибольшевистской России. ЧК, видимо, хорошо поработала в Минусинске. В поисках последнего пристанища проплывали мимо сотни обезглавленных тел, у некоторых были отрублены и руки, у других - проломлены черепа, обезображены лица, сожжена кожа. Трупы втягивало в ледяное крошево, зажимало между глыбами, перемалывало и разрывало на части, а затем река, как бы не в силах скрыть своего омерзения, изрыгала останки на основа и песчаные отмели. В дальнейшем я прошел большое расстояние вдоль берегов среднего Енисея, и всюду встречал ужасающие свидетельства большевистских злодеяний. Как-то у поворота реки наткнулся я на гору гниющих лошадиных трупов их было не меньше трехсот, - выброшенных потоком на берег вместе со льдом. А верстою ниже меня прямо вырвало от еще одного омерзительного зрелища. По берегу реки тянулся ивняк, его мокнувшие в мутной воде ветви, словно длинные пальцы, цепко держали мертвецов, запутавшихся здесь в самых немыслимых позах. Жуткая непринужденность, с какой они расположились в своем последнем пристанище, совершенно потрясла меня, и эта картина надолго врезалась в мою память. Я насчитал семьдесят участников этого печального и страшного сборища.

Наконец ледяные горы окончательно переместились к северу, подгоняемые мощным потоком взбаламученной воды, которая несла с собой стволы поверженных деревьев, бревна и трупы,

трупы, трупы ... Рыбак с сыном разместили меня и мой скудный скарб в челноке, выдолбленном из ствола осины, и, отталкиваясь длинными шестами от дна, повели лодку вдоль берега, вверх по течению. А когда оно сильное, дело зато нелегкое! На крутых поворотах сила сопротивления воды возрастала, и тогда мы начинали грести, а иногда, прибившись к скалам, медленно продвигались вперед, цепляясь за камни руками. Иногда на таких вот быстринах мы торчали подолгу, отвоевывая у воды метр за метром. В нужное место мы прибыли только через два дня. На прииске я провел неделю, живя в семье сторожа. У моих хозяев дела с продовольствием обстояли неважно, и я вновь взялся за ружье, которое в очередной раз сослужило мне хорошую службу: подстреленной дичи на всех хватало. Через пару дней к нам зашел агроном. Я не стал прятаться: с такой бородищей меня и родная мать не узнала бы. Гость, однако, оказался хитер и быстро мою подноготную раскусил. Это меня не испугало: видно было, что он не из большевиков, в чем я вскоре и убедился. У нас нашлись общие друзья, да и взгляды наши на текущий момент были одинаковы. Агроном жил в деревне неподалеку от прииска, где руководил общественными работами. Мы порешили вместе выбираться из России. У меня, давно уже размышлявшего над этой задачей, созрел план. Хорошо зная Сибирь, я пришел к заключению, что нам всего безопаснее уходить через Урянхай[3] - северную часть Монголии, - раскинувшийся в верховье Енисея, затем пересечь Монголию и выйти к дальневосточным берегам Тихого океана. В свое время я получил предписание от правительства Колчака исследовать Урянхай и Западную Монголию; тогда-то я весьма тщательно изучил карту этого района, а также проштудировал всю доступную литературу. На осуществление этого рискованного плана меня толкала насущная забота о спасении собственной жизни.

Глава седьмая.
По Советской Сибири

Несколько дней спустя, оставив прииск, мы начали пробираться к югу по левому лесистому берегу Енисея. Из страха быть узнанными обходили за версту все встречные деревушки. Когда же все-таки приходилось завернуть в одну из них, нас всегда ждал радушный прием. Крестьяне не догадывались, кто мы на самом деле, и все же не скрывали, что ненавидят большевиков, разоривших в этих местах много крепких деревень. Прослышав, что из Минусинска специально, чтобы вылавливать по лесам остатки белого воинства, выслан отряд красногвардейцев, мы отошли подальше от реки и затаились в чащобе. Здесь отсиживались мы почти две недели, пока красные рыскали по лесам, хватая оборванных безоружных офицеров. скрывавшихся где придется от лютой ненависти большевиков. Возобновив путь, мы вскоре достигли поляны, по краям которой висели на деревьях трупы изуродованных до неузнаваемости двадцати восьми офицеров. Тогда-то мы и решили ни за что не сдаваться живыми в руки большевиков, а в случае необходимости прибегнуть к цианистому калию или к спасительной пуле.

Как-то, перебираясь через приток Енисея, мы увидели потемневшие от грязи трупы выброшенных на мель людей и лошадей. Немного подальше обнаружили сломанные сани, а вокруг на земле пустые ящики, рваную одежду, кипы разбросанных бумаг. И вновь трупы. Кем были эти несчастные? Что за трагедия разыгралась здесь, в диком лесу? Пытаясь разобраться, мы стали внимательно просматривать документы и бумаги. Большинство из них были официальными донесениями в штаб Пепеляева. Видимо, часть отступавшего вместе с армией Колчака штаба оказалась в этом лесу и, не сумев надежно укрыться, окруженная со всех сторон красными частями, была схвачена и уничтожена врагом. Вблизи этого места мы наткнулись на труп истерзанной женщины, с первого взгляда на который было понятно, что пришлось пережить несчастной, прежде чем благословенная пуля положила. конец надругательствам, Неподалеку от убитой было что-то вроде навеса из сучьев, все пространство под ним было завалено бутылками и консервными банками - видимо, зверское убийство предварял развеселый пир.

Чем дальше отходили мы на юг, тем доброжелательнее к нам и враждебнее к большевикам становилось местное население.

Наконец мы выбрались из лесов и вступили на бескрайние просторы Минусинской степи, усеянной множеством соленых озер и пересеченной высокой грядой гор Кызыл-Кайя. Это край великого множества могильных надгробий, больших и малых дольменов, памятников бывшим властелинам земли: здесь воздвигали десятиметровые каменные изваяния Чингисхан, а позднее и хромой Тамерлан - Тимур. Тысячи дольменов и каменных фигур тянутся к северу бесчисленными рядами. В степи сейчас живут татары. Большевики основательно пограбили их, и потому они особенно пылко их ненавидят. Мы не таили от татар, что скрываемся от преследований. Они дали нам с собой провизии, отказавшись взять что-либо взамен, а также объяснили, куда идти дальше, где лучше остановиться и где укрыться в случае опасности.

Через несколько дней, стоя на высоком берегу Енисея, мы глядели на первый, открывший навигацию пароход "Ориоль", следующий из Красноярска в Минусинск с красногвардейцами на борту. А вскоре и подошли к устью реки Тубы, вверх по течению которой нам надлежало двигаться прямо на восток, к Саянам, где пролегает граница Урянхайского края. Долина Тубы и ее притока Амыла казалась нам особенно опасной, эти земли были плотно заселены, а местные крестьяне охотно пополняли банды известных красных партизан - Щетинкина и Кравченко. На рассвете хозяин-татарин переправил нас вместе с лошадьми на правый берег Енисея, дав в сопровождение нескольких казаков, которые проводили нас до самого устья Тубы, где мы провели остаток дня, отдыхая и объедаясь дикой черной смородиной и вишней.

Глава восьмая.
Три дня на краю пропасти

С чужими паспортами в кармане мы продвигались вперед по долине Тубы. Каждые десять-пятнадцать верст на нашем пути попадались крупные деревни, от ста до шестисот дворов, где власть была в руках Советов, а их шпионы шныряли повсюду, приглядываясь к новым лицам. Объезжать эти деревни стороной мы не могли по нескольким соображениям. Во-первых, наше нежелание появляться в селах могло возбудить подозрения у встречавшихся на нашем пути крестьян, за этим неминуемо последовал бы арест, а затем сельсоветчики переслали бы нас в Минусинскую ЧК, где нас тут же поставили бы к стенке. Во-вторых, документы моего спутника давали право пользоваться услугами почтовых станций, так что нам следовало заезжать в советские деревни хотя бы для того, чтобы сменить лошадей. Своих мы оставили татарину и казакам, проводившим нас до устья Тубы. Один из казаков подвез нас на своей подводе к ближайшей деревне, где мы достали лошадей. В целом население было настроено против большевиков, а нам, напротив, охотно помогало. В благодарность я лечил крестьян, а мой товарищ давал им ценные советы по ведению хозяйства. Особенно охотно оказывали нам услуги старожилы и казаки.

Иногда на нашем пути попадались деревни, целиком находящиеся под влиянием большевиков, но мы быстро научились распознавать их. Когда при въезде в село на звон почтовых колокольчиков, хмурясь, поднимались с порогов угрюмые люди со словами "вот опять кого-то черти принесли", мы знали, что население деревни враждебно к коммунистам и здесь мы будем в полной безопасности. Если же крестьяне бросались навстречу, радостно приветствовали нас, называя "товарищами", это было горестным знаком, что мы в стане врагов и должны держаться настороже. В таких деревнях жили не свободолюбивые сибиряки, а пришлый народ с Украины. Эти люди, лентяи и пьяницы, ютились в убогих, грязных хижинах, хотя вокруг простирались богатые черноземные земли. Тревожные минуты пережили мы в селе Каратуз, которое скорее можно назвать городом. В 1912 году, когда его население достигло пятнадцати тысяч, здесь открыли две гимназии. Каратуз - столица южно-енисейского казачества. Впрочем, теперь селение не узнать. Пришлые крестьяне и красногвардейцы перерезали всех казаков, разграбили и сожгли их дома, превратив село в большевистский

центр всей Минусинской округи. В здании Советов, куда мы вошли, желая добиться смены лошадей, как нарочно проходило совещание ЧК. Нас тут же окружили чекисты, потребовав предъявить документы. Нам вовсе не хотелось извлекать свои липовые бумаги, и мы, как могли, попытались избежать проверки. Мой товарищ впоследствии не раз повторял: "На наше счастье в большевистских вождях ходят вчерашние гор - сапожники, а ученые метут улицу или чистят конюшни. Я берусь убедить их начальство в чем угодно, ведь бедняги не видят разницу между "дезинфекцией" и "дифтерией", "антрацитом" и "аппендицитом". Могу минуты за две окончательно запутать эти умные головы и отговорить от чего бы то ни было - даже от собственного расстрела".

Так произошло и на этот раз. Мы совершенно покорили чекистов, представив им красочную картину возрождения края. когда через несколько лет мы проведем дороги, построим мосты, начнем вывозить лес из Урянхая, железо и золото с Саян, скот и меха из Монголии, Вот это будет настоящий триумф Советской власти! Наше славословие продолжалось около часа и имело полный успех. Чекисты, позабыв о формальностях, лично сменили нам лошадей, погрузили вещи и пожелали счастливого пути. Это испытание стало для нас последним на российской земле.

Счастье улыбнулось нам, когда мы пересекли долину Амыла. У переправы мы познакомились с милиционером из Каратуза, который вез с собой несколько ружей и автоматических пистолетов, в основном маузеров. Оружие предназначалось для карательного отряда, прочесывавшего Урянхай в поисках казачьего офицерства, которое доставляло большие неприятности большевикам. Мы насторожились. Встреть мы этот отряд, как знать, отделались бы от солдат с той же легкостью, с какой провели чекистов, купившихся на высокие фразы? Мы постарались выведать у милиционера маршрут отряда и, добравшись до ближайшей деревни, остановились вместе с ним в одном доме. Разбирая свои вещи, я заметил его восхищенный взгляд.

- Что вам так понравилось? - спросил я.

- Штаны... штаны, - прошептал он.

Он говорил о брюках, которые прислали мне из города друзья - отличные брюки для верховой езды из плотного черного сукна. Они целиком завладели его вниманием.

- Если у вас нет других брюк... - начал я, соображая, чего бы у него выпросить взамен.

- Больше никаких нет, - проговорил он с грустью. - Советская

республика пока штанов не шьет. А в Советах мне так прямо и сказали, что у них у самих нет. Мои же совсем протерлись. Вот взгляните.

С этими словами он отвернул полу тулупа. Ужасное зрелище! Эти так называемые штаны больше напоминали сеть, причем весьма редкую - не одна рыбежка проскользнула бы сквозь нее. Для меня так и осталось тайной, как он сам умудрялся не вываливаться из них.

- Продайте, - взмолился он.

- Не могу, - решительно отказался я. - Самому нужны.

Он на мгновение задумался, а затем, подойдя ко мне ближе, тихо сказал: - Выйдем поговорим. Здесь неудобно.

Мы вышли.

- Я вот что предлагаю, - начал он. - Вы направляетесь в Урянхай. Там много чего продается: собольи, лисьи, горностаевые шкурки, золотой песок. Но на советские рубли ничего не купишь - они там не в ходу. А вот ружья и патроны обменяют на что угодно, У вас уже есть по ружью на брата, а за штаны я еще по одному добавлю и по сотне патронов в придачу.

- Зачем нам оружие? У нас надежные документы, - отозвался я как можно равнодушнее, скрывая свою заинтересованность.

- Разве непонятно? Ружья можно обменять на меха и золото. Я дам вам ружья.

- Вон оно что! Но за такие брюки двух ружей мало. Теперь во всей России не найдешь другой такой пары. Брюки нужны всем, а за ружье я получу всего лишь одну соболью шкурку. Зачем она мне?

В конце концов я добился желаемого. Милиционер вручил мне за брюки ружье с сотней патронов и два автоматических пистолета, по сорок патронов на каждый. Теперь в случае чего мы могли себя защитить. Более того, счастливый обладатель новых брюк выписал нам разрешения на право носить оружие. Итак, и закон и сила были на нашей стороне. Мы приобрели в глухой деревушке трех лошадей, двух для себя и одну для поклажи, наняли проводника, купили сухарей, мяса, соли и масла и, денек передохнув, начали наше путешествие вверх по Амылу к Саянам и к Урянхайской границе, надеясь, что в тех краях равно отсутствуют как хитрые, так и простодушные большевики.

Через три дня мы миновали последнюю русскую деревню и вышли к монгольско-урянхайской границе. Позади остались три полных опасности дня в краю распоясавшейся черни, когда ни на минуту нас не отпускал страх перед возможностью рокового исхода. Но мы собрали всю свою волю, призвали все мужество, напрягли разум и победили. Только это спасло нас от множества

опасностей, только это удержало на краю пропасти, куда до нас рухнули многие, так же, как и мы, стремившиеся к свободе. Возможно, им изменило хладнокровие, возможно, не хватило поэтического дара для од в честь "дорог, мостов и золотых россыпей", а может, просто не было лишних штанов.

Глава девятая.
К Саянам и свободе

Густые, первозданные леса окружали нас. Мы с трудом различали утопавшую в высокой, уже пожелтевшей траве тропу, вьющуюся меж кустарников и деревьев с почти облетевшей листвой. Это была старая, заброшенная Амыльская дорога. Двадцать пять лет назад по ней возили продовольствие, оборудование и рабочих на многочисленные - золотые прииски Амыльской долины. Поначалу дорога бежала вдоль широкой и быстрой реки, затем уходила в лес; там мы шли, продираясь сквозь колючие заросли, поднимаясь в горы и снова опускаясь в низины, где утопали в вязкой, болотистой почве, стараясь не угодить в одну из коварных сибирских трясин. Проводник не знал истинной цели нашего путешествия и как-то однажды, сосредоточено уставившись в землю, изрек:

- Здесь проехали три всадника. Может, и солдаты.

Он успокоился только после того, как выяснил, что следы, свернув было в сторону, снова вернулись на прежнее место.

- Они не поехали дальше.

- Жаль, - отозвались мы. - В большой компании путешествовать веселее.

В ответ проводник только ухмыльнулся, поглаживая бороду и всем своим видом показывая, что его не проведешь.

Наш путь пролегал через рудник, когда-то оборудованный по последнему слову техники, теперь же являвший собой весьма жалкое зрелище. Большевики повывозили отсюда все, что только смогли: оборудование, запасы продовольствия, частично разобрали и отдельные строения. Поодаль мрачно темнела обесчещенная церковь: окна выбиты, крест сброшен, часовня сожжена печальный символ сегодняшней России. Семья оставшегося на прииске сторожа влачила полуголодное существование, живя в постоянном страхе и лишениях, По их словам, в лесах рыскала красная банда, промышлявшая на покинутых рудниках. Бандиты добывали понемного и золотишко, выменивая его в деревнях на самогон - крестьяне на свой страх и риск гнали его из ягод и картофеля. Встреча с бандой означала бы для нас смерть. Спустя три дня, перевалив через северный хребет Саян в районе Алжиакского перехода, мы очутились наконец в Урянхае.

Этот благодатный, богатый множеством полезных ископаемых край заселен вымирающим монголоидным племенем:

оно насчитывает теперь не более шестидесяти тысяч человек. Язык этой народности, исповедующей догмат "Вечного Покоя", отличается от других языков монгольской группы. Урянхайский край в течение длительного времени был ареной административных притязаний со стороны России, Монголии и Китая, а страдали от этого прежде всего его коренные, жители, сойоты[4], которые должны были платить дань сразу трем сюзеренам. Но даже здесь мы не чувствовали себя в полной безопасности. Наш милиционер упоминал о готовящейся "красной" вылазке в Урянхай, а от крестьян мы слышали, что в деревнях, расположенных по Малому Енисею и дальше к югу, созданы отряды красногвардейцев, которые грабят и убивают всех подряд. Только недавно в лапы к ним угодили шестьдесят два офицера, пытавшиеся пробиться в Монголию, никто из них не ушел живым; кроме того, банда ограбила и перебила караван китайских купцов и перерезала немецких военнопленных, с трудом вырвавшихся из советского рая. На четвертый день мы спустились в болотистую долину, где на поляне стояла, со всех сторон окруженная лесом, избушка русских поселенцев. Здесь мы рассчитались с нашим проводником, торопившимся вернуться домой до первого снега. Хозяин дома согласился проводить нас до Сейбы за десять тысяч советских рублей. Мы решили здесь заночевать: измученным лошадям требовался отдых.

Во время чаепития дочь вдруг вскрикнула:

- Сойоты!

В избу ввалились четверо вооруженных людей в остроконечных шапках.

- Менде[5], - буркнули они и бесцеремонно уставились на нас. Ничто в нашей экипировке не ускользнуло от их проницательного взгляда. Затем один из них, видимо, полицейский чин (по-сойотски это звучит "мерин"), а может, еще какой-нибудь начальник, принялся прощупывать наши политические симпатии. Услышав, как мы в хвост и в гриву поносим большевиков, он повеселел и разговорился,

- Вы хорошие люди. Не то, что большевики. Мы вам поможем.

Поблагодарив, я подарил ему толстую шелковую веревку, которой подпоясывался. Сойоты ушли до темноты, пообещав вернуться утром. Стемнело. Мы иышли посмотреть на лошадей, убедились, что они мирно пасутся на лугу, и снова вернулись в дом. В дружеских разговорах время шло быстро, но вдруг снаружи донесся конский топот, послышались грубые голоса. Пятеро красногвардейцев с ружьями и шашками ворвались в дом. Внутри у меня все похолодело, сердце бешено застучало. Враги! Красные звездочки на ушанках, красные нашивки на рукавах. Это был тот

отряд, что охотился за казачьими офицерами. Сердито поглядывая на нас, они сбросили полушубки и сели. Мы завели разговор, повторяя те же бредни о "мостах, дорогах и золотых приисках". Они в ответ поведали нам, что ждут командира, который должен вскоре прибыть вместе с семью красногвардейцами, и тогда, взяв хозяина в проводники, они отправятся к Сейбе, где прячутся казаки. Я тут же заметил, что нам по пути и можно ехать вместе. Один из солдат сказал, что это будет зависеть от командира. Во время разговора вошел начальник сойотов. Присмотревшись к нашим незванным гостям, он вмешался в беседу:

- Зачем брали у сойотов хороший конь и оставляли плохой?

- Солдаты загоготали.

- Не забывайте, вы не свой дом, - произнес сойот угрожающе.

- Иди ты к черту! - выругался один солдат. Сойот же, сохраняя достоинство, уселся за стол, приняв из рук хозяйки чашку чая. Разговор не клеился. Выпив чаю и выкурив длинную трубку, сойот поднялся и с достоинством сказал;

- Если утром лошади не будут конюшня, мы приходить и сами брать.

С этими словами он повернулся и вышел.

Лица красногвардейцев заметно омрачились. Они срочно отрядили солдата с донесением к командиру, остальные же сидели молча, как в воду опущенные. Поздно вечером объявился наконец офицер, а с ним еще семеро солдат. Услышав про инцидент с сойотом, командир поморщился и сказал:

- Дело дрянь. В этих проклятых болотах сойоты могут поджидать нас за каждой кочкой.

Неприятное известие настолько взбудоражило офицера, что он, по счастью, не обратил на нас особого внимания. Я постарался его успокоить, пообещав уладить дело с сойотами. Командир, неотесанный чурбан, страстно мечтал выследить казачьих офицеров, чтобы получить повышение по службе, а история с сойотами могла помешать отряду достичь вовремя берегов Сейбы.

На рассвете мы выехали вместе с отрядом красных. Проделав километров пятнадцать, мы заметили впереди за кустарником двух всадников. Это были сойоты. За спинами у них покачивались кремневые ружья.

- Подождите меня здесь, - сказал я офицеру. -Попробую с ними договориться.

Я быстро погнал лошадь вперед. Один из всадников оказался предводителем сойотов, он попросил меня, вернувшись, ехать в арьергаде и в схватке помочь им.

- Хорошо, - согласился я. - Только давайте постоим еще

немного. Пусть думают, что мы ведем переговоры.

Немного погодя мы обменялись рукопожатием и я поспешил к солдатам.

- Порядок, - успокоил я офицера. - Можно ехать. Сойоты не будут мешать,

Отряд двинулся дальше. Выбравшись на открытое место, мы оглядывались и снова увидели вдали двух сойотов, въезжавших на полном скаку в гору. Тем временем мы с агрономом, помешкав, оказались в хвосте отряда: за нами следовал лишь один красногвардеец со свирепым выражением лица. настроенный по отношению к нам враждебно. Улучив момент, я прошептал моему спутнику только одно слово: "Маузер". Тот все понял и тихонько расстегнул кобуру.

К атому времени я уже догадался, почему солдаты, привыкшие к жизни в диких условиях, не решались ехать к Сейбе без проводника. Пространство между Сейбой и другой рекой, Алжиаком, представляет собой череду высоких и узких горных хребтов, разделенных болотами. Проклятое, гиблое место! Сначала наши лошади стали утопать в вязкой жиже и кружиться на одном месте, выискивая редкие кочки, где можно было стоять, не рискуя провалиться. Затем они начали одна за другой падать, подминая нас под себя, разрывая уздечки и калеча седла. Грязь доходила нам до колен. Мой конь упал, зарывшись в топь грудью и мордой, и мы с трудом спасли его. Лошадь офицера рухнула в ржавую жижу вместе с всадником, и тот рассек себе о камень голову. Мой спутник повредил колено, ударившись о дерево. Попадали с лошадей и поранились почти все солдаты. Измученные лошади храпели. Откуда-то издалека доносилось зловещее карканье ворона. Дорога становилась все ужаснее. Топь не кончалась, вдобавок теперь путь стали преграждать упавшие деревья. Прыгая через них, лошади тут же увязали в трясине. Окровавленные и перемазанные грязью, мы выглядели чудовищно, но больше всего нас беспокоил не внешний вид, а выдержат ли лошади. Мы уже давно спешились и вели их под уздцы. Но вот перед нами открылась просторная, заросшая низким кустарником поляна, со всех сторон окруженная скалами. Здесь стали проваливаться не только животные, но и люди. Мы беспомощно барахтались в болоте, которое, казалось, не имело конца. Лужайка были ничем иным как трясиной, слегка затянутой сверху тонким слоем торфа. Чтобы как-то удержаться на поверхности, отряду пришлось растянуться и идти на большом расстоянии друг от друга. Но, несмотря на всю нашу предусмотрительность, земля непрестанно колыхалась под ногами, раскачивался и кустарник. Местами почва дыбилась и с

хлюпаньем лопалась.

Неожиданно раздались три выстрела, три легких, еле слышных хлопка, однако они сразили офицера и двух солдат. Остальные, насмерть перепуганные, озирались с ружьями наизготове, не видя врага. Скоро еще четверо свалились на землю, и тут я заметил, что замыкающий цепочку свирепый солдат целится в меня. Но мой маузер оказался быстрее ружья, только поэтому я и веду сейчас рассказ.

- Начинай! - крикнул я своему спутнику, и мы ввязались в перестрелку. На поляну хлынули сойоты. Они снимали с убитых одежду, делили добычу, разбирали уведенных лошадей. Оставлять раненых было опасно - это означало бы возобновление военных действий в ближайшее же время.

Мы снова тронулись в путь и примерно через час труднейшей дороги, взобравшись в гору, очутились на заросшем лесом плоскогорье.

- Вы, однако, не такой уж мирный народец, - обратился я к предводителю сойотов.

Он внимательно посмотрел на меня и возразил: - Убивали вовсе не сойоты.

Большевиков перестреляли абаканские татары в сойотских одеждах, перегонявшие через Урянхай стада и табуны из России в Монголию. Проводником и посредником в торговле у них был калмык-ламаист. На следующее утро, подъезжая к небольшому русскому поселению, мы заметили, что за нами следят, прячась в лесу, какие-то всадники. Один лихой молодой татарин, пришпорив коня, погнался за ними, но вскоре вернулся успокоенный.

- Это не враги, - смеясь, объявил он. - Можно продолжать путь.

Теперь мы ехали по отличной широкой дороге вдоль высокой деревянной ограды, за которой паслось большое стадо вапити, или изюбров. Русские поселенцы держат их из-за рогов, которые высоко ценятся тибетскими и китайскими фармацевтами. После соответствующей обработки кипячением эти рога, они называются пантами, высушивают и продают китайцам за большие деньги.

Жители встретили нас с опаской.

- Слава Богу! - воскликнула хозяйка дома. - А мы уж подумали... - Она осеклась, перехватив взгляд мужа.

Глава десятая.
Битва на Сейбе

Постоянное ощущение опасности, обострив восприимчивость, сделало нас более осторожными. Несмотря на чудовищную усталость, мы не разделись и не расседлали лошадей. Держа наготове маузер, я незаметно осматривался, изучал лица хозяев. Первым делом я заметил кончик ружья, торчащий из-под горы подушек, всегда венчающей здесь крестьянскую постель. Насторожило меня также то, что батраки то и дело заглядывали в избу за распоряжениями. Несмотря на длинные бороды и затрапезную одежду, они не были похожи на крестьян. В свою очередь они внимательно разглядывали нас, ни на минуту не оставляя наедине с хозяином. Мы ничего не могли понять. Положение изменилось к лучшему только с приходом вожака сойотов, который, заметив в атмосфере натянутость, объяснил хозяину на своем языке, кто мы такие.

- Прошу прощения, - обратился к нам крестьянин, - но сами знаете, какие теперь времена - на одного честного человека приходится десять тысяч убийц и воров.

После этих слов в наших отношениях пропала всякая напряженность и беседа потекла свободнее. Хозяин знал, что от большевиков ему пощады ждать нечего: его дом был для казачьих офицеров своего рода перевалочным пунктом. Хотя старик слышал о гибели красного отряда, это его не успокоило. Прошел слух, что со стороны Усинского округа сюда движется красногвардейская часть, преследующая татар, которые гнали на юг скот, думая укрыться от большевиков в Монголии.

- Мы ждем их с минуты на минуту. Страшно боимся, признался хозяин. - Мой работник, сойот, принес известие, что красные уже переправились через Сейбу, и татары готовятся к нападению.

После этих слов мы тут же вышли из избы, проверили, на месте ли седла и тюки, а потом от греха подальше отвели наших лошадей в кусты неподалеку. Осмотрев ружья и пистолеты, мы заняли позицию у ограды, желая достойно встретить нашего общего врага. Через час мучительного ожидания один из работников прибежал со стороны леса и зашептал:

- Они уже прошли болото. Сейчас начнется.

Как бы в подтверждение его слов в лесу прозвучал выстрел, за ним еще и еще. Шла настоящая перестрелка, ее шум приближался к дому. Вот уже послышался конский топот и

солдатская брань. Трое солдат, спасаясь от татарских пуль, ворвались в дом, отчаянно ругаясь. Один из них выстрелил в хозяина. Тот, не успев дотянуться до спрятанного под подушкой ружья, пошатнулся и упал на колени.

- А вы кто такие? - рявкнул другой солдат, наставив на нас дуло.

За нас ответили маузеры и ответили, надо сказать, удачно, потому что только один, стоявший у самых дверей солдат успел выскочить на улицу, но там попал в руки батрака, который тут же его и придушил. Завязалась перестрелка. Солдаты громко звали на помощь своих товарищей. Красные засели в канаве в шагах трехстах от дома, стреляя по окружавшим их татарам. Несколько солдат побежали на выручку лазутчикам к избе, но батраки встретили их оглушительным залпом. Стреляли они прицельно и методично, словно на учениях. Пятеро красногвардейцев упали на дорогу, другие поспешили назад к канаве. Вскоре мы заметили, как они, скрючившись, почти ползком, пробираются в дальний конец канавы, ближе к лесу, где остались их кони. Звуки выстрелов слышались все слабее, а потом мы увидели, как пятьдесят или шестьдесят татар преследуют красных, улепетывающих через поляну.

На Сейбе мы отдыхали два дня. Все восемь батраков нашего хозяина оказались переодетыми офицерами, скрывавшимися от большевиков. Они попросили у нас разрешения ехать дальше вместе, и мы охотно дали его.

Теперь мы продолжали наше путешествие в сопровождении восьми вооруженных офицеров и трех нагруженных лошадей и вскоре выехали на сказочной красоты долину, лежащую между Сейбой и Утом. Роскошные луга утопали в травах. В двух-трех домиках, стоявших вдоль дороги, никого не было. Все в страхе попятились, услышав отзвуки битвы с красными. Весь следующий день мы преодолевали хребет, который местные называют Дабан[6], и, миновав район выжженного леса, где нам постоянно преграждали путь поверженные, покореженные деревья, начали спуск в долину, долгое время скрывавшуюся от наших глаз за горными отрогами. Где-то там внизу бежал Малый Енисей, последняя большая река перед монгольской границей. Находясь примерно километрах в десяти от реки, мы заметили вьющуюся над лесом струйку дыма. Двое офицеров, крадучись, отправились на разведку. Они отсутствовали так долго, что мы, боясь, как бы с ними не приключилось беды, осторожно двинулись в направлении дыма, готовясь в случае чего принять бой. Подойдя ближе, мы услышали громкие голоса, которые перекрывал хохот одного из наших разведчиков. Посередине поляны стоял большой

шалаш, а поодаль сидели и стояли человек пятьдесят-шестьдесят. Завидев нас, они радостно бросились навстречу с шумными приветствиями. Оказывается, здесь разбили лагерь бежавшие из Сибири русские офицеры и солдаты, которые жили теперь у русских хуторян и зажиточных крестьян Урянхая.

- Что вы здесь делаете? - удивились мы.

- Неужели вы не знаете, что происходит? - задал нам в свою очередь вопрос пожилой человек, назвавшийся полковником Островским. - По приказу военного комиссара все урянхайские мужчины старше двадцати восьми лет подлежат мобилизации, и теперь по направлению к Белоцарску движутся отряды этих вояк. На своем пути они грабят хуторян и убивают всех, кто попадется им в лапы. Вот мы и прячемся от них.

Во всем лагере было только шестнадцать ружей и три бомбы, принадлежавшие одному татарину, который вместе с проводником-калмыком пробивался в Западную Монголию к своим стадам. Мы поделились с новыми знакомыми нашими планами - пересечь Монголию и выйти к ближайшему тихоокеанскому порту. Офицеры попросили меня принять их в наш отряд, и я согласился. Вскоре разведчики принесли известие, что возле избы крестьянина, который должен был переправить нас через Малый Енисей, не замечено никаких подозрительных лиц. Мы тут же тронулись в путь, чтобы как можно скорее выбраться из опасного района и, переправившись через Енисей, скрыться в лесу. Шел снег, но мгновенно таял. Во второй половине дня подул резкий холодный ветер, начинался буран. Поздно вечером мы добрались до реки. Поздоровавшись, хуторянин предложил тут же перевезти нас на другой берег, лошади при этом должны были плыть следом; вода была обжигающе холодной - в ней все еще держался лед. При нашей беседе с хозяином присутствовал работник, рыжий косоглазый мужик. Он все время крутился неподалеку, а потом неожиданно исчез. Хуторянин, заметив его внезапное исчезновение, испуганно сказал:

- Побежал, видать, в деревню. Теперь не иначе приведет с собой красных. Нужно торопиться.

Так началась самая страшная ночь, которую мне суждено было пережить в своих скитаниях. Ради экономии времени мы предложили крестьянину перевезти в лодке только оружие и провизию, сами решив переправиться на лошадях. Ширина Енисея в этом месте около трехсот метров, -течение очень быстрое, берег обрывистый - глубина начиналась сразу. Тьма была кромешная, хоть глаз выколи, в небе ни звездочки. Мокрый снег залеплял лицо, порывистый ветер леденил щеки. Прямо

перед нами несся темный бурный поток, увлекая за собой тонкие с неровными краями льдины: попадая в водовороты, они сталкивались и ломко крошились. Моя лошадь, боясь крутизны, долго не хотела прыгать в воду, фыркала и напрягалась всем телом. Я изо всей силы хлестнул ее плетью, и только тогда она, издав жалобное ржание, бросилась в студеный поток. Мы оба сразу же ушли с головой под воду, и я чудом удержался в седле. Вынырнули мы в нескольких метрах от берега; собрав все свои силы, лошадь поплыла вперед, вытягивая голову и шею, тяжело дыша и отфыркиваясь. Я чувствовал каждое ее движение, она вспенивала воду, дрожа от напряжения. Наконец мы выплыли на середину реки, где течение стало особенно бурным. Нас сносило. Из темноты до меня доносились крики моих спутников, сдавленные стоны и хрипы испуганных лошадей. Холодная вода доходила до груди. Меня то с головой заливали волны, то больно били плавающие льдины. Но я не смотрел по сторонам и, казалось, даже не ощущал холода. Страстное желание лошади выжить передалось мне, я понимал, что в случае ее гибели мне также не уцелеть, и как бы слился с ней, повторяя каждое ее движение и переживая те же страхи. Вдруг она захрапела и начала тонуть. Было видно, что лошадь наглоталась воды, она уже почти не отфыркивалась. Кусок льда стукнул ее по голове - лошадь изменила направление и теперь плыла по течению. С трудом развернув ее с помощью поводьев к берегу, я почувствовал, что лошадь совсем выбилась из сил. Ее голова уже несколько раз скрывалась в бурлящей пучине. У меня не было выбора. Соскользнув с седла, я, держась за него рукой, поплыл рядом, одобрительными выкриками побуждая лошадь бороться дальше. Она плыла, оттопырив губы и обнажив плотно сжатые зубы. В ее широко раскрытых глазах застыл неподдельный ужас. Но теперь, без груза, она поднималась над водой и потому плыла спокойнее и быстрее. Наконец я услышал, как копыта измученного животного стукнулись о камень. На берег один за другим поднимались мои спутники. Выносливые тренированные лошади справились с задачей. Лодку же хуторянина, перевозившего наши вещи, отнесло далеко. Не теряя ни минуты, мы перегрузили тюки на лошадей и двинулись дальше. Ветер крепчал, все больше холодало. К рассвету мы совсем продрогли, наша вконец промокшая одежда задубела и не гнулась. Зубы у нас стучали от холода, глаза лихорадочно блестели, но мы продолжали путь, стараясь как можно дальше отъехать от опасного места. Проделав пятнадцать километров по лесу, мы выбрались на высокое открытое место, откуда открывался вид на противоположный берег Енисея. Было около восьми часов. На том

берегу двигался к реке, извиваясь, большой обоз в сопровождении всадников. Мы решили, что это скорее всего красные. Боясь быть замеченными, спешились и укрылись в кустах. Несмотря на то, что температура держалась на нуле и даже опускалась ниже, мы продолжили наше путешествие, только к вечеру достигнув подножья поросших лиственницей гор, где наконец развели костры, просушили одежду и согрелись сами. Голодные лощади не отходили от огня и спали тут же, опустив головы. Рано утром в наш лагерь пришли сойоты.

- Улан? (Красные?) - спросил один из них.

- Нет, нет, - закричали мы.

- Цаган? (Белые?) - последовал следующий вопрос.

- Да, - ответил за всех татарин. - Мы все белые.

- Менде, менде, - успокоенно забормотали они и, усевшись у костра, поведали нам, потягивая горячий чай, интересные и важные новости. Оказывается, красные части, спустившись с гор Танну-Ола, разместились вдоль Монгольской границы и не выпускают из страны крестьян и сойотов, перегоняющих скот. Значит, переход через хребет Танну-Ола был для нас невозможен. Теперь я видел лишь один путь к спасению: резко свернуть на юго-восток и, минуя заболоченную долину реки Бурет-Хей, выйти к южному берегу озера Косогол[7], находящегося уже на территории Монголии. Да. новости были хуже некуда. До Самгалтая, ближайшего монгольского поселения, было не более шестидесяти миль, в то время как до Косогола даже кратчайшее расстояние составляет двести семьдесят пять миль. Вряд ли аши усталые и голодные лошади, проделав шестьсот миль по плохим дорогам, выдержат этот путь. Тщательно взвесив все "за" и "против", прикинув ситуацию, а также физическое и душевное состояние моих спутников, я пришел к выводу, что прорываться через Танну-Ола нечего и пытаться. Мои товарищи были измучены и морально издерганы, скверно одеты и вооружены у некоторых даже ружья не было. А я из опыта знал, что в бою опаснее всего безоружные люди. Они легко поддаются панике, быстро теряют голову и плохо влияют на остальных. Поэтому, посоветовавшись с друзьями, я принял решение идти на Косогол. Все поддержали меня. Вдоволь наевшись горячего супа, в котором плавали огромные куски мяса, и закончив трапезу горячим чаем с сухарями, мы покинули наше временное пристанище. Через два дня перед нами выросл горная преграда. Это была северная часть хребта Танну-Ола, за которой простиралась долина реки Бурет-Хей.

Глава одиннадцатая. Красная застава

В долине между двумя крутыми горными склонами нам повстречались десять сойотов верхом, поспешно отгонявших на север стадо яков и прочий скот. Поначалу они держались настороже, но затем открылись нам, что получили приказ от нойона (князя) Тоджи, опасавшегося мародерства красных, гнать скот вдоль Бурет-Хея в Монголию. Сойоты направились было по этому маршруту, но охотники, их соплеменники, предупредили пастухов, что в этой части Танну-Ола засели красные партизаны из деревни Владимировка. И вот теперь они возвращались назад. Мы подробно расспросили сойотов о расположении красных, поинтересовавшись, сколько бойцов контролирует горный перевал. Татарин и калмык отправились в разведку, остальные занялись обматыванием тряпьем лошадиных копыт и изготовлением для животных намордников из обрывков веревок, чтобы избежать ржания. Уже стемнело, когда вернулись наконец разведчики, сообщив, что в десяти километрах от нас, захватив юрты сойотов, расположилось около тридцати солдат. Еще было два поста у самого перевала, один из двух человек, другой из трех. От лагеря их отделяла приблизительно миля. Наш путь пролегал как раз между постами. С вершины горы наверняка было хорошо видно караульных обоих постов: стреляй - не хочу. При подходе к вершине я, взяв с собой татарина, калмыка и еще двух молодых офицеров, пошел вперед и там наверху, осмотревшись, увидел примерно в пятистах ярдах два пылающих костра. У каждого сидел часовой с ружьем, остальные, видимо, спали. Мне не хотелось вступать в бой с партизанами, но без этого перевал был для нас недоступен; нужно убрать караул и - по возможности бесшумно, избегая перестрелки. Основной части красных вряд ли удастся нас потом выследить - слишком уж вытоптана лошадьми и скотом дорога.

- Я возьму на себя вот этих двоих, - шепнул мой друг, указывая на пост слева.

Остальным предстояло заняться вторым постом. Сам я, крадучись, последовал за своим другом, чтобы в случае необходимости помочь. Не то, чтобы я боялся за него - вовсе нет. Друг был семи футов росту и так силен, что если, к примеру, конь мотал головой, не давая взнуздать себя, он, обхватив животное за шею, пригибал к земле и, заставив опуститься на колени, спокойно надевал удила. Когда до часовых оставалось сотня

шагов, я замер, укрывшись за кустами, и наблюдал дальнейшее развитие событий. Отсюда был хорошо виден костер и сидящий у огня часовой, мирно дремавший с ружьем на коленях. Его товарищ спал тут же рядом. Я хорошо видел их белые валенки. Мой друг долго не давал о себе знать. Все было тихо. Вдруг со стороны второго поста послышался неясный шум, сдавленный крик, но все сразу же стихло. Наш часовой медленно поднял голову, но тут из кустов на него бросился всем своим крупным телом мой друг, загородив от меня костер. Схватив часового за горло, он опрокинул его наземь, так что ноги солдата взметнулась в воздух, а затем поволок в кусты. Спустя мгновение он появился снова с занесенным над головой ружьем задушенного им солдата, и на этот раз я услышал раздавшийся в тишине глухой стук приклада. Потом он с виноватой улыбкой приблизился ко мне и смущенно сказал:

- Вот и все. Черт подери! В детстве мать мечтала сделать из меня священника. Потом я вырос, учился на агронома и, как оказалось, только для того ... чтобы душить людей и разбивать им головы. Какой же идиотизм - эта Революция!

Он гневно и с видимым отвращением сплюнул, а потом затянулся трубкой.

Часовых второго поста нашим товарищам удалось снять так же бесшумно. Этой же ночью мы, миновав вершину Танну-Ола, спустились в долину, заросшую густым кустарником и испещренную сетью мелких речушек и ручейков. Здесь начиналась Бурет-Хей. Около часу мы остановились, чтобы дать лошадям попастись - трава была отменная. Тут, среди мирно пасущихся яков и оленей мы впервые почувствовали себя в безопасности. Подошедшие пастухи-сойоты совсем успокоили нас: здесь, по другую сторону Танну-Ола, красных не видели. Мы подарили новым знакомым пачку чая, и сойоты ушли счастливые, повторяя, что "цаган" - хорошие люди. Пока наши лошади паслись на лугу, пощипывая сочную траву, мы, усевшись перед костром, размышляли, что делать дальше. Наши мнения разделились. Четыре офицера во главе с полковником, воодушевленные отсутствием красных к югу от Танну-Ола, решили двинуться на запад и попытать счастья, пробираясь сначала на Кобдо[8], а затем к лагерю на реке Амыл, где китайские власти держали интернированными шеститысячную армию генерала Бакича, отступавшую через Монголию. Мы же с другом и еще шестнадцать офицеров по-прежнему держались старого плана, считая, что надо идти к озеру Косогол и оттуда на Дальний Восток. Ни одна из сторон не могла убедить другую в своей правоте, и потому в полдень следующего дня мы распрощались и

двинулись в разные стороны. Вышло так, что наш отряд из восемнадцати человек встретился на своем пути с множеством опасностей, участвовал в нескольких схватках, стоивших жизни шестерым нашим товарищам; оставшиеся же в живых достигли конечной цели крепко сдружившимися и на всю жизнь сохранили теплое чувство настоящего товарищества. Что касается отряда, который возглавил полковник Жуков, то он вскоре перестал существовать. Наши друзья наткнулись на кавалерийскую часть, которая разбила их в двух боях. Только двум офицерам удалось выбраться из этой переделки живыми.

Они-то и рассказали мне эту печальную историю четыре месяца спустя, когда мы повстречались в Урге.

Итак, наш отряд из восемнадцати всадников и пяти нагруженных поклажей лошадей выступил в путь вдоль долины Бурет-Хея. Мы вязли в болотах, утопали в бесконечных мелких речушках, коченели от холода на пронизывающем ледяном ветру, мерзли под снегом и изморозью, но все же не сдавались и дошли наконец до южного берега Косогола. Нашим проводником был татарин, который уверенно вел нас по пути, с которого трудно было сбиться благодаря следам, протоптанным скотом, что перегоняли из Урянхая в Монголию.

Глава двенадцатая.
В стране вечного покоя

Жители Урянхая, сойоты, гордятся тем, что являются истинными буддистами, исповедуя совершенное учение святого Рамы и приобщаясь одновременно к глубочайшей мудрости Шакья-Муни[9]. Они последовательные враги всяческих войн и вообще любого пролития крови. В тринадцатом веке они предпочли покинуть свои исконные земли и уйти на север, нежели сражаться за Чингисхана и стать подданными его империи, хотя грозный завоеватель мечтал видеть в рядах своего воинства этих великолепных наездников и метких лучников. Трижды приходилось сойотам отходить на север, чтобы уклониться от службы в войсках захватчиков, зато до сих пор никто не может сказать, что они запятнали себя кровью. Возлюбив мир, они неколебимо отстаивали его. Даже жестокосердые китайские правители не смогли в полной мере насадить в этой мирной стране свои бесчеловечные порядки. Подобным же образом проявили себя сойоты и теперь, когда обезумевшие от крови и злодеяний русские принесли с собой заразу на их землю. Они упорно уклонялись от встреч с красногвардейцами и красными партизанами, отступая с семьями и скотом на юг, в отдаленные провинции Кемчик и Солджак, Восточная часть этого потока эмигрантов тащилась по долине Бурет-Хея, где мы частенько обгоняли отдельные сойотские семейства, погонявшие свои стада.

Мы быстро продвигались вперед вдоль извивающихся берегов Бурет-Хея и спустя три дня начали восхождение на хребет, разделявший долины Бурет-Хея и Каргы. Подъем был крут, горную тропу то и дело преграждали стволы рухнувших лиственниц, попадались, как ни странно, и болотистые места, где наши лошади мгновенно увязали. Выбравшись из топи, мы вновь вступали на опасную тропу; лошади постоянно спотыкались и из-под их копыт летели в пропасть крупные и мелкие камни. Происхождение тропы было явно ледниковым, и путь по ней чрезвычайно утомил наших животных. Иногда тропа приближалась к самому обрыву, и тогда потревоженные нами камни и песок сползали вниз целыми пластами. Помнится, одну гору целиком покрывал слой сыпучего песка. Нам пришлось покинуть седла и. взяв лошадей под уздцы, осторожно идти пешком милю или две, подчас проваливаясь по колено в подвижную массу. Неосторожное движение - и мы покатились бы

дальше, в пропасть. Одной лошади не повезло. Утопая по грудь в песке, она не смогла вовремя найти опору и продолжала съезжать вниз, пока не рухнула в бездну. С ней было все кончено. Только треск деревьев отмечал ее путь к гибели. Немного выждав, мы осторожно спустились по крутому склону, чтобы снять с несчастного животного седло и столь нужный нам груз. Немного дальше мы вынуждены были оставить еще одну лощадь, которая проделала с нами весь путь от северной границы Урянхайского края. Видя тяжелое се состояние, мы освободили ее от груза, но это не помогло, не действовали также наши окрики и брань. Лошадь стояла понурив голову и выглядела такой измученной, что было ясно: ее земной путь, полный каторжного труда, завершен. Присутствующие при осмотре сойоты потрогали ножные мышцы лошади, затем, взяв в руки морду, поводили ею из стороны в сторону и, внимательно приглядевшись к реакциям животного, вынесли приговор:

- Лошадь дальше не пойдет. У нее высохли мозги.

Тем же вечером, поднявшись на вершину хребта, мы с радостью обнаружили там обширное плато с прекрасными лиственницами, Среди них тут и там были разбросаны юрты сойотов-охотников, покрытые корой вместо обычных шкур. Из этих временных жилищ тут же повыскакивало около десятка мужчин с ружьями. Они кричали, что хан Солджака запретил здесь проезд, не желая видеть в своих владениях убийц и грабителей.

- Возвращайтесь откуда пришли, - посоветовали они, глядя на нас со страхом.

Ничего не ответив, я поспешил притушить разгоревшуюся ссору сойота с одним из моих офицеров. Указав на бегущую внизу, в долине, речушку, я поинтересовался, как ее величают.

- Ойна, - ответил сойот. - Там проходит граница ханских владений, дальше путь для вас закрыт. - Ну что же, - отозвался я. - Но вы нам позволите немного передохнуть и согреться?

- Конечно, конечно, - загалдели гостеприимные сойоты и повели нас в свои юрты.

По пути я, улучив момент, угостил старого сойота сигаретой, а другому, помоложе, вручил коробку спичек. Один сойот все время плелся позади нас, прикрывая рукой нос.

- Он, что, болен? - поинтересовался я.

- Да, - печально отозвался старик. - Это мой сын. У него два дня шла носом кровь, и он очень ослаб.

Я остановился и подозвал молодого человека. - Расстегни верхнюю одежду, - потребовал я. -Приоткрой шею и грудь и запрокинь повыше голову.

Я сжал ему яремную вену, подержал так несколько минут, а затем, отпустив руки, сказал:

- Кровь больше не пойдет. Иди к себе в юрту, отдохни.

Мои "таинственные" манипуляции произвели на сойотов сильнейшее впечатление. Старик прошептал со страхом и восхищением:

- Та-лама! Та-лама! (Великий Врач).

В юрте, пока мы пили горячий чай, старик сидел, глубоко задумавшись. Затем, переговорив на своем языке с товарищами, торжественно объявил:

- У жены хана болят глаза. Хан будет доволен, если мы приведем к нему Та-ламу. Он не накажет меня: ведь путь закрыт только для плохих людей, а хорошим мы всегда рады.

- Поступай как знаешь, - сказал я, стараясь, чтобы мои слова звучали как можно равнодушнее. - Хотя я и умею лечить глазные болезни, но, если надо, поверну назад. - Нет, нет! - испуганно вскричал старик. - Я сам отведу тебя к хану.

Сидя У костра, он высек огонь кремнем и закурил трубку. Простодушно обтерев мундштук рукавом, предложил затянуться и мне. Я был на высоте - проявив ответную любезность, поднес трубку ко рту. Старик предложил трубку поочередно каждому из нас, а в ответ получил сигареты, немного табаку и спички. Этот ритуальный обмен подарками окончательно подтвердил дружеские намерения обеих сторон. Постепенно в юрту набилось много народу -мужчины, женщины, дети, за ними потянулись и собаки. Негде было повернуться. Вперед выступил лама с гладко выбритыми щеками и головой, одетый, как подобает его касте, в ниспадающий тяжелыми складками красный балахон. Не только одеждой, но и самим выражением лица он разительно отличался от грязных собратьев с их сальными косами, торчащими из-под войлочных шапок, украшенных ˆбеличьими хвостами. Лама отнесся к нам чрезвычайно дружелюбно, только все время алчно посматривал на наши золотые кольца и часы. Жадность этого слуги Будды я тут же решил употребить себе во благо, Вручая ламе пачку чая и сухари, я дал ему понять, что нуждаюсь в лошадях.

- У меня есть лишний конь. Хочешь - купи, Но русских денег мне не надо. Лучше давай меняться. Мы долго торговались, и в результате за обручальное кольцо, плащ и кожаную суму я получил отличного коня, который нам был так необходим после гибели вьючной лошади, и козленка в придачу. Сойоты накормили нас вдоволь жирным бараньим мясом и оставили на ночь. Утром старый сойот повел нас по тропе, лавирующей между болотами и скалами. Моя лошадь была крайне измучена, так же

как и лошади моего друга и еще трех офицеров - нечего было и мечтать добраться на них до Косогола, и мы надеялись купить в Солджаке новых. Но вот на нашем пути начали попадаться скопления юрт, вокруг пасся скот и лошади. Наконец мы достигли временной ханской резиденции. Наш проводник поехал вперед на переговоры, на прощание еще раз пылко заверив нас, что хан будет в восторге от знакомства с Та-ламой, но в его глазах читались сомнение и страх за свою инициативу. Поспешив следом за ним, мы вскоре выехали на просторную поляну, поросшую мелким кустарником, отсюда была хорошо видна стоящая на берегу реки большая юрта, украшенная развивающимися на ветру желтыми и синими флажками. Сомнений не было - здесь жил сам хан. Старый сойот вскоре вернулся, сияя от радости, и, протянув к нам руки, прокричал:

- Нойон ждет вас! Он счастлив познакомиться с вами!

Теперь мне предстояло превратиться из воина в дипломата. У ханской юрты нас встретили двое придворных в остроконечных монгольских шапках с щегольскими павлиньими перьями. С низким поклоном они пригласили чужеаемного нойона пожаловать к хану. Вместе со мной в юрту вошли также мой друг и татарин. Внутри, в пестром великолепии дорогих шелков, мы еле различили тщедушного морщинистого старичка с гладко выбритым лицом. Его лысый череп венчала остроконечная бобровая шапка, с верха которой спускалась к спине темнокрасная шелковая лента, обвивающая павлиньи перья. На носу торчали огромные китайские очки. Он восседал на низких подушках, нервно перебирая четки. Это и был хан Солджака и настоятель буддийского монастыря. Он сердечно приветствовал нас и пригласил садиться поближе к пылавшему в медной жаровне огню. Молодая, на диво красивая ханша подала нам чай с китайскими сладостями. После чая мы закурили, и хотя хан как лама не курил табак, он все же из вежливости подносил к губам предлагаемые ему трубки, угощая нас в ответ табаком из табакерки зеленого нефрита. Соблюдая этикет, мы ждали, что скажет нам хан. Тот поинтересовался, удачно ли проходит наше путешествие и каковы наши дальнейшие планы. Я был с ним откровенен и в конце рассказа просил его, если возможно, позаботиться об остальных моих спутниках и о лошадях. Хан охотно согласился приютить всех нас и тут же приказал слугам приготовить для нас четыре юрты.

- Я слышал, что чужеземный нойон - великий врач, - сказал наконец хан.

- Да, я умею лечить некоторые болезни, и у меня есть с собой нужные лекарства, - ответил я. - Но сам я не врач и занимаюсь

другой наукой.

Этого хан уразуметь не мог. Он простодушно полагал, что человек, умеющий лечить какую-то болезнь, - обязательно врач.

- У моей жены вот уже два месяца болят глаза, -пожаловался он, - Помоги ей.

Я внимательно осмотрел глаза ханши. У нее был примитивный конъюнктивит от вечного дыма и грязи. Татарин принес мою аптечку. Я промыл ханше глаза борной кислотой и закапал слабый раствор сульфата цинка и немного кокаина.

- Вылечи меня - взмолилась ханша. - Не уезжай, пока не вылечишь. Мы дадим вам все - овец, молока, муки, Я лью слезы целыми днями, и мои красивые глаза, которые муж сравнивал со звездочками, стали совсем красными, Я этого просто не вынесу. Не вынесу!

Капризно топнув ножкой, она кокетливо улыбнулась мне и спросила:

- Ты меня вылечишь? Да?

Хорошенькие женщины всюду одинаковы, живут ли они на залитом огнями Бродвее, на величественных берегах Темзы, на оживленных бульварах шумного Парижа или в убранной шелками юрте на лиственничном склоне Танну-Ола.

Мы провели у хана десять дней, окруженные вниманием и заботой его семейства. За это время мне удалось полностью вылечить ханшу, очаровавшую восемь лет назад старого хана. Она радовалась, как дитя, и не выпускала из рук зеркальце.

Хан подарил мне пять великолепных лошадей, десять овец и мешок муки, который мы тут же сменяли на сухари. Мой друг в свою очередь вручил хану в качестве сувенира царскую банкноту достоинством в пятьсот рублей с изображением Петра Великого, а я присовокупил к этому небольшой золотой самородок, найденный мной на дне ручья. По приказу хана один из сойотов должен был сопровождать нас до Косогола, Ханское семейство в полном составе проводило нас до монастыря, находящегося в десяти километрах от "резиденции". В монастырь мы не зашли, а остановились в "дугане", китайском торговом поселке. Китайские купцы глядели на нас враждебно, но тем не менее предлагали на выбор разные товары, особо обращая наше внимание на круглые бутыли (ланхон) со сладкой наливкой (мейголо). Но у нас не было ни серебрянных монет, ни китайских долларов, и потому нам оставалось только с вожделением взирать на соблазнительные напитки. Заметив это, хан повелел отпустить нам пять бутылей за его счет.

Глава тринадцатая.
Тайны, чудеса и новая схватка

Вечером того же дня мы подъехали к мутно-желтому озеру Тери-Нур. Его низкие, лишенные всякой привлекательности берега испещрены множеством крупных нор. Ширина этого священного водоема около восьми километров. Посередине озера смутно виднелось то, что было когда-то большим островом, а теперь на этом пятачке среди древних развалин росло только несколько деревьев. По словам проводника, еще двести лет назад никакого озера не существовало - на его месте возвышалась хорошо защищенная китайская крепость. Однажды ее комендант оскорбил старого ламу, и тот проклял место, на котором стояла крепость, и предсказал скорую гибель самого укрепления. Уже на следующий день из-под земли забил мощный источник, он затопил крепость и поглотил в пучине ее обитателей. По сей день во время бури воды озера выбрасывают на берег кости погибших воинов и их коней. С каждым годом вода в Тери-Нур прибывает, подходя все ближе к горам. Обогнув озеро с восточной стороны, мы начали подъем на заснеженный горный хребет. Поначалу дорога показалась нам легкой, но проводник предупредил нас, что это временно и дальше будет труднее. Действительно, спустя два дня подъем стал намного круче, сам склон лесистее, да и снегу изрядно прибавилось. Мы были у границы вечных снегов - вершины гор утопали в белой пене, переливающейся на солнце яркими блестками. Именно здесь, в восточной части хребта Танну-Ола, находятся его высочайшие точки. Проведя ночь в лесу, мы двинулись утром дальше. В полдень прямая тропа оборвалась, и проводник начал водить нас по склону зигзагами, однако всюду ему преграждали путь то глубокие расщелины, то преграды из поверженных деревьев и обрушившихся при обвале скал. Несколько часов мы остервенело пытались пробиться вперед, вконец измучили лошадей, и в довершение всего неожиданно вышли к месту нашего последнего привала. Сойот несомненно сбился с пути, на его лице застыл неподдельный страх.

- Демоны заколдованного леса не пускают нас дальше, прошептал он трясущимися губами. - Это плохой знак. Нужно вернуться в Каргу к нойону.

Только после моих угроз он неохотно двинулся в путь, явно не веря в успех. К счастью, охотник- урянхаец, прибившийся к нашему отряду, заметил зарубки на деревьях - приметы потерянной нашим проводником дороги. Идя по ним, мы

выбрались из чащи, пересекли место былого пожарища - выгоревший участок лиственничного леса, и вступили в небольшую рощицу у подножья устремленного ввысь заснеженного горного пика. Смеркалось. Было ясно, что нам придется здесь заночевать. Поднялся сильный ветер, принеся с собой настоящую снежную бурю. Ничего не было видно - снег падал плотной стеной, слепил глаза и вскоре совсем завалил наш маленький лагерь. Обсыпанные белой крупой, похожие на приведений лошади плотно обступили костер, отказавшись от еды. Ветер развевал их хвосты и гривы и несся дальше в горы: он то грозно рычал, то протяжно и жалобно завывал. Где-то вдалеке раздавался унылый вой волков, иногда прерываемый истошным собачьим лаем; мы отчетливо слышали его, когда ветер дул с той стороны.

Я уже прилег возле огня, когда подошедший сойот позвал меня:

- Нойон, пойдем со мной к обо. Покажу тебе кое-что.

Поднявшись, я полез за ним вверх по склону. Там, на небольшом плоском выступе возвышалось обо - трехметровая конусообразная конструкция из крупных камней и стволов деревьев. Эти священные ламаистские сооружения ставятся в наиболее опасных для путников местах, дабы умилостивить злых духов местности. Ни сойот, ни монгол не пройдут мимо, не принеся в жертву духам хадак - длинные пестрые ленты, лоскуты ткани или прядь конских волос, срезанных с гривы или хвоста. Хадак подвешивают к веткам деревьев или, если подношениями являются мясо, соль или чай, ставят прямо па камень.

- Только взгляни, - сказал сойот. - Ветер сорвал хадак. Духи недовольны, они не пропустят нас, нойон...

Он схватил мою руку и умоляюще зашептал:

- Давай вернемся, нойон! Прошу тебя! Злые духи не пускают нас в горы. Уже двадцать лет никому не удастся пройти через этот перевал, а кто пытался, все до одного погибли. Духи насылали на них снежную бурю, и они замерзали от холода. Вернемся к нашему нойону, дождемся теплых деньков и тогда...

Я не стал больше его слушать, а, отвернувшись, побрел к тускло мерцающему за завесой снега костру, Опасаясь, что проводник может дать деру, я приказал часовому не спускать с него глаз. Глубокой ночью часовой разбудил меня со словами: "Мне показалось, что я слышал выстрел".

Ну что я мог ему сказать? Может, это бедолаги, вроде нас, посылали сигнал заблудившемуся товарищу, а может, часовой ошибся и принял за выстрел другой звук: мог рухнуть крупный камень, обвалиться кусок льда или упасть снежный ком.

Поворочавшись, я уснул снова, и на этот раз мне приснился удивительный сон. В нем я отчетливо видел, как по белой равнине тянется вереница всадников. Я различил наших вьючных лошадей, нашего калмыка и забавного крапчатого коня с римским профилем. Словом, это были мы, и мы спускались с заснеженного плато в долину, где горделиво высились лиственницы, а между ними струился ручей. Еще я заметил пылающий поодаль костер и тут проснулся.

Светало. Я разбудил остальных, попросив поторопиться: нужно было тотчас же пускаться в путь. Буря разгулялась вовсю. Снег застилал глаза, тропы не было видно. Мороз крепчал. Наконец мы были в седлах. Сойот поехал впереди, прокладывая дорогу. Чем выше мы поднимались, тем чаще он сбивался с пути, Мы то и дело проваливались в глубокие расщелины и с трудом выбирались из них, карабкаясь по скользким камням. Но вот сойот, повернув лошадь, подъехал ко мне и решительно объявил:

- Дальше не поеду. Неохота с вами погибать.

Моим первым порывом было отхлестать его хорошенько кнутом, "Обетованная земля" находилась так близко, что трусливый сойот казался мне в эту минуту злейшим врагом. Но я подавил в себе это желание. Неожиданно мне в голову пришла шальная мысль,

- Так вот, - сказал я. - Если попробуешь удрать, получишь пулю в спину и сгинешь не на вершине горы, а еще у подножья. А теперь послушай... Я расскажу, что случится с нами дальше. Когда мы достигнем перевала, ветер утихнет и буря прекратиться. Выглянет солнце и будет освещать нам путь. А потом мы спустимся в укромную долину, где растут лиственницы и бежит веселый ручей. Там мы разведем костры и проведем спокойную ночь.

Сойота затрясло от страха.

- Нойон уже проходил через хребет Дархат-Ола? - изумленно спросил он.

- Нет, - ответил я. - Но вчера мне было видение. Знай мы благополучно выберемся отсюда.

- Я пойду с вами, - воскликнул сойот и, хлестнув своего коня, продолжил путь к снежному великану.

Когда мы осторожно продвигались по узкому перешейку, сойот остановился и начал внимательно изучать тропу. - Сегодня здесь прошло много лошадей, - заорал он, стараясь перекричать рев ветра. - А вон там на снегу след от удара кнута. Здесь были не сойоты.

Загадка быстро разрешилась. Прогремели выстрелы. Один из моих спутников, вскрикнув, схватился за правое плечо, рядом

рухнул с простреленной головой навьюченный конь. Мы соскочили с седел и залегли за камнями. Теперь можно было оценить обстановку. Впереди, за скалами, на довольно просторной площадке шириной в тысячу шагов мы разглядели не менее тридцати уже спешившихся всадников; они-то и стреляли в нас. Моим девизом было - никогда не начинать первым военных действий. Но тут моя совесть оставалась чиста: враги напали на нас без всякого предупреждения, - и я скомандовал открыть огонь,

- Цельтесь в лошадей, - прокричал полковник Островский. Он же приказал татарину и сойоту бросить на волю судьбы наших животных. Мы быстро уложили шесть вражеских лошадей и еще нескольких ранили. В рядах противника началась паника. Если какой-нибудь смельчак высовывался из укрытия, он тут же получал пулю в лоб. Красногвардейцы отчаянно ругались и слали нам проклятья. Стрельба с их стороны оживилась,

Вдруг я увидел, как сойот, дав пинка поочередно трем лошадям, вскочил в седло одной из них, держа остальных на привязи. На этих лошадей вспрыгнули татарин и калмык. Я было прицелился в сойота, посчитав его дезертиром, но, увидев рядом с ним татарина и калмыка, успокоился и опустил ружье. Они явно что-что задумали. Красные открыли по ним бешеный огонь, но троица мгновенно скрылась за скалами. Яростная стрельба по нам однако не прекращалась, и я ломал голову, думая, что бы предпринять. Сами мы берегли патроны, и потому стреляли меньше противника. Вдруг я заметил вдали на белоснежном склоне, прямо за спиной у красных, две темные точки, которые медленно приближались к нашим врагам. На какое-то время я потерял их из вида - видимо, они скрылись в ложбине. Они появились вновь уже на скале, нависшей прямо над сидящими в засаде красногвардейцами. К этому времени я уже догадывался, кому принадлежат две торчащие над снежной кромкой головы. Внезапно фигурки поднялись во весь рост и с силой швырнули что-то вниз. Последовали два оглушительных взрыва, сотрясшие горы, Третий взрыв вызвал дикие вопли и беспорядочную стрельбу в лагере красных. На наших глазах несколько лошадей скатились по обледенелому склону и потонули в снегах, а солдаты под градом наших пуль бежали в том направлении, откуда пришли мы.

Позже татарин рассказал мне, как сойот предложил провести их с калмыком в тыл красных, чтобы разбомбить тех сверху. Перевязав офицеру раненую руку и сняв с убитых лошадей поклажу, мы продолжили наше путешествие. Наше положение представлялось теперь более сложным. Красногвардейцы пришли

со стороны Монголии. Что бы это значило? Неужели и там были части красных? И сколько? Где размещались? Значит, Монголия тоже не "земля обетованная"? Вот таким тревожным мыслям предавались мы. Зато природа порадовала нас. Ветер стих, буря улеглась. Солнце все чаще пробивалось сквозь стремительно несущиеся по небу тучи. Мы продвигались по высокому заснеженному плоскогорью. Кое-где ветер сдул почти весь снег, обнажив породу, в других же местах, напротив, нанес целые холмы, сквозь которые с трудом, беспомощно увязая в снегу, прокладывали путь наши лошади. Временами мы слезали и вели их под узцы, сами проваливаясь по пояс, а иногда и вовсе уходя с головой, и тогда все остальные вызволяли несчастного. Наконец начался спуск, и на закате мы достигли небольшой уютной долины с растущими на ней лиственницами. Под их кронами мы и провели ночь, предварительно напившись горячего чаю из воды, начерпанной из горной речушки, весело бегущей неподалеку. Надо сказать, что на всем пути нам постоянно попадались следы недавнего пребывания в тех же местах наших врагов.

Казалось, все - и сама природа, и злые духи Дархат-Ола было на нашей стороне, и все же ничто не радовало нас. Наше будущее по-прежнему оставалось неопределенным, впереди все так же подстерегали опасности, которые могли однажды оказаться и роковыми.

Глава четырнадцатая. Река дьявола

Хребты Улан-Тайга и Дархат-Ола остались позади. Впереди простирались равнинные степи Монголии, по которым мы быстро продвигались вперед. Это были отличные пастбища, которые по достоинству оценили наши лошади. Местами посреди степи стояли, теснясь друг к другу, лиственницы, образуя небольшие рощицы. Пересекли мы и несколько быстрых речушек - по счастью, неглубоких и с каменистым дном. После двух дней пути нам стали все чаще попадаться сойотские семейства, спешно перегоняющие скот на север, к хребту Огарка-Ола. От них мы узнали очень неприятные новости.

Воинские части, посланные иркутскими большевиками, пересекли монгольскую границу, взяв в плен русских поселенцев в Хатгале, городке, расположенном на южном берегу Косогола, затем, продвинувшись дальше к югу, разорили Мурэн-Куре - русское селение недалеко от известного ламаистского монастыря в шестидесяти милях от Косогола. По уверениям монголов, сейчас на дороге от Хатгала до Мурэн-Куре красных не было. Нам это было на руку, и мы решили идти именно этим путем, а уж потом свернуть на восток к Ван-Куре. Мы распрощались с проводником-сойотом и отправились дальше одни, выслав вперед трех разведчиков. Выйдя к Косоголу со стороны гор, мы, стоя на краю обрыва, долго не могли оторвать взгляд от этого величественного озера. Оно напоминает альпийские озера и мерцает, как сапфир, в драгоценной оправе высоких зеленых берегов с разбросанными по ним живописными перелесками. К Хатгалу мы, соблюдая всяческие предосторожности, подошли вечером и разбили лагерь у вытекающей из Косогола реки, которую зовут здесь Яга или Эгингол. Здесь мы повстречали монгола, который согласился сопровождать нас на другой берег замерзшей реки, а затем вывести на ведущую в Мурэн-Куре безопасную дорогу. Нас поразило великое множество воздвигнутых вдоль реки обо, а также прочих жертвенников, поставленных, чтобы смягчить гнев злых духов реки.

- Почему здесь так много обо? - поинтересовались мы.

- Эту реку называют Рекой Дьявола, она опасна и коварна, - ответил монгол. - Два дня назад здесь ушел под лед целый санный поезд. Трое саней с пятью солдатами так и не смогли выловить.

Мы начали переправу. Свободный от снега лед казался

массивным зеркалом. Наши лошади еле переступали на скользкой поверхности, но и это не помогало - некоторые все же падали и долго барахтались, прежде чем им удавалось подняться. Посмотрев вниз, я понял причину их страха. Сквозь футовый слой прозрачного льда отчетливо виднелось дно. Несмотря на то, что глубина здесь доходила до десяти футов, а в нескольких местах была и больше, при свете луны был виден каждый камешек, каждая ямка и даже водоросли. Поражала быстрота течения скованной льдом реки, оно ошеломляло и завораживало, подчеркивая свою немыслимую скорость бешеными завихрениями и длинными лентами булькающей, клокочущей пены. Вдруг я споткнулся и от неожиданности застыл на месте. Вдоль ледяной поверхности стремительно росла трещина, затем еще одна и еще.

- Скорей, скорей, - подгонял нас монгол, указывая направление рукой.

Теперь лед треснул совсем рядом с нами. Лошади становились на дыбы, пятились и падали, некоторые расшибались в кровь. Трещина продолжала быстро расти и вскоре достигла двух футов шириной. Теперь с излом хорошо вырисовывался. Почувствовав освобождение. речная вода мгновенно заструилась по льду.

- Скорее вперед! - кричал проводник.

Нам с большим трудом удалось заставить лошадей перепрыгнуть через трещину и продолжить путь. Их била дрожь, они отказывались повиноваться, и только хлыст заставлял их идти вперед, несмотря на страх.

После того, как мы благополучно переправились на другой берег и углубились в лес, монгол сказал нам, что мы оказались свидетелями одного из таинственных вскрытии льда, когда вода начинала мощно извергаться наружу. Находящиеся в такой момент на реке люди и животные погибают. Яростный поток холодной воды уносит их под лед. Бывает, что река вскрывается как раз под лошадью, а когда та, упираясь передними копытами в лед, пытается выбраться на твердую поверхность, трещина вновь смыкается, сминая ее задние ноги.

Долина Косогола - кратер потухшего вулкана. С западного высокого берега его очертания хорошо видны. здесь продолжают действовать вулканические силы, их активность местные жители приписывают дьяволу и, дабы умилостивить его, возводят обо и приносят разные другие жертвы. Всю ночь и весь следующий день мы целеустремленно двигались на восток, стремясь уйти как можно дальше и избежать встречи с красными. Мы искали также хорошее пастбище для наших лошадей. Около девяти вечера впереди завиднелся огонек. Мы с другом решили вести наш отряд

к нему, полагая, что там должна находиться монгольская юрта, рядом с которой можно разбить лагерь и чувствовать себя в безопасности. Нам пришлось пройти больше мили, прежде чем мы приблизились на расстояние, с которого было видно, что это не одна, а несколько юрт. Никто, однако, не вышел встретить нас, и что показалось нам всего удивительнее, навстречу не бросились местные собаки - черные, злющие, с бешеными глазами. В одной юрте все же кто-то был - там горел огонь. Мы спешились и осторожно приблизились к ней. Навстречу выбежали два красногвардейца, один выстрелил в меня, но промахнулся и ранил в спину лошадь - пуля прошла через седло. Мой маузер бил точнее - красногвардеец рухнул на землю, а другого убил прикладом мой друг. Обыскав убитых, мы нашли в их карманах документы, удостоверяющие, что они являются рядовыми Второго эскадрона большевистских Внутренних войск. Мы заночевали в юрте. Хозяева, очевидно, сбежали, завидев приближение красных; те же собрали и поскладывали в мешки все ценные вещи монголов. Они наверняка уже собирались уходить, оба были полностью одеты. Нам достались два коня, которые паслись неподалеку в кустарнике, две винтовки и два автоматических пистолета с патронами. В приседельных вьюках мы обнаружили также чай, табак, спички и еще патроны - словом, крайне необходимые для жизни вещи.

Спустя два дня на подходе к реке Ури мы встретили двух всадников, оказавшихся казаками из части атамана Сутунина. сражавшегося с большевиками в районе Селенги. Они торопились передать донесение Сутунина Кайгородову - главе всех антибольшевистских сил на Алтае. От них мы узнали, что войска красных рассредоточены по всей русско-монгольской границе и что большевистские агитаторы убеждают кятайские власти городов Кяхта, Улангом и Кобдо выдать Советам беженцев из России, Мы знали, что в районе Урги[10] и Ван-Куре шли бои между китайской армией и русскими войсками под предводительством антибольшевистски настроенных генерала Унгерна фон Штернберга и полковника Казагранди, ведущих борьбу за независимость Внешней Монголии. Войско барона Унгерна уже дважды терпело поражение, и теперь китайцы полновластно хозяйничают в Урге, подозревая каждого иностранца в связях с русским генералом.

Итак, ситуация снова изменилась. Путь к Тихому океану был закрыт. Тщательно взвесив все "за" и "против", я пришел к выводу, что у нас остался лишь один шанс. Нужно, обходя стороной все города с китайской администрацией, пересечь Монголию с севера на юг, миновать пустыню в южной части владений Яссакту-хана и

вступить в ту часть пустыни Гоби, что лежит на западе Внутренней Монголии. Затем пройти как можно быстрее через территорию китайской провинции Ганьсу и войти в Тибет. Там я надеялся разыскать английского консула и с его помощью добраться до какого-нибудь английского порта в Индии. Я понимал всю трудность задумаиногс предприятия, но другого выхода нас было. Либо эта последняя отчаянная попытка, либо - смерть от рук большевиков или длительное заточение в китайской тюрьме. Когда я поделился своими планами с товарищами, не скрыв от них ни возможные опасности, ни очевидный риск, они воскликнули в один голос: "Веди нас! Мы с тобой!".

Только одно обстоятельство было в нашу пользу. Нас не страшил голод: среди наших запасов было достаточно табака, чая, спичек, кроме того, у нас были лишние лошади и седла, ружья, тулупы и сапоги -все это годилось для обмена. Мы засели за подробный план нового похода. Предполагалось держать путь на юг, к Загаплуку, оставив справа Улясутай, пройти далее пустынный район Балира - владения Яссакту-хана, пересечь Нарон-Куху-Гоби и добраться до гор Боро. Здесь мы могли позволить себе длительный отдых, восстановить силы, подкормить лошадей. Следующий отрезок нашего пути проходил через западную часть Внутренней Монголии, через земли торгутов[11], горы Хара, провинцию Ганьсу и далее - к западу от города Сучжоу. Затем, миновав долину Кукунора[12], мы должны были поворачивать на юг -к Янцзы. Я слабо представлял себе дальнейший путь, но у одного из наших офицеров была карта Азии, глядя на которую я убедился, что к западу от верховья Янцзы тянется горный хребет, отделяющий ее долину от долины Брахмапутры, расположенной уже в Тибете, где я надеялся, встретив англичан, получить у них поддержку.

Глава пятнадцатая.
Марш призраков

Только так можно назвать наше путешествие от реки Эро до Тибета. За сорок восемь дней мы преодолели одиннадцать сотен миль; наш путь пролегал то по снежным степям, то через горные хребты и пустыни. Мы старались не попадаться людям на глаза, делая привалы в пустынных местах и целыми неделями питаясь одним сырым мороженным мясом, не разводя огня, чтобы дым костра - не дай Бог - не привлек к нам внимания. Когда нам требовалось приобрести барана или теленка для пополнения продовольственных запасов, мы посылали за ними двух невооруженных людей, которые представлялись местным жителям батраками русских поселенцев. Мы даже опасались стрелять, и однажды пропустили мимо без единого выстрела огромное стадо антилоп, не менее пяти тысяч голов. За Балиром, во владениях ламы Яссакту-хана, унаследовавшего престол после того, как по приказу Живого Будды[13] его родного брата отравили в Урге, мы повстречали кочевников-татар из России, гнавших стада от Алтая и Абакана. Они сердечно приветствовали нас и уступили нам несколько бычков и тридцать шесть брикетов чая. Татары спасли нас от неминуемой гибели, сказав, что наши лошади не выдержат перехода через Гоби в это время года - там совсем нет травы. Они советовали сменять лошадей и что-нибудь еще из припасов на верблюдов. Уже на следующий день один татарин привел в наш лагерь богатого монгола, заинтересованного в сделке. В обмен на лошадей, ружье, пистолет и наше лучшее седло он дал нам девятнадцать верблюдов и на проща-ние посоветовал обязательно посетить священный мо-пастырь Нарабанчи последний на нашем пути из Монголии в Тибет. По его словам, святой хутухта[14] будет недоволен, если мы не посетим монастырь и его знаменитый Храм Благословения, куда приходят молиться все странники на пути в Тибет. Исповедующий ламаизм калмык поддержал монгола. Было решено, что мы с калмыком отправимся в монастырь. Я приобрел у татар длинный шелковый хадак, кроме того, они одолжили нам для поездки четырех великолепных скакунов. И потому я уже в девять часов вечера вошел в юрту благочестивого хутухты, несмотря на то, что до монастыря было пятьдесят пять миль.

Хутухта оказался худощавым, гладко выбритым мужчиной среднего возраста, его полное имя было Джелиб Джамсрап-

хутухта. Он радушно принял нас, искренне обрадовавшись хадаку, а также моему знанию монгольского этикета, над чем изрядно потрудился татарин, познакомив меня со всеми премудростями. Хутухта внимательно меня выслушал, дав ценные советы относительно дальнейшей дороги, и вручил кольцо, открывшее мне впоследствии двери всех ламаистских монастырей. Имя хутухты высоко почиталось не только в Монголии, но также в Тибете и в ламаистских кругах Китая. Проведя ночь в его роскошной юрте, мы на утро посетили храм, где присутствовали на торжественной службе при звуках хонхо[15], бубнов и дудок. Ламы читали нараспев глубокими голосами молитвы, в то время как низшее духовенство вторило им. Без конца повторялась священная фраза: "0м! Мани падме Хунг!"[16].

Хутухта пожелал нам удачи, подарил большой желтый хадак и проводил до монастырских ворот. Когда мы уже сидели в седлах, он напутствовал нас словами:

- Помните, что здесь вы всегда желанные гости. Жизнь сложна, и всякое может случиться. Кто знает, может, вы вновь окажетесь в далекой Монголии, не забудьте тогда навестить Нарабанчи.

Вечером мы вернулись к татарам, а наутро продолжили наше путешествие. Меня, усталого, убаюкивала равномерная, медленная поступь верблюда. Так я продремал весь день. Кончилось это плохо; когда верблюд взбирался на крутой берег реки, меня, сонного, выбросило из седла. Я ударился головой о камень и потерял сознание, а очнувшись, увидел, что мой тулуп залит кровью. Вокруг стояли мои друзья и испуганно глядели на меня. Мне туго забинтовали голову, и мы снова тронулись в путь. Лишь много спустя я узнал от доктора, что за свою сиесту заплатил трещиной в черепе.

Вскоре мы перевалили через восточные отроги Алтая и Карлыктага, которые вздымаются как мрачные стражи на границе величественной горной системы Тянь-Шаня и пустынных областей под общим названием Гоби, а затем пересекли с севера на юг бесплодную равнину Куху-Гоби. Все это время стоял жестокий мороз, единственным преимуществом которого для нас была наша резко увеличившаяся на обледеневшем песке скорость. На подступах к горам Хара мы обменяли наши "корабли пустыни" у местных жителей на лошадей, но торгуты, известные скряги, ободрали нас при этом как липку.

Лавируя между горными хребтами, мы вступили в провинцию Ганьсу. Находиться здесь было крайне опасно: китайцы задерживали всех беженцев, и я опасался за моих русских друзей.

Двигались вперед мы только по ночам, днем же отсиживались в ущельях, лесах или кустарниках. Нам потребовалось четыре дня, чтобы выбраться из опасной провинции. Впрочем, надо признать, что те немногие крестьяне, которых мы повстречали на своем пути, были любезны и гостеприимны. Особого внимания удостоились немного говоривший по-китайски калмык и моя аптечка с лекарствами. Больных было множество, особенно с глазными инфекциями, ревматизмом и кожными болезнями. Подъезжая к Наньшаню, продолжению горной системы Алтынтага (который, в свою очередь, является восточным ответвлением Памира и Каракорума), мы нагнали китайский торговый караван, направлявшийся в Тибет, присоединились к нему и в течение трех дней петляли по бесконечным горным ущельям и карабкались на высокие перевалы. Было заметно, что китайцам не привыкать находить кратчайший путь в этих сложных горных условиях. Все это путешествие я проделал почти в бессознательном состоянии и лишь с превеликим трудом моту вспомнить путь к заболоченным озерам, питающим Кукунор и большую сеть крупных рек. К состоянию крайней усталости и нервного истощения, чему несомненно способствовало мое падение, добавились приступы перемежающейся лихорадки: я то обливался потом, то громко стучал зубами от холода, до смерти пугая лошадь, которая несколько раз сбрасывала меня. Я бредил, вскрикивал и даже рыдал. Я звал своих близких, путано объясняя им, как до меня добраться. Смутно помню, как мои спутники сняли меня с лошади, положили на землю, дали глотнуть китайской водки, а затем, когда я немного пришел в себя, объявили:

- Китайские купцы отправляются отсюда на запад, а нам надо на юг.

- Нет! На север! - резко возразил я.

- Да нет же! На юг! - настаивали мои спутники. -Какого черта! - гневно вскричал я. - Мы только что переправились через Малый Енисей, а Алжиакский перевал лежит к северу.

- Мы в Тибете, - упорствовали мои друзья. - Надо пробираться к Брахмапутре.

Брахмапутра... Брахмапутра... Слово вонзилось в мой воспаленный мозг, возмутив его и повергнув в крайнее смущение. Неожиданно я все вспомнил и открыл глаза. Не в силах пошевелить губами, я вновь потерял сознание. Друзья доставили меня в монастырь Шархе, где лама быстро поставил меня на ноги с помощью настойки из фатила[17] или, как его еще называют, китайского женьшеня. Прослышав о наших планах, лама выразил сомнение, что нам удастся благополучно выбраться из Тибета, но о причинах этого сомнения распространяться не стал.

Глава шестнадцатая.
В таинственном Тибете

Из Шархе в горы вела довольно приличная дорога, и на пятый день нашего двухнедельного марша на юг, начавшегося после посещения монастыря, мы спустились в просторную долину, со всех сторон огражденную горами; в ее центре покоилось величественное озеро Кукунор. Если Финляндию справедливо именуют "страной десяти тысяч озер", то доминион Кукунор можно смело назвать "страной миллиона озер". Мы обогнули озеро с запада, пройдя между ним и озером Дулан-Кит, постоянно петляя между многочисленными болотами, озерами, и небольшими, но глубокими мутными речушками. Вода здесь не замерзает, и острый холод мы ощущали, лишь поднимаясь высоко в горы. Местные жители почти не попадались нам на пути, и калмыку пришлось изрядно поволноваться, прежде чем он разведал дальнейший путь у встречных пастухов. Подойдя к озеру Тассун с восточной стороны, мы разглядели на его противоположном берегу монастырь и направились туда, чтобы хоть немного передохнуть. Кроме нас, в этом священном месте оказались еще пришлые люди. Все они были тибетцы. Они держались вызывающе и категорически отказывались с нами говорить. У этих людей, перепоясанных крепко набитыми патронташами, было много оружия, в основном русских винтовок, за поясом у каждого торчало по два-три пистолета. Они приглядывались к нам, как бы прикидывая, легко ли будет с нами управиться. После их отъезда я попросил калмыка навести у настоятеля справки об этих людях. Монах долго уклонялся от ответа, и только увидев перстень хутухты Нарабанчи и получив в подарок большой желтый хадак, стал откровеннее.

- Это плохие люди, - сообщил он. - Держитесь от них подальше.

Он однако не назвал их имен, мотивируя свой отказ заповедью буддистов - никогда не раскрывать постороннему имен отца, учителя и начальника. Позднее я узнал, что в Северном Тибете существует тот же обычай, что и в Северном Китае, где также бродят банды хунхузов[18]. Они появляются в местах расположения крупных торговых фирм и в монастырях, требуют дань, а за это обязуются следить за порядком и охранять своих подопечных. Встретившаяся нам банда, возможно, покровительствовала этому монастырю.

Теперь, продолжив путешествие, мы часто замечали вдали

четко вырисовывавшихся на гребне гор всадников, которые внимательно следили за нами. Все попытки приблизиться к ним и вступить в разговор ни к чему не приводили. Они мгновенно скрывались из виду на своих быстроногих скакунах. Однажды, когда мы, с трудом добравшись до перевала в горах Хамшаня, устраивались там на ночлег, прямо над нами, на горном склоне, выросло около сорока всадников на белоснежных лошадях; они без всяких упреждающих действий открыли по нам ураганный огонь. Два наших офицера с криками боли упали на землю. Один тут же скончался, другой жил еще несколько минут. Я запретил своим людям отвечать на выстрелы, а сам, подняв белый флаг, отправился вместе с калмыком на переговоры. Враги выпустили по нам еще пару пуль, но затем прекратили стрельбу и послали навстречу своих парламентариев. Начались переговоры. Тибетцы объяснили нам, что Хамшань - священная гора и на ней нельзя разбивать лагерь. Они обещали не трогать нас, если мы тут же уйдем с этого места. Их интересовало, кто мы, откуда и куда едем, а когда мы удовлетворили их любопытство, то услышали в ответ, что они знают о большевиках и считают их освободителями азиатских народов от владычества белой расы. Я положил за лучшее не вступать с ними в политическую дискуссию, а поскорее вернуться к своим спутникам. Съезжая со склона, я все время ждал пули в спину, но тибетские хунхузы больше не стреляли.

Мы снова двинулись в путь, забросав камнями тела двух убитых товарищей и оставив их на священной горе как своего рода жертвоприношение неведомым богам, у которых мы как бы просили оградить нас от дальнейших бедствий и опасностей. Мы ехали всю ночь; измученные лошади поминутно останавливались, а некоторые и ложились, но мы заставляли их подниматься и снова идти вперед. Только когда солнце уже стояло в зените, мы прервали свой путь. Лошади нерасседланными рухнули на землю. Перед нами расстилалась бескрайняя болотистая равнина, где-то здесь зарождалась река Ма-Чу. Недалеко было и озеро Арунгнор. Мы развели костер из лошадиного навоза и вскипятили чай. И тут вновь без всякого предупреждения загремели выстрелы. Укрывшись за ближайшими скалами, мы ждали дальнейшего разворота событий. Стрельба усилилась, стало ясно, что мы окружены. Со всех сторон на нас были нацелены дула винтовок. Мы угодили в западню, и выхода, видимо, не было. Так нам, во всяком случае, показалось. Я попытался вновь прибегнуть к переговорам, но стоило мне только высунуться из укрытия, размахивая белым флагом, как меня осыпал град пуль. Одна из них, отлетев рикошетом от скалы, угодила в ногу. В ту же минуту упал, сраженный пулей, наш товарищ. Делать было нечего,

пришлось принимать навязанный бой. Схватка длилась два часа. Мы сопротивлялись сколько могли, но хунхузы все приближались, смыкая круг. Наше положение было отчаянным.

- Надо садиться на коней и гнать отсюда ... куда подальше, - решил полковник, бывалый воин. -Другого выхода нет.

"Куда подальше" - Грустные слова. Мы быстро посовещались. Углубляться в Тибет, имея за спиной банду головорезов, означало распрощаться с жизнью.

Было решено вернуться в Монголию. Но как? Этого мы не знали, но отступать начали. Не прекращая стрельбы, мы что есть силы погнали лошадей к северу. Один за другим пали три наших товарища. Первым погиб татарин, которому прострелили шею. Следующими жертвами стали два молодых мужественных офицера, которые с криками попадали с лошадей, те же, обезумевшие, как и люди, от страха, продолжали нестись по долине. Наше бегство придало смелости тибетцам, наглевшим на глазах. Еще одна пуля засела у меня в правой шпоре. Мой верный друг, агроном, с воплем схватился за плечо, а чуть позже я видел, как он пытался перевязать свой окровавленный лоб. Почти в то же время нашему калмыку дважды прострелили одну и ту же ладонь, раздробив ее вконец. В довершении всего человек пятнадцать хунхузов ринулись на нас, яростно атакуя.

- Огонь! - скомандовал полковник.

- Шестеро бандитов упали замертво, двое других, оставшись без лошадей, улепетывали изо всех сил вслед за отступавшими товарищами. Враги прекратили стрельбу и подняли белый флаг. К нам подъехали двое всадников. В ходе переговоров оказалось, что их главарь тяжело ранен в грудь; они умоляли оказать ему первую помощь. У меня появился проблеск надежды. Захватив с собой аптечку, а в качестве переводчика раненного калмыка, который то стонал, то отчаянно бранился, я направился во вражий лагерь.

- Дай этому подонку цианистого калия, - советовали мне друзья.

Но во мне зрел другой план. Нас привели к раненному главарю. Он лежал на расстеленных на камнях чепраках, и хотя представился тибетцем, черты лица выдавали в нем сарта или тюрка. Лично я бы сказал, что он выходец из южного Туркестана. Он смотрел на меня испуганно и умоляюще. После тщательного осмотра я убедился, что у бандита навылет прострелена грудь, он потерял много крови и очень ослабел. Я сделал для него все, что смог. Первым делом мне пришлось попробовать на язык все лекарства, которыми я собирался его лечить, в том числе и йод, дабы убедить разбойников, что не собираюсь отравить их главаря.

Обработав рану йодом, я смочил ее йодоформом и забинтовал, приказав строго-настрого не трогать раненого, и, упаси Бог, не переносить его на другое место. Затем научил одного тибетца делать перевязку, оставив ему бинты и немного йодоформу. Увидев, что у раненого поднимается жар, я дал ему большую дозу аспирина и, кроме того, оставил несколько таблеток хинина. Напоследок я с важностью в голосе попросил калмыка перевести бандитам следующее:

- Рана очень опасна, но я дал вашему вождю сильнодействующее лекарство и надеюсь, что он выздоровеет. Однако нужно соблюсти одно условие: злые духи, покаравшие его за то, что он напал без предупреждения на беззащитных путешественников, непременно лишат его жизни, если хоть одна пуля полетит в нашу сторону. Вы должны немедленно вытряхнуть из ваших ружей пули.

С этими словами я вынул все пули из своего маузера и приказал калмыку последовать моему примеру. Тибетцы безоговорочно повиновались и сделали то же самое.

- Запомните то, что я сейчас вам скажу. В течение двенадцати дней и ночей не трогайтесь с места и не прикасайтесь к ружьям. Иначе демон смерти проглотит вашего вождя и будет вечно гнаться за вами.

С этими словами я торжественно ступил вперед, высоко подняв над их головами перстень хутухты Нарабанчи.

Вернувшись к своим друзьям, я успокоил их, заверив, что разбойники больше не нападут на нас, - остается лишь добраться поскорее до Монголии. Лошади наши еле волочили ноги и так отощали, что у них торчали ребра. Два дня мы не двигались с места, и я несколько раз проведал своего пациента. За это время мы подлечили и свои, к счастью, не столь опасные раны и немного отдохнули. К сожалению, у меня не было при себе ничего, кроме охотничьего ножа, с его помощью я извлек пули из своей левой икры и обломки шпоры из правой лодыжки. Выведав у бандитов, где проходят основные караванные пути, мы вскоре выбрались на одни из них, где нам посчастливилось нагнать караван молодого монгольского хана Пунцига, поспешавшего к Далай-ламе в Лхасу с благородной целью передать тому послание от Живого Будды из Урги. Хан помог нам купить лошадей, верблюдов и продовольствие.

Обменяв почти все наше оружие и боеприпасы на транспортные средства и провизию, мы, изрядно потрепанные и усталые, вновь постучались в двери монастыря Нарабанчи, где нас тепло приветствовал сам хутухта.

- Я знал, что вы вернетесь, - сказал он. - Небеса предсказали

мне это.

В монастырь из отряда вернулись только двенадцать человек, шестеро навечно остались в Тибете, как память о нашей безумной попытке прорваться на юг. Мы тихо прожили в монастыре две недели, успокойлись душой и начали вновь подумывать о том, чтобы войти в бурный поток жизни и достигнуть наконец с Божьей помощью какой-нибудь гавани. Наши офицеры записались в полк, создаваемый в Монголии для борьбы с большевиками, погубителями их Отечества. Мы же с другом готовились, несмотря на большой риск, продолжить наше путешествие по Монголии и найти все же место, где бы мы чувствовали себя в безопасности.

И вот теперь, перебирая всплывающие в памяти яркие картины прошлого, вспоминая это мучительное путешествие, я хотел бы посвятить написанные страницы верному, многократно проверенному делом дорогому другу агроному, всем моим русским спутникам, но особенно незабвенной памяти друзей, спящих вечным сном в горах Тибета - полковнику Островскому, капитанам Зубову и Турову, лейтенанту Писаревскому, казаку Вернигора и татарину Муххамеду Спирину. Здесь же мне хочется выразить глубокую признательность за дружественную помощь хану Солджака, потомственному нойону, и досточтимому Джелибу Джамсрапу-хутухте, настоятелю Нарабанчского монастыря.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
В СТРАНЕ ДЕМОНОВ

Глава семнадцатая. Загадочная Монголия

В самом центре Азии лежит огромная таинственная и богатая страна Монголия. Широко раскинулась она от снежных вершин Тянь-Шаня и раскаленных песков Западной Джунгарии до лесистых склонов Саян и Великой Китайской стены. Колыбель народов, таинственных сказаний и легенд, родина кровавых завоевателей, чьи столицы погребены в песках Гоби, но сохранились их кольца-талисманы и древние кочевые законы; земля монахов и злых духов, по которой кочуют племена, возглавляемые ханами и князьями (нойонами) - потомками Чингисхана и Хубилай-хана[19] - все это Монголия.

Загадочная стран, исповедующая культы Рамы, Шакья-Муни, Цзонкабы[20] и Паспы[21], заветы которых тщательно охраняются самим Живым Буддой - богдо-гэгэном, чья резиденция расположена в Та-Куре - второе название Урги; страна знаменитых врачевателей, пророков, магов, предсказателей, колдунов; родина таинственного знака свастики; земля, в которой еще живы воспоминания о давно почивших властелинах Азии и половины Европы - и это тоже Монголия. Страна скалистых гор, выжженых солнцем и прокаленным лютым морозом равнин, страна чахлого скота и нездоровых людей, родина чумы, сибирской язвы и оспы, страна горячих источников, высокогорных перевалов, охраняемых духами, и священных озер, кишащих рыбой; страна, где водятся волки, редкие разновидности оленя и горного козла, а также бессчетное множество сурков, диких лошадей, ослов и верблюдов, никогда не знавших уздечки; где можно встретить свирепых собак и хищных птиц, алчно терзающих бросаемые на этой бесконечной равнине без погребения людские трупы - и это тоже Монголия.

Земля, где сохранившие первобытный уклад вымирающие народности постоянно встречают на своем пути через песчаную равнину выбеленные солнцем кости предков; здесь гибнут племена, покорившие в свое время Китай, Сиам, Северную Индию и Россию и остановленные только железными копьями польских рыцарей, спасших тогда христианский мир от нашествия диких азиатских кочевников, - и это тоже Монголия.

Земля, богатая всевозможными природными ресурсами, но ничего не производящая и испытывающая нужду буквально во всем; нищая страна, страдающая как никакая другая от потрясшего мир страшного катаклизма - и это тоже Монголия.

Здесь, после неудачной попытки пробиться через Тибет к Индийскому океану, я провел по воле рока полгода, пытаясь выжить и достичь своей цели. Мы с моим старым и проверенным другом стали против своей воли участниками исключительно важных и опасных событий произошедших в Монголии в лето Господне 1921. Благодаря этому я хорошо узнал миролюбивый, добродетельный и честный монгольский народ, постиг его душу, познал его страдания, проникся его надеждами. Мне открылась вся глубина его угнетенности, а также его вечный страх перед Тайной, под знаком которой проходит вся жизнь этого народа. Мне приходилось наблюдать, как реки с чудовищным ревом разрывали ледяные оковы, видеть, как волны выбрасывали на берега озер человеческие кости, слышать в горных ущельях исступленные вопли, которые не могло бы издать ни одно человеческое существо, различать среди множества блуждающих поверх болотной топи огоньков единственно нужные мне огни.

Встречал я и озера с обжигающе горячей водой; устремлял взор к недоступным горным вершинам; перешагивал через огромные клубки змей, устроившихся на зиму в канавах; видел навечно скованные льдом ручьи, скалы, похожие на окаменевшие караваны - верблюды, всадники, повозки, - и над ними вновь горы - голые, безжизненные, чьи складки казались при кровавом свете вечернего солнца ниспадающими фалдами мантии Сатаны.

- Взгляните, - вскричал старик-пастух, указывая рукой на склон всеми проклинаемого Загастая. - Разве это гора? Сам дух Зла разлегся здесь в красном одеянии, ожидая решительного сражения с силами Добра.

Его слова воскресили в моей памяти таинственную картину известного художника Врубеля. Те же безжизненные скалы, фиолетово-багряная одежда Демона, лицо которого наполовину скрыто надвигающейся свинцовой тучей. Монголия - необыкновенная страна, полная неразгаданных тайн и демонов. Неудивительно, что любое нарушение сложившегося веками жизненного уклада племен неминуемо приводит здесь к хаосу, рекам крови, царству ужаса - на радость восседающему на голом утесе Сатане, сменяющему тогда серый плащ уныния и печали на алый цвета войны и мщения.

Вернувшись от озера Кукунор вновь в Монголию и отдохнув несколько дней в Нарабанчском монастыре, мы переехали в Улясутай, столицу Западной Внешней Монголии[22]. Это последний чисто монгольский город на пути к западу. В Монголии всего три действительно монгольских города - Урга, Улясутай и Уланком. Четвертый - Кобдо - по существу китаизирован: там сосредоточена китайская администрация, власть

которой (впрочем, как и Урги) кочевники этого района признают лишь на словах. В Улясутае и Уланкоме, помимо незаконных китайских комиссаров и войск, правили и монгольские губернаторы или "саиты", назначенные на эти посты указом Живого Будды.

Попав в этот город, мы тут же окунулись в пучину политических страстей. Монголы яростно протестовали против вмешательства Китая в дела их страны; взбешенные китайцы требовали в ответ выплату налогов за весь период существования монгольской автономии, с таким трудом вытребованной у Пекина; русские колонисты, издавна селившиеся вокруг городов, больших монастырей или становищ кочевников, разбились на враждующие группировки; из Урги поступило сообщение, что русский генерал барон Унгерн фон Штернберг возглавил войско и сражается за независимость Внешней Монголии; русские офицеры и беженцы создавали вооруженные отряды, против чего протестовали китайские чиновники, но что одобряли монголы; большевики, встревоженные формированием этих отрядов, послали свои войска в монгольской границе; из Иркутска и Читы то и дело спешили в Улясутай и Ургу большевистские курьеры с разного рода предложениями к китайским комиссарам; китайская администрация в Монголии потихоньку вступила в тайный сговор с большевиками и выдала им русских беженцев, нашедших прибежище в Кяхте и Уланкоме, тем самым грубо нарушив международные законы; затем большевики провозгласили Ургу коммунистическим городом; русские консулы бездействовали; в районе Косогола и долины Селенги произошли вооруженные столкновения Красной Армии с антибольшевистскими формированиями; китайские власти распорядились ввести войска в монгольские города и разослать по всей стране карательные отряды; и в довершении всего, китайские военные в поисках крамолы проводили крупномасштабные обыски, не гнушаясь при этом покражами.

Вот в такую атмосферу окунулись мы после трудного и опасного путешествия по Енисею, Урянхайскому краю, Монголии, земле торгутов, провинции Гань-су и Кукунорской равнине.

- Должен признаться, - сказал мне друг, что я согласен скорее душить партизан и драться с хунхузами, чем терять голову от неопределенности. И он был прав. Самое скверное заключалось в том, что вся эта неразбериха и суета, слухи и сплетни, захлестнувшие Улясутай, давали возможность красным неожиданно напасть на город и взять всех неугодных голыми руками. Мы бы с радостью покинули этот город, в котором чувствовали себя крайне неуверенно, но не знали, куда идти. На

севере нас ждали враждебно настроенные партизаны и войска красных; на юге мы уже потеряли своих товарищей и сами пролили кровь; на западе китайские власти вели борьбу с вооруженными отрядами русских эмигрантов; на востоке просто шла война, слухи о которой, несмотря на все усилия китайских чиновников, просачивались в город и говорили о необычайной серьезности положения в этой части Внешней Монголии. У нас не было другого выхода, кроме как отсиживаться в Улясутае. Здесь мы встретили товарищей по несчастью - бежавших из русского плена солдат-поляков, две польские семьи и представителей двух американских фирм. Объединившись, мы создали что-то вроде собственной разведки и внимательно следили за ходом событий. Нам удалось установить хорошие отношения с китайским комиссаром и монгольским саитом, и, встречаясь с ними, мы мотали все на ус.

Что стояло за всеми этими событиями?

Саит Улясутая объяснил мне так:

- В соответствии с соглашениями между Монголией, Китаем и Россией 21 октября 1912 года, 23 октября 1913 года и 7 июня 1915 года Внешняя Монголия была провозглашена Независимым государством, а духовный глава нашей "желтой веры" . Его Святейшество Живой Будда стал властителем Монгольского народа Халха[23], или Внешней Монголии, получив титул "Богдо Джебтсунг Дамба хутухта-хан Пока Россия оставалась сильным государством, твердо проводящим свою политику в Азии, правительство Пекина соблюдало соглашения, но стоило ей вывести войска из Сибири в связи с началом войны с Германией, Пекин вновь стал заявлять о своих правах в Монголии. Именно поэтому потребовалось выработать новое соглашение от 1915 года, дополнившее предыдущие. Однако в 1916 году, когда военные неудачи заставили Россию полностью сосредоточиться на войне, и позднее, в феврале 1917, когда разразилась первая русская революция, свергнувшая династию Романовых, Китай вновь захватил Монголию. Китайцы полностью заменили всех монгольских министров и саитов, посадив на их место прокитайски настроенных лиц; арестовали многих сторонников автономии и засадили их в пекинскую тюрьму; ввели свою администрацию в Урге и других городах Монголии; по существу отстранили от руководства Его Святейшество богдохана, превратив его в послушную марионетку, ставящую свою подпись под китайскими указами, и, наконец, ввели в Монголию войска. За этим последовал активный приток в страну китайских торговцев и кули. Китайское правительство потребовало уплаты налогов и пошлин с 1912 года. Монгольское население быстро

нищало, и теперь в окрестностях наших городов и больших монастырей можно видеть множество нищего люда, живущего прямо в землянках. Все монгольские арсеналы, а также казна, были реквизированы. Монастыри обязали платить налоги; монголов, ратовавших за независимость родины, нещадно преследовали; китайцам удалось подкупить деньгами, чинами и званиями некоторых наиболее бедных наших князей. Можно себе представить, как враждебно после всего этого относились к китайским правителям верхушка монгольского общества во главе с Его Святейшеством - ханы, князья и высокопоставленные ламы, а также жестоко угнетаемые низы, - тем более, что никто никогда не забывал, как в свое время именно мы, монголы покровительствовали Пекину и немало способствовали тому, что Китай в конце концов стал доминировать в Азии. Восстание, однако, невозможно. У нас нет оружия. За всеми нашими вождями ведется неустанная слежка, и если их заподозрят в попытке вооруженного сопротивления, то тут же упрячут в тюрьму, где уже погибло от голода и пыток много наших людей - цвет нации, князья и ламы, боровшиеся за свободу Монголии. Должно было случиться что-то уж совсем невообразимое, чтобы народ поднялся. И поистине чудовищный повод ему предоставили китайские наместники - генералы Ченг И и Чу Чайсян. Они посадили под домашний арест Его Святейшество богдохана, напомнив тому прежний указ (монголы его не признавали), согласно которому он был последним Живым Буддой. Здесь они хватили через край. Между народом и его живым Богом немедленно установился незримый контакт; строились планы, как освободить Его Святейшество и продолжить борьбу за свободу и независимость родины. Нам помог великий бурятский князь Джам Болон. Он вступил в переговоры с генералом Унгерном, сражавшимся тогда с большевиками в Прибайкалье и предложил тому войти в Монголию и помочь укротить китайцев. Так начался новый этап нашей борьбы за свободу.

Вот так представил мне ситуацию саит Улясутая. Позже я узнал, что барон Унгерн, согласившись участвовать в освобождении Монголии, повелел, чтобы в северных районах страны поторопились с мобилизацией, и обещал ступить в Монголию со своим небольшим отрядом, двигаясь по реке Керулен. Затем, объединившись с другим русским отрядом под командованием полковника Казагранди и с мобилизованной монгольской кавалерией, осадил Ургу. Дважды терпел он поражение, но 3 февраля 1921 года взял наконец город и вновь возвел на ханский трон Живого Будду.

Однако в Улясутае обо всем этом в конце марта еще не знали. Мы не слышали ни о сдаче Урги, ни о разгроме пятнадцатитысячной китайской армии в битвах при Меймечене на берегу Толы и на дорогах между Ургой и Удэ. Китайцы тщательно скрывали эти факты, стараясь никого не пропускать на территорию западнее Урги. Но слухи все же ползли, будоража население. Атмосфера становилась все тревожнее, а отношения между китайцами с одной стороны и монголами и русскими с другой все напряженнее. Китайским комиссаром в Улясутае был тогда Ван Сяо-цун, а его советником Фу Сян, оба довольно молодые и неопытные люди. Китайские власти сместили улясутайского саита, которым в то время был выдающийся монгольский патриот Чултун Бейли, и назначили на этот пост своего ставленника, князя-ламу, бывшего заместителя министра обороны в Урге. Усилились репрессии. Начались обыски в домах русских офицеров и поселенцев, отношения с большевиками более не скрывались, аресты и избиения стали обычным делом. Русские офицеры тайно сформировали отряд из шестидесяти человек, чтобы в случае чего дать отпор. Однако в этом отряде скоро начались разногласия между генерал-лейтенантом М.М. Михайловым и некоторыми офицерами. Было ясно, что в решительный момент отряд может распасться на группировки.

Мы, иностранцы, посоветовавшись, решили провести тщательную разведку и выяснить, есть ли опасность прихода красных войск. Мой друг и я вызвались пойти добровольцами. Князь Чултун Бейли дал нам замечательного проводника - пожилого монгола по имени Церен, отлично говорившего и читавшего по-русски. Этот исключительно интересный человек служил переводчиком у монгольских властей, иногда исполняя эту обязанность и при китайском комиссаре. Незадолго до этого его посылали с важным донесением в Пекин, и наш несравненный всадник проделал путь между Улясутаем и Пекином длиной в 1800 миль за девять дней. Невероятно, но это так. Чтобы предохранить себя от возможных ушибов и растяжении, он плотно обмотал хлопчатобумажной таканью живот, грудь, ноги, руки и шею. В шапку положил три орлиных пера - в знак того, что ему приказали мчаться со скоростью птицы. Ему вручили тцару документ, дающий право беспрепятственно получать на почтовых станциях лучших лошадей - одну для езды, а другую, полностью оседланную, на смену.а также двух улатченов - сопровождающих его до следующей станции (уртон) и доставлявших назад лошадей. Между станциями было от пятнадцати до тридцати миль; эти перегоны Церен одолевал на полном скаку, останавливаясь только, чтобы сменить лошадей и получить новых

сопровождающих.

Один из улатченов мчался впереди, чтобы успеть на следующей станции до приезда важного курьера подготовить лучших скакунов. Каждый улатчен имел при себе трех лошадей, и Церен мог мгновенно сменить уставшее животное, дать ему передохнуть, а потом вновь сесть на лошадь или отпустить ее с улатченом в родное стойло. На каждом третьем уртоне ему выносили горячий подсоленный зеленый чай, он выпивал его прямо в седле и продолжал свою гонку на юг. После семнадцати - восемнадцати часов такой бешеной езды он останавливался в очередном уртоне на ночь, точнее, на те несколько часов, что от нее оставались, с жадностью съедал вареную баранью ногу и заваливался спать. Ел он только раз в день, пять раз пил горячий чай - и так девять дней!

И вот одним морозным утром мы двинулись с нашим проводником по направлению к Кобдо, отстоящим на триста миль от Улясутая; именно отсюда поступило удручающее известие, что красные войска вступили в Уланком и китайские власти выдали им всех находившихся в городе европейцев. Реку Дзаб-хан мы перешли по льду. Очень опасная река. Ее русло полно зыбучих песков, которые постоянно затягивают летом верблюдов, лошадей и людей. Мы продвигались вперед вдоль извивающейся между горных кряжей, занесенной глубоким снегом долины; кое-где темнели лиственничные рощицы. На полпути, у небольшого озера Баганор, мы заметили юрту пастуха. Мы решили здесь заночевать: день клонился к вечеру, да и ветер разбушевался, кидая нам в лицо Дри-горшни снега. Рядом с юртой стоял великолепный гнедой жеребец под богатым седлом, украшенным серебром и кораллами. Свернув к юрте, мы видели, как из нее поспешно вышли два монгола, один вскочил в седло и быстро исчез за снежными наносами. Мы успели разглядеть под его оленьей шубой мелькнувший на мгновение желтый халат[24] и огромный кинжал, рукоять которого, вырезанная из рога и слоновой кости, торчала из кожаных, зеленого цвета ножен.

Второй мужчина оказался хозяином юрты, пастухом местного князя Новонцирана. Всем своим видом он показывал, что рад оказать нам гостеприимство.

- А кто был тот, на гнедом? - спросили мы.

Он молчал, опустив глаза.

- Ответь нам, - настаивали мы. - Если ты не назовешь его имя, значит, он плохой человек.

- Нет, нет, - горячо запротестовал пастух, всплеснув руками. - Он очень хороший, великий человек, но закон запрещает мне назвать его имя.

Нам стало ясно, что это был либо хозяин пастуха, либо высокопоставленный лама. Мы больше не настаивали и начали готовиться ко сну. Хозяин сварил для нас три бараньих ноги, искусно вырезав из них кости большим ножом. Из разговора с ним мы узнали, что в этих краях красных нет, но в Кобдо и Уланкоме китайские солдаты терроризируют население, забивая насмерть бамбуковыми палками монголов, спасавших честь своих жен. Некоторые монголы пробирались в горы и вступали в вооруженные отряды, которыми командовал алтайский татарин офицер Кайгородов.

Глава восемнадцатая. Таинственный лама-мститель

После двухдневного путешествия по снежной равнине, преодолев сто семьдесят миль и основательно промерзнув, мы наслаждались отдыхом. За ужином, с аппетитом уплетая сочную баранину, мы безэабвтно болтали, и низкий, хриплый голос прозвучал для нас неожиданно:

- Сайн! (Добрый вечер!).

Оторвав взгляд от жаровни и повернувшись к двери, мы увидели невысокого, плотного сложения монгола в оленьей шубе и в шапке с широкими, свисающими на грудь ушами. У кушака в зеленых ножнах висел уже знакомый нам кинжал.

- Амурсайн, - отозвались мы.

Он быстрым движением развязал кушак и снял шубу. Под ней оказалось великолепное одеяние из золотистого шелка, перехваченное дивной красоты синим поясом. Все - чисто выбритое лицо, короткий ежик, коралловые четки на левой руке, парадная одежда желтого цвета - говорило о том, что перед нами высокого ранга лама. И в то же время за поясом у него торчал огромный кольт.

На лицах хозяина и Церена я прочел страх и благоговение. Незнакомец подошел к жаровне и сел рядом.

- Давайте перейдем на русский язык, - предложил он и взял 'кусок мяса.

Завязалась беседа. Незнакомец стал критиковать правительство Живого Будды в Урге.

- Где-то там борятся за свободу Монголии, захватывают Ургу, одерживают победу над китайской армией, а мы здесь пребываем в неведении. Мы бездействуем, а в это время китайцы убивают и грабят наших людей. Богдохан должен был бы связаться с нами. Почему китайцы посылают гонцов из Урги и Кяхты в Кобдо, требуя подкрепления, а монгольское правительство не делает этого? Почему?

- Значит, китайцы получат подкрепление? - спросил я.

Гость хрипло рассмеялся и ответил: - Я изловил всех гонцов, отобрал письма, а их отправил... в могилу.

Он вновь засмеялся и обвел юрту каким-то диким горящим взглядом. Только сейчас я обратил внимание, что чертами лица и разрезом глаз незнакомец отличался от монголов. Он напоминал скорее татарина или киргиза. Мы молчали, потягивая свои трубки. - Когда отряд чахаров[25] должен покинуть Улясутай?

спросил гость.

Мы ответили, что ничего об этом не слышали. Незнакомец объяснил, что китайские власти собрали во Внутренней Монголии сильный полк, в который вошли представители воинственного племени чахаров, кочующих с внешней стороны Великой Китайской стены. Китайские власти произвели их вождя, известного ханхуза в капитаны, он же, со своей стороны, пообещал подчинить китайскому владычеству все племена, обитающие в районах Кобдо и Урянхая. Узнав, куда и с какой целью мы направляемся, незнакомец заверил нас, что предоставит нам полную информацию, избавив от необходимости ехать дальше.

- Там вообще опасно сейчас появляться, - сказал он. Китайцы намереваются уничтожить все население Кобдо, а сам город сжечь. Это точные сведения.

Услышав о нашей неудачной попытке пересечь Тибет, он проникся к нам сочувствием и с сожалением произнес:

- Не Нарабанчский хутухта, а только я мог помочь вам. С моим laissez-passeq[26] вы могли бы беспрепятственно исколесить весь Тибет. Я Тушегун-лама. Тушегун-лама! Каких только невероятнейших историй я не слышал о нем! По происхождению он российский калмык; еще при царе вел активную агитацию за независимость калмыцкого народа и по этой причине побывал во многих тюрьмах. Большевики его не жаловали из-за того же, и при них он вновь угодил в тюрьму. Ему удалось бежать в Монголию, где он пользовался большой популярностью у населения. Неудивительно, ведь он был близким другом далай-ламы в Потале (Лхаса), слыл самым просвещенным из лам, а, кроме того, являлся искусным врачом. Он добился почти полной независимости при Живом Будде и стал вождем всех древних кочевых племен Западной Монголии и Джунгарии, распространяя свою политическую власть и на монгольские племена Туркестана. Трудно было сопротивляться его влиянию, сам он объяснял это своей причастностью к тайному знанию, но мне говорили другое. Он вызывал у монголов панический ужас, ибо каждый, кто осмеливался противиться его приказу, погибал. Никто не знал день и час, когда в его юрте или на равнине, рядом со скачущим конем, появится таинственный и могущественный друг далай-ламы. И тогда - удар кинжала, пуля или стальные пальцы, сдавившие шею словно тиски, кончали дело.

За порогом юрты выл и ревел ветер, злобно швыряя снег в натянутый войлок. В этом истошном реве мне слышались чьи-то крики, стон и смех. Сама природа здешних мест как бы подготавливала кочевника к восприятию чудесного, создавала

благодатную почву. Только эта мысль мелькнул" у меня в голове, как Тушегун-лама вдруг поднял голову, пристально посмотрел на меня и сказал:

- В Природе много непознанного. Когда владеешь тайным знанием, можешь совершать чудеса, но дается оно лишь избранным. Попытаюсь продемонстрировать вам кое-что, вы потом скажете, видели ли что-нибудь подобное.

Он поднялся, засучив рукава своего желтого халата, вытащил из ножен кинжал и направился к пастуху.

- А ну-ка, Мичик, встань! - приказал он. Пастух повиновался. Лама быстрыми движениями расстегнул ему рубашку и обнажил грудь. Я не понимал, что он собирается делать, но тут Тушегун со всей силой поразил кинжалом грудь пастуха. Монгол упал, обливаясь кровью, брызги ее обагрили одежду ламы.

- Что вы наделали? - воскликнул я.

- Тс-с... Тихо, - прошептал он, повернув ко мне побелевшее лицо.

Несколькими ударами ножа он рассек грудную клетку монгола, и я собственными глазами увидел, как мягко колышутся легкие несчастного и сильно пульсирует сердце. Лама коснулся руками этих органов, кровь перестала течь, а выражение лица пастуха стало на удивление спокойным. Он лежал с закрытыми глазами и, казалось, спал безмятежным и глубоким сном. Лама начал вскрывать брюшную полость, но тут я, содрогаясь от ужаса и отвращения, закрыл глаза. А когда вновь их открыл, то с удивлением увидел, что пастух мирно спит, и хотя рубашка его по-прежнему расстегнута, на груди нет ни малейших следов раны. Тушегун-лама сидел неподалеку от жаровни, курил трубку и смотрел в глубокой задумчивости на огонь.

- Поразительно! - вырвалось у меня. - Ничего подобного никогда не видел!

- О чем вы? - спросил калмык.

- О проделанном вами "чуде", ведь вы так это называете? ответил я.

- Не понимаю, о чем вы говорите, - холодно отозвался калмык,

Мне стало ясно, что я оказался жертвой гипнотических способностей Тушегун-ламы. Пусть будет так - все лучше, чем смерть ни в чем ни повинного человека. Не мог ведь Тушегун-лама рассечь тело своей жертвы, а затем быстро вернуть его в первоначальное состояние?!

На следующий день мы, получив все нужные нам сведения, оставили юрту нашего хозяина. Тушегун-лама, по его словам, намеревался и далее "перемещаться в пространстве". Он скитался

по всей Монголии, жил как в бедных юртах пастухов и охотников, так и в великолепных шатрах князей и вождей племен, всюду окруженный благовейным почитанием, смешанным со страхом, который так же крепко, как демонстрируемые им чудеса и изреченные предсказания, привязывал к нему богатых и бедных. Прощаясь с нами, калмыцкий чародей хитро улыбнулся и сказал:

- Ничего не рассказывайте обо мне китайским властям.

И еще прибавил: - То, что вы испытали вчера вечером, было пустой забавой. Вам, европейцам, невдомек, что мы, невежественные кочевники, обладаем могущественным тайным знанием. Если бы вы видели чудеса, творимые таши-ламой, по приказу которого сами загораются свечи и светильники перед древней статуей Будды, а изображения богов начинают вещать! Но есть еще более святой и великий человек...

- Вы имеете в виду Царя Мира из Агарти? - перебил его я.

Лама уставился на меня в глубоком изумлении. - Вы слышали о нем? - спросил он, наморщив в раздумьи лоб. Поразмышляв немного, он снова вперил в меня свои раскосые глаза и произнес: - Только один человек из всех живущих знает его священное имя, только один из всех посещал Агарти. Этот человек - я. Поэтому далай-лама почитает меня, а Живой Будда из Урги боится. Впрочем, напрасно -мне никогда не сидеть ни на священном престоле в Лхасе, ни на том, что Чингисхан завещал Главе нашей Желтой веры. Я не монах, а воин и мститель.

Он лихо вскочил в седло, стегнул коня и умчался, крикнув на прощанье по-монгольски: - Сайн! Сайн-байна! (До свидания!).

На обратном пути Церен рассказал нам множество легенд, связанных с именем Тушегун-ламы. Одна история особенно запечатлелась в моей памяти, Произошло это в 1911 или 1912 году, когда монголы с оружием в руках отстаивали свою независимость. Китайское руководство Западной Монголии размещалось тогда в Кобдо, там же находились десять тысяч солдат под командованием лучших офицеров. Взять Кобдо было поручено Хуну Балдону, простому пастуху, отличившемуся в битвах с китайцами и получившему от Живого Будды титул князя. Обладающий необычайной силой, свирепый и бесстрашный Балдон несколько раз поднимал в атаку на город своих плохо вооруженных воинов, но каждый раз его встречал пулеметный огонь и он отступал, теряя множество людей. Неожиданно в монгольском стане появился Тушегун-лама. Собрав солдат, он обратился к ним со следующими словами:

- Не страшитесь смерти и не отступайте! Вы сражаетесь и умираете за Монголию, которой Боги уготовили великое будущее. Только взгляните, какой станет ваша страна!

Он широко распростер руки, и солдаты увидели перед собой богатые юрты, зеленые пастбища, по которым бродили большие табуны лошадей и стада. По равнине мчались люди на быстрых скакунах, седла под всадниками были дорогие, искусной работы. Женщины в этой стране одевались в тончайшие шелка, в ушах у них позвякивали серебряные серьги, а в замысловатых прическах сверкали драгоценные украшения. Тянулись бесконечные караваны товаров, завезенных китайскими купцами, а представительные монгольские саиты, окруженные цириками[27] в парадной форме, торговались о цене, не теряя при этом собственного достоинства.

Видение исчезло, и Тушегун-лама заговорил:

- Не бойтесь смерти! Она - есть отдых после наших земных трудов, тропа, ведущая к вечному блаженству. Посмотрите на восток! Видите наших братьев и друзей, павших на поле боя?

- Видим, видим, - вскричали пораженные монгольские воины: перед ними, залитое мягким теплым светом, раскинулось урочище, жилища там были похожи на юрты, но вход в них напоминал свод храма. Стены и пол устилали красные и желтые шелка с вплетенными яркими лентами; позолота весело играла на колоннах и сводах; в огромном красном алтаре горели тонкие жертвенные свечи в золотых канделябрах, рядом в массивных серебряных сосудах лежали орехи и густело молоко; повсюду были набросаны мягкие подушки, и на них отдыхали монголы, павшие в последней битве за Кобдо. А вокруг, на небольших покрытых лаком столиках дымилась сочная баранина и козлятина, высились кубки с вином и чаем, стояли тарелки с борсуком[28], душистым затураном, пропитанным бараньим салом, блюда с ломтиками высушенного сыра, финиками, изюмом и орехами. Погибшие солдаты посасывали золоченые трубки и дружески беседовали.

Наконец и это видение исчезло, а перед изумленными воинами стоял таинственный калмык с воздетыми руками.

- Теперь в атаку и не возвращайтесь без победы! Я тоже пойду с вами!

Битва возобновилась. Монголы сражались яростно, гибли сотнями, но в город все же ворвались. Казалось, повторилась картина из далекого прошлого, когда татарские полчища разрушали европейские города. Хун Балдон поднял над головой три копья с алыми вымпелами, что означало: он отдает город солдатам на три дня. Повсеместно начались убийства и грабежи. Ни один китаец не остался в живых. Город спалили, а крепостные стены разрушили. Затем Хун Балдон пошел на Улясутай и там разрушил китайскую крепость. Развалины эти стоят и поныне -

покосившиеся стены с бойницами, осыпавшиеся башни, никому теперь уже не нужные ворота и то, что осталось от сгоревшего штабного здания и солдатской казармы.

Глава девятнадцатая. Дикие чахары

Вернувшись в Улясутай, мы узнали, что монгольский саит получил тревожные вести из Мурэн-Куре. В донесении сообщалось, что красные теснят войско полковника Казагранди в районе озера Косогол. Саит опасался, что потом красные двинутся на юг, к Улясутаю. Обе американские фирмы закрыли свои конторы, а наши друзья готовились в случае чего бежать из города, хотя это тоже было опасно: с востока к Улясутаю подходил отряд чахаров. Мы решили дождаться его прихода: появление отряда могло изменить ход событий. Через несколько дней чахары вошли в город - две сотни оголтелых бандитов во главе с бывшим китайским хунхузом. Их предводитель был высоким, костлявым мужчиной с длинными, доходившими почти до колен руками и потемневшим от ветра и зноя лицом, изуродованным двумя длинными шрамами на лбу и на щеке - один из них почти полностью закрыл его глаз хищной птицы. Голову бандита венчала поношенная шапка из енота - таким был вождь чахаров. Страшная личность! Никто, даже при самом ущербном воображении, не захотел бы встретиться с таким субъектом ночью на безлюдной улице.

Отряд разбил лагерь внутри разрушенной крепости, неподалеку от единственного уцелевшего китайского здания, служившего теперь штаб-квартирой китайского комиссара. Уже в день прибытия чахары разграбили китайский дуган - торговый дом, расположенный в полумиле от крепости, и оскорбили жену комиссара, назвав ее "предательницей". Со своей точки зрения, они были правы: китайский комиссар Ван Сяо-цун прибыв в Улясутай, последовал давней китайской традиции и потребовал себе жену-монголку. Услужливый новый саит отдал приказ немедленно отыскать господину красивейшую и достойнейшую монгольскую девушку. Девушку нашли и доставили в дом комиссара вместе с ее братом-борцом, который должен был стать у китайца телохранителем, а в результате довольствовался ролью няньки при карликовом мопсе, подаренном сановником своей новой жене.

Чахары воровали, затевали потасовки, предавались пьяным оргиям, и поэтому Ван Сяо-Цун поспешил выдворить их из города, направив в Кобдо и далее, в Урянхай.

Проснувшись однажды холодным утром, жители Улясугая могли видеть неприглядную картину. По главной улице ехал

отряд чахаров. Они восседали на небольших лошадках со спутанными гривами, по трое в ряду, в теплой форме синего цвета, в овчинных полушубках и непременных енотовых шапках - вооруженные до зубов. Они ехали, громко хохоча, и что-то кричали, с жадностью поглядывая на китайские магазины и дома русских поселенцев. Впереди скакал их одноглазый вожак, а за ним в белых полушубках следовали три всадника с развевающимися знаменами и что есть силы дули в раковины, извлекая из них то, что они в простоте душевной считали музыкой. Один чахар, не в силах справиться с искушением, спрыгнул с лошади и бросился в ближайший китайский магазин. Оглянувшись, хунхуз увидел у дверей магазинчика оставленную лошадь и сразу понял, что происходит, Он тут же пришпорил лошадь и поскакал на место преступления. Грозным голосом хунхуз приказал солдату выйти, а затем изо всех сил огрел его прямо по лицу плетью. Щека тут же обагрилась кровью. Но чахар безропотно снес наказание и уже через минуту занял свое место в строю. Пока чахары не покинули город, никто из жителей не выходил на улицу, все отсиживались по домам, следя за движущейся колонной через щелки или слегка отодвинув занавеси на окнах. Но все прошло достаточно мирно; чахары дали выход своим природным инстинктам, только встретив в шести милях от города китайский караван с вином, тут уж они не выдержали и опустошили несколько сосудов. В окрестностях Харганы чахар поджидал в засаде Тушегун-лама и устроил им такую резню, что родные равнины так и не дождались возвращения своих сыновей, посланных на завоевание сойотов, потомков народа древней Тувы.

В день, когда отряд покинул Улясутай, пошел сильный снег, сделавший дороги непроходимыми. Лошади падали на колени, выбивались из сил и отказывались идти дальше. Несколько монгольских всадников все же въехали в Улясутай на следующий после начала снегопада день - на двадцать пять миль им потребовалось по их словам, целых сорок восемь часов. Многие караваны застряли в дороге. Монголы не решались пускаться в путь даже на волах и яках, впрочем, проходивших за день только десять-двенадцать миль. Можно было, конечно, нанять верблюдов, но в городе их мало кто держал и, кроме того, хозяева не были уверены, что животные выдержат в таких условиях четырнадцать миль до первой железнодорожной станции в Куку-Хото. Мы были вынуждены опять ждать - чего? Смерти или избавления? Нас могли спасти только наши собственные энергия и сила. В конце концов, мы с другом вновь отправились на разведку, захватив с собой палатку, плиту и пищу. Путь наш

лежал в район Косогола, откуда саит ожидал наступления красных.

Глава двадцатая.
Демон Джагистая

Наш маленький отряд - четверо верхом на верблюдах, еще один верблюд с поклажей - направлялся вдоль долины реки Боягол на север, к горам Тарба-гатай. Каменистая тропа была покрыта глубоким снегом. Верблюды продвигались вперед медленно, тщательно обнюхивая дорогу, и наш проводник то и дело покрикивал: "Ок! Ок!" - поторапливая своих помощников. Оставив позади крепость и китайский ду-ган, мы обогнули горный хребет и, переправившись несколько раз через незамерзшие ручьи, начали восхождение. Подъем был трудным и опасным. Верблюды осторожно выбирали место, куда поставить копыто, и непрерывно шевелили ушами, что делают обычно при сильном волнении. Тропа то петляла над обрывом, то взвивалась вверх, к самой вершине хребта, то вновь спешила в узкую долину, но тем не менее упорно набирала высоту. В одном месте мы разглядели сквозь серую дымку облаков, окутавших горную вершину, темневшее на безграничном снежном полотне пятно.

- Это обо, священные алтари, защищающие путников от злых духов, стражей этого перевала, - объяснил нам проводник. - Место называется Джагистай. Множество сложенных о нем легенд, древних, как сами горы, живут и по сей день.

Мы упросили его рассказать нам некоторые из них.

Монгол, покачиваясь на верблюде и сторожко поглядывая по сторонам, начал свой рассказ.

- Это было давно... очень давно... Внук великого Чингисхана сидел на китайском троне и управлял всей Азией. Китайцы убили своего хана и собирались извести всю ханскую семью, но святой старец-лама похитил жену хана и его малолетнего сына из дворца и доставил на быстроногих верблюдах в наши родные степи, по другую сторону Великой Китайской стены. Китайцы долго не могли напасть на след беглецов, но наконец выследили-таки их. Лучшие воины на самых быстрых лошадях поскакали в погоню. Вот-вот догонят китайцы наследника, но тут лама, помолившись, испросил у небес снегопад. Верблюды могли продвигаться в глубоком снегу, а лошади вязли. Сам лама был из дальнего монастыря - вы увидите его, когда будем проезжать Джахантси-Куре. Чтобы попасть в этот монастырь, надо перейти Джагистай. И вот у самого перевала старый лама неожиданно почувствовал себя плохо, покачнулся в седле и упал мертвым. Вдова Великого хана, Та Син Ло, залилась слезами, но, увидев внизу нагонявших

их китайцев, спешно продолжила путь к перевалу. Измученные верблюды останавливались каждую минуту, как ни подгоняла их несчастная женщина. Китайские всадники приближались; уже слышались их радостные крики в предвкушении щедрой награды, обещанной мандаринами за убийство наследника Великого хана. Нужно было только доставить голову матери и сына в Пекин, где бы их выставили на площади Чьен-Мень, чтобы народ мог вволю потешиться. Испуганная мать подняла вверх малютку и обратилась с мольбой к небесам:

- Мать-Земля и Боги монгольские, спасите потомка великого человека, прославившего Монголию по всему свету? Не допустите гибели праправнука Чингисхана!

Вдруг она заметила сидевшую неподалеку на скале белую мышку. Та прыгнула к ней на колени и промолвила:

- Меня послали помочь тебе. Продолжай спокойно свой путь и ни о чем не беспокойся. Преследователи твоего сына, которого ожидает славное будущее, обречены и скоро погибнут.

Но Та Син Ло не поверила, что одна маленькая мышка сумеет остановить триста воинов. Тогда мышка спрыгнула на землю и вновь заговорила:

- Я Джатистай, демон Тарбагатая. Боги любят меня, и могущество мое безгранично, но из-за того, что ты засомневалась в возможностях говорящей мышки, Джагистай теперь станет опасен не только для плохих людей, но и для хороших.

Вдова хана и ее сын спаслись, но Джагистай сдержал свое обещание. Проходя через перевал, нужно быть осторожным и смотреть в оба; демон только и ждет, чтобы погубить ни в чем не повинных путешественников.

Вершины Тарбагатая густо усеяны обо из камней и сучьев, а в одном месте высится целая башня из обломков скал - жертвенник, сложенный, чтобы умилостивить Богов и получить прощение за неверие Та Син Ло. Демон, очевидно, поджидал нас. Стоило начать подъем на центральный хребет, как подул резкий холодный ветер; он свистел в ушах и завывал, а под конец запорошил нам снегом глаза, вздымая в воздух целые сугробы. В двух шагах ничего не было видно, мы с трудом различали очертания идущего впереди верблюда. Неожиданно я почувствовал толчок, вздрогнул и огляделся. Я по-прежнему удобно сидел между двумя кожанными мешками с мясом .и хлебом, только... моего верблюда не было подо мной. Он исчез. По-видимому, поскользнулся и рухнул в пропасть, а незакрепленные мешки, наткнувшись на. скалу, застряли вместе со мной в снегу. Вот такую шутку сыграл со мной демон Джагистая, но этого ему показалось мало. Он, видимо, гневался

всерьез. Яростные порывы ветра почти сносили моих спутников с верблюдов вместе с мешками; снежная крупа слепила глаза, затрудняя дыхание; наши горбатые рысаки чуть не падали с ног. Так мы тащились долго, увязая в снегу и постоянно балансируя над пропасть-ю. Наконец мы достигли небольшой долины, где ветер выл на тысячи разных голосов. Темнело. Наш проводник несколько раз проехался взад-вперед в поисках тропы, потом вернулся назад и, разведя руками, сказал:

- Мы сбились с пути. Нужно заночевать здесь. Дело плохо дров нет, а холод скоро усилится.

С большим трудом, под атаками ветра, мы окоченевшими руками поставили палатку и внесли в нее бесполезную теперь печку. Завалив палатку снегом, прокопали в сугробах глубокие канавки и заставили верблюдов лечь в них на колени, понукая криком: "Дзук! Дзук!" Затем внесли в палатку мешки.

Мой друг взбунтовался при мысли, что ему всю ночь придется мерзнуть, да еще рядом с печкой.

- Пойду искать дрова, - решительно заявил он и, взяв топор, вышел из палатки. Через час он вернулся, волоча за собой здоровенный обрубок телеграфного столба.

- Эй, вы, Чингисханы, - сказал он, растирая замерзшие руки, - берите-ка топоры и карабкайтесь на гору слева от палатки. Там повалены телеграфные столбы. Старый Джагистай, с которым я теперь на короткой ноге привел меня к ним.

Оказалось, что поблизости проходила российская телеграфная линия, связывающая до прихода большевиков Иркутск с Улясутаем; китайцы, вернувшись, приказали монголам срубить столбы и снять с них провода. Теперь эти столбы были спасением для проходящих через перевал путешественников. Вот и мы провели ночь в теплой палатке, хорошенько подкрепившись мясным супом с вермишелью - и это в самом сердце владений гневного Джагистая! На следующее утро мы отыскали тропу в двухстах или трехстах шагах от палатки и продолжили наше трудное путешествие по Тарбагатаю. На подступах к долине реки Адер наше внимание привлекла стая красноклю-вых монгольских ворон, круживших над скалами. Приблизившись, мы обнаружили два свежих трупа -всадника и его лошади. Трудно было понять, что тут произошло. Они лежали рядом, мужчина все еще держал поводья в левой руке, никаких следов пули или ножа. Лица мужчины разглядеть было невозможно. На нем был монгольский плащ, но брюки и тужурка - европейские. Тщетно мы задавались вопросом, что же с ним случилось?

Наш монгол, понурив в тревоге голову, проговорил тихо, но убежденно:

- Месть Джагистая. Всадник не совершил жертвоприношения в северном обо, вот демон и задушил обоих. Наконец мы оставили Тарбагатай позади. Впереди лежала долина Адера - узкая, поросшая густой травой, стиснутая горами она вилась вдоль реки. По обеим сторонам делившей ее пополам дороги беспорядочно валялись целые и порубленные телеграфные столбы, спутанные провода. Разрушение телеграфной линии между Иркутском и Улясутаем было закономерным звеном агрессивной политики Китая в Монголии.

Вскоре нам стали попадаться крупные стада овец, животные разрывали снег, отыскивая сухую, но очень питательную траву. Иногда мы видели на крутых горных склонах яков и волков. А вот пастуха заметили лишь однажды; как правило, завидев нас, они тут же прятались в горах или оврагах. Юрты нам не встречались, Свои передвижные жилища монголы ловко скрывают от посторонних глаз и от ветра в скалах. Кочевники как никто умеют выбрать место для зимовки. Мне часто приходилось забредать зимой в монгольские юрты, стоит только свернуть к ним с ветреной равнины, как тут же, сдается, попадаешь в теплицу.

Продвигаясь вперед, мы увидели вдали большую отару овец, но, подъехав поближе, обнаружили, что на равнине теперь пасутся лишь редкие стада, остальные уже отошли на значительное расстояние. В стороне можно было разглядеть еще тридцать или сорок животных, они карабкались и прыгали по горным склонам. Достав бинокль, я стал их рассматривать. Оставшаяся часть стада были обыкновенные овцы; та же, что ушла на другой край, оказалась монгольскими антилопами (gazella qutiurosa), а те, что ускакали в гору, горными баранами (oyis argali). Вся эта смешанная компания мирно паслась скопом на равнине, привлеченная вкусной травой и чистой водой. В реке было много полыней и кое-где над водой поднимались клубы пара. Постепенно антилопы и горные бараны стали поглядывать в нашу сторону.

- Скоро они начнут перебегать нам дорогу, - засмеялся монгол. - Забавные твари. Иногда идут за тобой не одну милю, только чтобы перебежать дорогу перед носом у лошадей, а потом, довольные, скачут прочь. Я был знаком с этой привычной антилоп и решил воспользоваться ею для охоты. Вот что мы придумали. Один монгол с навьюченным верблюдом продолжал двигаться по дороге, мы же, трое, повернули направо и, вытянувшись полукругом, направились к стаду. Озадаченные антилопы замерли, напряженно вглядываясь в нашу сторону. Согласно неписанным правилам, они должны были перебежать дорогу всем четверым. Наш маневр явно смутил их. В стаде насчитывалось

около трех тысяч голов. Все это воинство начало беспомощно метаться из стороны в сторону. Вот большая группа устремилась было к нам, но вспомнив о четвертом путнике, повернула назад, а потом все повторилось заново. Около пятидесяти животных, разбившись на два отряда, приблизились ко мне. Когда нас разделяло уже сотни полторы шагов, я с громким криком выстрелил. Антилопы застыли как вкопанные, а опомнившись, стали кружить на одном месте, сталкиваясь лбами и даже пытаясь перепрыгнуть друг через друга. Паника дорого обошлась им: за это время я успел выстрелить четыре раза, убив двух великолепных антилоп. Мой друг оказался еще удачливей: выстрелив только раз в бегущее стадо, он одной пулей сразил сразу двух животных.

Тем временем горные бараны забрались уже высоко в горы и , выстроившись, как солдаты, в ряд, поглядывали на нас сверху. Даже на таком расстоянии я мог любоваться их великолепным сложением, гордой посадкой головы и мощными рогами. Подобрав добычу, мы нагнали уехавшего вперед монгола и продолжили путь. По дороге нам попадались трупы овец -рога вырваны, бока разрезаны. - Работа волков, - заметил наш проводник. - Их здесь много бродит.

Еще не раз встречались нам стада антилоп, они долго сопровождали нас, а, улучив момент, длинными прыжками перебегали дорогу. Пронесясь стрелой шагов двести, животные останавливались и принимались преспокойно пастись. Однажды я нарочно повернул верблюда назад - стадо вновь насторожилось и помчалось мимо меня. Отбежав на расстояние, сочтенное безопасным, антилопы еще раз на бешеной скорости, словно под ними были раскаленные угли, пересекли мне дорогу и вновь возобновили свои раздумчивые поиски пропитания - как раз по ту сторону дороги, где мы их впервые спугнули. Как-то я трижды проделывал такой фокус с одним стадом антилоп - всякий раз они вели себя одинаково, не в силах сопротивляться своей глупой привычке, что меня очень смешило.

В долине нас ждала пренеприятная ночь. Мы разбили привал у замерзшего источника; высокий берег защищал нас от пронизывающего ветра. Затопили печь, вскипятили воду. В палатке было тепло и уютно. Мы мирно отдыхали, предвкушая удовольствие от предстоящего ужина, когда внезапно за войлоком раздался вой и жуткий - казалось, вырвавшийся из самых недр ада - хохот. В ответ послышались протяжные и скорбные завывания с другого конца долины.

- Волки, - невозмутимо объяснил проводник, взял мой револьвер и вышел из палатки. Он отсутствовал довольно долго,

наконец раздался выстрел, и вскоре монгол вернулся.

- Немного напугал их, - сказал он.– Собрались на берегу Адера у верблюжьего трупа.

- А наших верблюдов не тронут? - спросили мы в один голос.

- Сейчас разведем костер снаружи - тогда они не потревожат нас.

Поужинав, мы вернулись в палатку, но я еще долго лежал без сна, прислушиваясь к треску горящих поленьев, глубоким вздохам верблюдов и отдаленному вою волчьей стаи. Наконец все звуки отступили, и я заснул. Не знаю, сколько я спал, но вдруг резко проснулся от сильного толчка в бок. Мое место было с краю, а толкали меня, и довольно бесцеремонно, снаружи. Я решил, что кто-то из верблюдов жует войлок, и с силой заколотил маузером по палатке. Раздался пронзительный визг, и сразу же мелко застучали камешки - кто-то быстро улепетывал. Утром мы обнаружили волчьи следы, они подходили к самой палатке со стороны, противоположной костру. Звери начали рыть подкоп, но я вспугнул их, наставив кому-то синяков.

Проводник с полной серьезностью просветил нас насчет того, что волки и орлы - слуги Джагистая. Это, впрочем, не мешает монголам охотиться на волков. Однажды, гостя у князя Бейсея, я наблюдал такую охоту. Монгол на быстрейшем скакуне догнал на равнине волчью семью и поубивал всех тяжелыми бамбуковыми палками, которые зовутся здесь ташу-рами. В свое время один русский ветеринар научил монголов травить волков стрихнином, но те вскоре отказались от этого способа, боясь за собак, самых преданных друзей кочевников. Что касается орлов и ястребов, то на них они действительно не охотятся и даже подкармливают. Когда монгол свежует зверя, он обязательно бросит кружащим в воздухе хищникам. Несколько кусков сырого мяса, которые они подхватывают на лету - так мы кидаем мясо собаке. Со своей стороны, орлы и ястребы отгоняют сорок и ворон - очень опасных для скота и лошадей: они расцарапывают и клюют ранки и ссадины у них на спинах, превращая их в незаживающие язвы и причиняя тем самым бедным животным невыносимые страдания.

Глава двадцать первая. Логово смерти

Наши верблюды медленно, но неуклонно тащились на север. Делая в день по двадцать пять - тридцать миль, мы наконец подъехали к небольшому монастырю, расположенному несколько левее основной дороги. Его массивные, в форме квадрата, постройки окружал высокий частокол. Четверо ворот - со всех сторон - вели к четырем дверям храма, находящегося в центре монастыря. Его многочисленные - в китайском стиле - крыши, поддерживаемые красными лакированными колоннами, гордо высились над остальными низенькими строениями. По другую сторону дороги стояла, как нам показалось, крепость, обернувшаяся при ближайшем рассмотрении дуганом, который китайцы всегда строят в виде крепости с двойными стенами, отстоящими друг от друга на несколько футов. Внутри этих стен размещаются жилые домики и магазины, там же на всякий случай всегда находятся в полной боевой готовности двадцать или тридцать торговцев, вооруженных с головы до пят. Такие дуганы могли при необходимости долгое время выдерживать осаду. Между дуганом и монастырем, ближе к дороге, я заметил палатки кочевников, хотя ни скота, ни лошадей поблизости не было. Очевидно, монголы разбили здесь временный лагерь, оставив скот в горах. На некоторых юртах развевались разноцветные треугольные флажки - знак, что там находится зар,-ный больной. Перед другими торчали высокие колья, поверх которых болтались монгольские шапки, это означало, что хозяин умер. Повсюду слонялись бродячие собаки, видимо, трупы сбрасывали неподалеку в ущелье или вдоль берега реки.

Приближаясь к лагерю, мы услышали доносящуюся издалека бешеную барабанную дробь, заунывные звуки рожка и дикие безумные вопли. Наш проводник, которого мы отправили вперед разузнать, в чем дело, рассказал нам по возвращении, что несколько монгольских семей приехали в монастырь искать исцеления у хутухты Яхантси, славившегося искусством врачевания. Приехав издалека, эти зараженные проказой и черной оспой люди не застали его на месте: хутухта отправился к Живому Будде в Ургу. В конце концов, они были вынуждены обратиться к шаману. Монголы умирали один за другим. Как раз вчера оттащили на равнину двадцать седьмого покойника.

Пока мы обсуждали увиденное, из юрты вышел старик шаман с обезображенным оспой лицом и катарактой на одном глазу.

Одет он был в лохмотья, с пояса свисали разноцветные полоски ткани, в руках он держал бубен и рожок. На губах запеклась пена, в глазах застыло безумие. Внезапно он начал кружиться и пританцовывать, выделывая своими длинными ногами невероятные курбеты, руки и плечи его судорожно подергивались, при этом он умудрялся бить в бубен и дуть в рожок, чередуя эту музыку с истерическими воплями. Наконец, бледный как смерть, с налитыми кровью глазами, он рухнул на снег, продолжая биться в конвульсиях и издавать бессмысленные вопли. Вот так этот врач лечил своих пациентов, пытаясь запугать злых духов, наславших на них болезнь. Другой шаман давал пить больным грязную мутную воду, в которой, по его словам, мылся сам Живой Будда, чье божественное тело вышло из священного цветка лотоса.

- Ом! Ом! - постоянно вопили оба.

Шаманы сражались с демонами, а больные были предоставлены сами себе. Они лежали в жару, тепло укрытые оленьими шкурами и тулупами, бредили и пытались сбросить с себя постылую одежду. А сидевшие на корточках у жаровни взрослые и дети, еще не успевшие заболеть, спокойно болтали между собой, пили чай и курили. В какую бы юрту не заходил я, повсюду царили смерть, болезнь и такие беда и нищета, что описать невозможно.

И тогда я подумал: "О, великий Чингисхан! Почему ты, посвятивший всю жизнь возвеличению Монголии, при всем твоем уме, глубоком знании Азии и Европы, не принес своему народу, сохранившему верность старым заветам, честность и миролюбие, еще и просвещение, которое помогло бы ему не гибнуть от эпидемий?".

Такого рода печальные мысли пришли мне в голову при виде этого лагеря живых мертвецов, среди стонов, криков и бессвязного бреда умирающих мужчин, женщин и детей. Где-то вдали слышался унылый собачий вой и монотонная дробь, извлекаемая из бубна усталым шаманом.

Вперед! У меня не было больше сил созерцать эту кошмарную картину, а помочь я ничем не мог. Мы быстро отъехали от зловещего места, но нас не покидала мысль, что некий невидимый и злой дух последовал за нами. Что он представлял собой? Демона смерти? Запечатлевшиеся в нашем уме картины страдания и ужаса? Души умерших монголов, принесенные на алтарь невежества? Нас охватил необъяснимый страх, унять его было невозможно. Мы вздохнули свободно только после того, как, свернув с дороги и обогнув лесистый горный хребет, въехали в ложбину, откуда не было видно ни Яхантси-Куре, ни дугана, ни содрогающейся в последнем издыхании общей могилы монголов.

Перед нами открылось большое озеро. Это был Тисингол. На его берегу высилось внушительное строение - русская телеграфная станция, связывавшая Косогол и Улясутай.

Глава двадцать вторая. Среди убийц

Когда мы подъезжали к станции, навстречу вышел ее начальник, белокурый молодой человек по фамилии Канин. В некотором смущении он предложил нам переночевать в его доме. В комнате за столом сидел высокий худощавый мужчина; он поднялся и нерешительно направился к нам, внимательно вглядываясь в наши лица.

- Гости, - объяснил Канин. - Едут в Хатгал. Они иностранцы, путешествуют по своим делам.

- А-а - протянул незнакомец понимающе. Пока мы возились, развязывая пояса и с трудом высвобождаясь из тяжелых монгольских шуб, длинный что-то возбужденно шептал нашему хозяину. Присаживаясь к столу, я расслышал его слова: "Нужно отложить", - на что Канин кивнул, соглашаясь.

К столу подсело еще несколько человек, среди них помощник Канина, высокий блондин с бледным лицом, он беспрерывно трещал, наподобие пулемета системы Гатлинга. Этот субъект был явно со сдвигом; его болезнь особенно бросалась в глаза, когда после прервавших его болтовню выкрика, громкого разговора или просто неожиданной реплики, он начинал повторять слова того человека, с которым в этот момент беседовал, или описывать в возбужденно-механической манере все, что происходило вокруг. За столом находилась также жена Канина, бледная молодая женщина с испуганными глазами и измученным лицом, на котором застыло выражение страха; рядом сидела девушка лет пятнадцати, коротко стриженая и одетая в мужскую одежду, а также два маленьких сына Канина. Мы представились. Высокий мужчина назвался Гороховым, русским поселенцем из Самгалтая, а девушку с короткими волосами представил как свою сестру. Жена Канина все время молчала, испуганно глядя на нас, и была явно не в восторге от нашего присутствия. Нам же ничего не оставалось, как только, вытащив свою провизию хлеб и холодное мясо, приступить к чаепитию. Канин рассказал нам, как разрушение телеграфной линии повлекло за собой бедность и невзгоды для его семьи и всех родственников. Большевики не высылали ему больше из Иркутска жалованье, оставалось самим заботиться о себе. Члены семейства заготавливали и продавали сено русским поселенцам, ездили по разным поручениям из Хатгала в Улясутай и Самгалтай, заодно при этом приторговывая, покупали и перепродавали скот, охотились - тем и жили. Горохов

объявил, что ему необходимо ехать по торговым делам в Хатгал, и им с сестрой было бы приятно проделать этот путь в нашем обществе. Его бесцветные глаза избегали смотреть на собеседника, лицо с постоянно сердитым выражением не внушало симпатию. Мы спросили Кани-на, есть ли неподалеку еще дома русских поселенцев, на что он, нахмурив брови, ответил, не скрывая своей неприязни.

- На расстоянии версты от станции живет богатый старик Бобров, но я не советовал бы вам посещать его. Скряга каких поискать.

При этих его словах госпожа Канина опустила глаза, по ее телу пробежала дрожь; Горохов и его сестра курили с равнодушным видом. Я отметил про себя враждебный тон Канина, смущение его жены, н&'-пускное равнодушие Гороховых и решил во что бы то ни стало посетить старого поселенца, которому Канин дал уничижительную характеристику. В Улясутае я был знаком с двумя Бобровыми. Сказав Канину, что меня просили лично вручить Боброву письмо, я, допив чай, надел шубу и вышел из дома.

Дом Бобровых стоял в горной расщелине, со всех сторон окруженный высоким забором, за которым виднелись крыши построек. В окнах горел свет. Я постучал в калитку. В ответ раздался яростный лай собак; сквозь щели в заборе я видел, как громадные черные монгольские собаки, скаля зубы, бросились к калитке. Дверь дома приоткрылась, кто-то крикнул: "Кто там?"

Я ответил, что прибыл из Улясутая. Собак посадили на цепь, а меня, придирчиво осмотрев с головы до пят, впустил во двор открывший мне. калитку мужчина, Из кармана у него торчал револьвер. Удовлетворенный осмотром и известием, что я знаю его родственников. он радушно пригласил меня в дом, где познакомил со своей женой, величественной старой дамой, и очаровательной пятилетней малышкой, их приемной дочерью. Девочку нашли в открытом поле, рядом с мертвой матерью, бежавшей из Сибири от большевиков и не выдержавшей ниспосланных ей испытаний.

Бобров рассказал мне, что Казагранди удалось прогнать красных от Косогола, так что мы теперь могли без опаски ехать в Хатгал.

- Почему вы предпочли остановиться у этих разбойников, а не у меня? - спросил старик.

Задавая ему вопросы, я узнал много интересного. Канин, по-видимому, был большевиком, агентом Иркутского Совета, оставленным здесь для наблюдения. Сейчас, впрочем, он не мог принести особого вреда: связь между ним и Иркутском

оборвалась, но с Алтая, из Бийска, только что прибыл важный комиссар.

- Горохов? - спросил я.

- Так он себя называет, - ответил старик, - но я тоже родом из Бийска и знаю там каждую собаку, Его подлинная фамилия Пузиков, а стриженая девка - его любовница. Он - комиссар Чека, а она агент того же учреждения. В августе прошлого года эти голубки вдвоем перестреляли семьдесят связанных офицеров Колчаковской армии. Негодяи, трусливые убийцы. Они приехали сюда на разведку. Хотели остановиться у меня, но я слишком хорошо их знаю, потому даже на порог не пустил.

- А вы не боитесь его? - спросил я, вспомнив отдельные слова и взгляды этих людей, когда мы сидели за одним столом.

- Нет, - ответил старик. - Я знаю, как защитить себя и семью. Кроме того, у меня есть помощник -мой сын, великолепный стрелок, наездник и воин -лучший во всей Монголии. Жаль, что вы не сможете познакомиться с ним - он уехал проверить стада и вернется только завтра вечером.

Мы сердечно распрощались, и я обещал остановиться у него на обратном пути. - Что там наплел Бобров про нас?- такими словами встретили меня Горохов и Канин.

- Да, ничего, - отговорился я. - Узнав, что мы остановились на станции он даже не стал со мной разговаривать. Что там произошло между вами? - поинтересовался я, изобразив искреннее недоумение.

- Давние счеты, - проворчал Горохов.

- Вредный старикашка, - прибавил Канин, а в страдальческих глазах его жены вновь вспыхнул нескрываемый страх, как будто она ждала смертельного удара. Горохов стал собирать вещи, готовясь выехать вместе с нами завтра утром. Мы расстелили в соседней комнате наши немудреные постельные принадлежности и легли спать. Я шепотом посоветовал моему другу держать на всякий случай оружие поблизости, на что он только улыбнулся, вытащив из кармана револьвер и топорик и положил их под подушку.

- Эти люди с самого начала показались мне подозрительными, - прошептал он в ответ. - Они что-то затевают. Завтра я поеду позади Горохова и припасу для него самую верную из своих пуль - малышку "дум-дум".

Наши монголы провели ночь в палатке, поблизости от верблюдов, которых хотели получше накормить. Мы поднялись около семи часов. Мой друг занял место в конце каравана, держась невдалеке от Горохова и его сестры, ехавших на великолепных скакунах.

- Как вам удалось, проделав такой большой путь из Самгалтая, сохранить в лучшем виде своих лошадей? - спросил я, не сводя глаз с превосходных животных.

Горохов ответил, что лошади принадлежат начальнику станции. Значит, Канин не так беден, как пытался представить: за каждую такую лошадь богатый монгол, не задумываясь, дал бы столько овец, что семейству хватило бы мяса на целый год.

Вскоре мы подъехали к большому болоту, со всех сторон заросшему густым кустарником. Я с трудом поверил своим глазам: там обитали сотни куропаток. Более того, при нашем приближении стая диких уток с диким шумом взметнулась в воздух. Зима, ледяной пронизывающий ветер, снег и вдруг - утки! Монгол объяснил мне необычайное явление следующим образом:

- Это болото никогда не замерзает, и вода в нем теплая. Дикие утки и куропатки живут здесь круглый гол, пищи для них предостаточно.

Во время нашего разговора с монголом, я заметил над болотом язычок красно-желтого пламени. Он мелькнул и тут же исчез, зато в отдалении вспыхнули сразу два. Это были настоящие блуждающие огни, о которых сложены тысячи легенд, хотя химия объясняет явление весьма просто: в теплой болотной среде, где происходит процесс гниения, имеет место самовозгорание метана или болотного газа.

- Здесь живут демоны Адера, они ведут непрерывную войну с демонами Мурэна, - дал свое объяснение зрелищу монгол.

"Конечно, - подумал я, - если даже в прозаической Европе крестьяне и поныне верят в колдовское происхождение болотных огней, то в этой загадочной стране их появление должно свидетельствовать не меньше, как о непрекращающейся войне демонов двух соседних рек".

Проехав болото, мы различили вдали очертания большого монастыря. Хотя он стоял в полумиле от дороги, Гороховы поскакали к нему, чтобы, по их словам, сделать в китайском дугане кое-какие покупки. Они обещали нагнать нас, но обещания своего не сдержали. Гороховы бесследно скрылись, но мы все же вновь встретили обоих, правда, значительно позже, при очень неожиданных и фатальных для них обстоятельствах. Теперь же мы, разумеется, не горевали, а напротив, радовались, что так легко от них отделались. Только тогда я рассказал моему другу все, что услышал от Боброва предыдущим вечером.

Глава двадцать третья.
На вулкане

К вечеру следующего дня мы въехали в Хатгал, небольшое русское поселение - десяток домов - в долине Егингола или Яги, берущей свое начало в Косоголе, в полумиле от деревни. Косогол - большое озеро альпийского типа, глубокое и холодное, длиной восемьдесят пять, а шириной - от десяти до тридцати миль. На западном берегу живут дархатские сойоты, они называют озеро Хубсугулом, монголы же - Ко-соголом. Однако и сойоты и монголы равно испытывают перед ним священный трепет.

Их предубежденность вполне объяснима: Хубсугул находится в районе действующих вулканических сил; в ясный солнечный день там могут подняться огромные волны - опасные не только для утлых рыбачьих лодчонок, но и для больших русских пассажирских пароходов. Зимой же лед на озере может разом вскрыться, выпуская наружу огромные клубы пара. На дне, несомненно, находятся выходы горячих источников или даже лавы. О наличии подземных извержений говорит также всплывающая время от времени мертвая рыба, прямо-таки запруживающая в узких местах вытекающую из озера реку. Рыбой озеро просто кишит, особенно много здесь форели и лосося, знаменито оно также своей восхитительной белорыбицей, которую прежде поставляли в Сибирь и даже в Маньчжурию до самого Мукдена. Она жирна, нежна на вкус и славится своей превосходной икрой. В озере водится также белый хариус, который в период миграции идет, в отличии от большинства рыб, вниз по течению Яги, теснясь спинками от берега до берега - самой воды подчас не видно. Впрочем, эту рыбу не ловят: она заражена червями и для пищи не пригодна. Ее не едят даже собаки и кошки. Профессор Дорогостайский из Иркутского университета пытался найти причину болезни рыб, но приход большевиков помешал его работе.

Хатгал был охвачен паникой. В армии полковника Казагранди, дважды разбившей красных на своем пути к Иркутску, началась офицерская смута, ослабившая и разделившая ее на группировки. Большевики, воспользовавшись ситуацией, довели численность своих войск до тысячи человек и перешли в наступление, отбросив Казагранди к Хатгалу, где он намеревался дать последний бой красным. Жители грузили свой скарб на повозки и всем семейством торопливо покидали селение, бросая скот и лошадей. Любой, будь у него желание, мог бы стать

хозяином живности. Одно семейство намеревалось укрыться неподалеку в горном ущелье, где густо росла лиственница; другое направлялось на юг, к Муран-Куре и Улясутаю. Наутро после нашего прибытия монголчиновник получил известие, что красные обошли с фланга отряд Казагранди и приближаются к Хатгалу. Монгол погрузил свои архивы и слуг на одиннадцать верблюдов и был таков. Вместе с ним улизнули и наши проводники, прихватив с собой и верблюдов. Положение наше стало отчаянным. Мы поспешили к еще не уехавшим поселенцам с просьбой продать нам верблюдов, но те ничем не могли помочь: ожидая такого поворота событий, они загодя продали своих животных монголам, живущим в дальних урочищах. Тогда мы обратились к доктору В.Г.Гею, ветеринару, известному всей Монголии своей упорной борьбой с чумой рогатого скота. Он жил здесь с семьей, а после того как его лишили государственной службы, стал торговцем скота. Это был очень интересный человек, именно его сделало царское правительство главным поставщиком мяса для русской армии из Монголии во время войны с Германией. Он вел дело на широкую ногу, а когда в 1917 году большевики захватили власть, стал сотрудничать с ними, быстро сменив убеждения. В марте 1918 года, когда армия Колчака прогнала большевиков из Сибири, ветеринара арестовали и судили. Его, впрочем, быстро освободили: ведь он был единственным человеком, способным осуществлять поставки из Монголии, и он действительно тут же передал Колчаку все находившееся у него в наличии мясо, а также серебро, полученное от советских комиссаров. Теперь Гей являлся основным поставщиком отряда Казагранди.

Когда мы заявились к нему, он тут же предложил нам то, что еще оставалось - тощих, севших на задние ноги лошадей, мы могли бы проехать шестьдесят миль до Мурэн-Куре, а там раздобыть верблюдов и добраться до Улясутая. Но даже эти жалкие животные находились не в самом поселке. Нам обещали доставить их только утром, а ведь ночью сюда могли прийти красные! Нас очень удивило, что Гей с семьей не торопится покинуть селение, хотя враги уже близко.С ним оставалось еще несколько казаков, которым было приказано дожидаться прихода красных. Наступила ночь. Мы с другом решили сражаться до последней пули, а потом покончить с собой. Эту ночь мы провели в маленьком домике над Ягой, где жили рабочие, которые не могли или не считали необходимым бежать. Сами рабочие забрались на высокий холм, откуда открывался вид на горный кряж, из-за которого ожидалось появление красных частей. С этого расположенного в лесу наблюдательного пункта и прибежал, истошно крича, один из рабочих:

- Горе нам! Пришла беда! Красные наступают. По лесной тропе мчится всадник. Я окликнул его, но он не ответил. И хотя еще темно, но, верьте мне, конь под ним не нашей породы.

- Не болтай чепухи, - отозвался другой рабочий. -Проскакал какой-то монгол, а ты уж решил, что это красноармеец.

- А вот и не монгол, - упорствовал первый, - Конь у всадника был подкованный. Я хорошо слышал стук железных подков. Беда!

- Что ж, - сказал мой друг. - Видимо, нам пришел конец. Глупая смерть.

Я был с ним полностью согласен. Тут раздался стук в дверь, оказалось, что это монгол привел нам трех лошадей. Мы немедленно оседлали двух, на третью же погрузили палатку и продовольствие и отправились попрощаться с Геем.

В его доме проходил настоящий военный совет. Два или три полковника, а также несколько казаков прискакали с гор, сообщив, что красные части приближаются к Хатгалу, хотя эту ночь проведут еще в лесу, где разожгли бивачный костер. Отблески огней можно было видеть даже сквозь оконное стекло. И все же казалось странным, зачем враг дожидался утра, отсиживаясь в лесу, хотя селение, которое он намеревался захватить, находилось в двух шагах.

В комнату вошел вооруженный казак с сообщением, что скачут двое мужчин в полной амуниции. Присутствующие насторожились. Снаружи послышался конский топот, затем раздались мужские голоса и стук в дверь.

- Войдите, - отозвался Гей.

Вошли двое молодых людей, их усы и бороды заиндевали от мороза, а щеки пылали пламенем. Одеты они были в тулупы, какие обычно носят в Сибири, и большие каракулевые шапки, оружия при них не было. Выяснилось, что они состоят в отряде из крестьян Иркутской и Якутской губерний, поддерживающих белых, и сражаются с большевиками. В окрестностях Иркутска отряд потерпел поражение и теперь пытается примкнуть к армии Казагранди. Командиром у них социалист капитан Васильев, в свое время много пострадавший при царе из-за своих убеждений.

Наши волнения кончились, мы раздобыли нужные нам сведения, и потому решили назамедлительно направиться в Мурэн-Куре надо было поскорее ознакомить наших товарищей с положением дел. Мы выехали. По дороге нагнали трех казаков. Мы присоединились к ним и, спешившись, повели лошадей по льду. Яга бушевала. Огромные волны, вызванные к жизни вулканическими силами, то и дело взрывали лед и, подняв в воздух целые глыбы, с бешеным ревом швыряли их вниз, разбивая вдребезги и тут же засасывая под еще не порушенный ледяной

панцирь. С его изнанки во все стороны змейками вились трещины. Один казак провалился под лед, но мы успели его спасти. После того, как он искупался в ледяной проруби, ему ничего не оставалось, как повернуть обратно в Хатгал. Лошади скользили и падали. Животные, как и люди, ощущали близость витавшей рядом смерти, которая в любой момент могла настигнуть их. Наконец мы ступили на противоположный берег и продолжили свой путь по долине, радуясь тому, что оставили позади и природные, и социальные катаклизмы. Проехав десять миль, мы нагнали первую партию беженцев. Натянув большую палатку, они развели в ней огонь, наполнив ее теплом и дымом. Беженцы разбили свой лагерь вблизи китайского торгового дома, владельцы которого отказались приютить несчастных людей, не пустив в свои достаточно просторные помещения даже женщин, детей и больных. Здесь мы задержались только на полчаса. Дальше дорога стала полегче, за исключением тех мест, где намело много снега. Мы одолели высокий перевал между Эгинголом и Мурэном. Недалеко от перевала с нами приключилось одно неожиданное событие. Мы как раз пересекали довольно широкую долину, направляясь к той ее поросшей лесом части, что шла вверх, когда увидели на краю леса двух всадников, с интересом наблюдавших за нами. Их посадка и масть лошадей говорили о том, что это не монголы. Мы окликнули их и замахали руками, но они никак не реагировали. Из леса выехал третий всадник и, остановившись, тоже стал нас разглядывать. Решив переговорить с ними, мы, хлестнув наших лошадей, поскакали галопом в их сторону. Когда расстояние между нами сократилось до тысячи ярдов, они спешились и открыли по нам прицельную стрельбу. К счастью, мы держались врассыпную, это нас и спасло. Спешившись, мы залегли и приготовились к схватке. Огня, однако, мы не открывали - на тот случай, если по ошибке нас приняли за красных. Вскоре и они прекратили стрельбу. Судя по выстрелам, ружья у них были европейские, это подтверждало нашу догадку, что они не монголы. Подождав, пока они скрылись, мы подъехали ближе и стали изучать следы - кони, судя по отпечаткам подков, явно не монгольские. Кто же это мог быть? Мы так этого никогда и не узнали, а ведь окажись неизвестные более меткими стрелками, встреча могла бы стоить нам жизни.

За перевалом мы нагнали русского поселенца Тетерникова из Мурэн-Куре, который пригласил нас погостить в своем доме, пообещав раздобыть верблюдов у лам. Пронизывающий ветер усиливал и без того лютый мороз. Днем мы продрогли до костей, зато ночью отогрелись в палатке у пашей печурки. Спустя два дня мы достигли долины Мурэна, откуда был хорошо виден

китайский квартал города с его характерными крышами и высокими красными пагодами. Различили мы и другой квартал, где жили не только китайцы, но и русские поселенцы. Через два часа мы уже подъезжали к дому нашего гостеприимного попутчика, где нас любезно встретила его очаровательная молодая жена, накормив отменным завтраком. Пять дней провели мы в Мурэн-Куре, дожидаясь верблюдов. Тем временем из Хатгала все прибывали беженцы: положение полковника Казагранди к лучшему не менялось. Среди них были полковники Плевако и Маклаков, они-то и привели армию Казагранди к расколу. Однако стоило беженцам добраться до города, как их тут же выдворяли прочь монгольские чиновники, ссылаясь на приказ китайских властей не давать им убежища.

- Куда мы пойдем зимой, бездомные, с женщинами и детьми? - взывали к ним в отчаянии беженцы.

- Нас это не касается, - слышали они в ответ. - Китайцы в ярости, нам ведено прогонять вас. Ничем не можем помочь.

Несчастным пришлось оставить Мурэн-Куре и разбить палатки неподалеку в открытом поле. Плева-ко и Маклаков, купив лошадей, направились в Ван-Куре. Позже я узнал, что оба были убиты в дороге китайцами.

Достав трех верблюдов, мы вместе с большой группой, состоявшей из китайских торговцев и русских беженцев, выехали в Улясутай, навсегда сохранив самые теплые воспоминания о наших любезных хозяевах - Т.В. и Д.А. Тетерниковых. За верблюдов нам пришлось выложить кругленькую сумму - серебряный слиток в тридцать три лана, подаренный нам американской фирмой в Улясутае, что равнялось приблизительно 2,7 фунта.

Глава двадцать четвертая. Кровавое возмездие

Вскоре дорога наша повернула па север, и мы вновь увидели дружественно темневшие ряды срубленных телеграфных столбов, однажды согревших нас. Смеркалось. Мы пробирались сквозь поваленную древесину в северной части долины Тисингола, мечтая об отдыхе в доме Бобровых. Наши спутники намеревались воспользоваться гостеприимством Канина. У телеграфной станции нас встретил солдат с ружьем, придирчиво допросил кто такие и откуда? - и, удовлетворенный ответами, вызвал свистком из дома молодого офицера.

- Лейтенант Иванов, - представился тот. - Разместился здесь со своим отрядом.

Он добрался сюда с десятью солдатами от самого Иркутска, а теперь получил приказ от подполковника Михайлова из Улясутая, с которым установил связь, удерживать этот объект.

- Прошу в дом, - вежливо пригласил нас лейтенант.

Я объяснил ему, что хотел бы остановиться у Бобровых, на что он сокрушенно махнул рукой:

- Незачем вам туда ехать, Бобровых убили, а дом сожгли.

Потрясенный, я невольно вскрикнул от ужаса. Лейтенант продолжал:

- Их убили Канин с Пузиковыми, они же разграбили дом, а затем сожгли его вместе с трупами. Хотите взглянуть на пепелище? Мы с другом поехали вместе с лейтенантом к месту злодеяния. Почерневшие столбы торчали над грудой обуглившихся стропил и досок, повсюду валялась утварь - глиняные горшки и жестяные миски. В стороне под войлоком лежали останки четырех несчастных. Мы молчали. Первым заговорил лейтенант:

- Я доложил о случившемся в Улясутай. Скоро прибудут родственники погибших и два офицера, которым поручено расследовать это кровавое дело. Так что придется повременить с захоронением.

- Как все произошло? - спросили мы, потрясенные ужасным зрелищем.

- А вот как, - начал он свой рассказ. - Ночью я с десятью солдатами подъехал к Тисинголу. Опасаясь, что на станции могут оказаться красные, мы тихонько подкрались к зданию и заглянули в окна. Внутри Пузиков, Канин и стриженая девушка делили между собой одежду и прочие вещи, взвешивали

серебряные слитки. Я не сразу, догадался, что происходит, но интуитивно почувствовал: дело неладно, - и приказал солдату перелезть через забор и открыть ворота. Мы ворвались во двор. Первой из дома, заламывая руки, выбежала жена Канина, и заголосив: "Я так и знала, что это добром не кончится!", потеряла сознание. Один из мужчин выскочил через черный ход, бросился к сараю и пытался перелезть через забор. Я ничего не заметил, но один из моих солдат задержал-таки его. У дверей нас встретил бледный, трясущийся Канин. Поняв, что произошло что-то серьезное, я приказал связать мужчин, всех посадил под арест, а у дверей поставил часового. Арестованные не отвечали на мои вопросы, только Канина время от времени всхлипывала: "Боже, что будет с детьми! Они ни в чем не виноваты!" - падала на колени и заламывала руки. Стриженая девка нагло хохотала и пускала мне в лицо клубы дыма. Я крикнул на них:

- Мне известно, что вы совершили преступление и не хотите признаваться. Если будете и дальше в молчанку играть, мужчин пристрелю, а женщин отправлю для допроса в Улясутай.

Все это я произнес решительно и твердо - они совершенно вывели меня из себя. Неожиданно первой заговорила стриженая.

- Ладно. Все расскажу, - сказала она.

Я попросил принести ручку, бумагу и чернила, Мои солдаты должны были засвидетельствовать ее слова. Так я записал показания жены Пузикова -кровавый, чудовищный рассказ.

- Мой муж и я - большевистские комиссары, нас послали сюда выяснить, сколько белых офицеров скрывается в Монголии. Старик Бобров знал нас раньше. Мы хотели скрыться, но Канин удержал нас. Бобров несметно богат, сказал он, давно пора ограбить его и убить. Мы согласились участвовать в деле, и для этого заманили на станцию молодого Боброва - якобы поиграть в карты. Когда он собрался домой, муж выстрелил ему в затылок. Потом все мы поехали к Бобровым. Взобравшись на забор, я бросила собакам отравленное мясо, и они все передохли через несколько минут. Мы попрыгали во двор. Первой из дома вышла жена Боброва. Прятавшийся за дверью Пузиков убил ее топором, старика мы прикончили во сне. Услышав шум, из своей комнаты выбежала девочка, ее убил Канин выстрелом в голову. Затем мы забрали все ценные вещи и подожгли дом, спалив также лошадей и скот. Огонь уничтожил все следы, и если бы не ваш приезд и не глупое поведение моих товарищей, все было бы шито-крыто.

- Гнусное дело, - продолжал лейтенант, когда мы возвращались на станцию. - У меня волосы на голове встали дыбом во время невозмутимого рассказа этой молодой женщины, почти ребенка. Только тогда я полностью осознал, какое зло

принес в мир большевизм, отнявший у людей веру, страх Божий и совесть. Тогда я понял, что все честные люди должны неотступно бороться с этим самым опасным врагом человечества, бороться до конца, пока не оставят силы.

Недалеко от дороги на снегу что-то темнело.

- Что там такое? - поинтересовался я.

- Убийца Пузиков, которого я собственноручно пристрелил, - отвечал лейтенант. - Прикончил бы и Пузикову с Каниным, но пожалел его жену - еще не научился убивать женщин. Отправлю их с вами в Улясутай под охраной солдат. Впрочем, им уготован тот же конец - монголы будут судить их за убийство и, конечно, приговорят к смертной казни.

Вот что случилось на берегу Тисингола, где над болотами загораются блуждающие огоньки и где после недавнего землетрясения почва разверзлась, образовав трещину более двухсот миль длиной. Может, через эту трещину и проникли к нам из самого ада Пузиковы, Канины и подобные им, которые стремятся заразить весь мир страхом, втянуть его в преступление. Один из солдат лейтенанта Иванова, бледный как смерть, молился всю дорогу, называя убийц "слугами сатаны".

Путешествие от Тисингола в Улясутай в обществе этих негодяев не доставило нам удовольствия. Мы с другом утратили обычное присутствие духа и трезвость мысли. Канин все время напряженно о чем-то думал, в то время как бесстыжая женщина смеялась, курила и шутила с солдатами и некоторыми из наших спутников. Наконец мы переправились через Джагис-тай и уже через несколько часов смогли различить вдали сначала крепость, а затем и низенькие кирпичные постройки, теснящиеся на равнине. Это и был Улясутай.

Глава двадцать пятая.
Тревожные дни

В очередной раз нас закрутило в вихре событий. За время нашего двухнедельного отсутствия произошло много нового. Китайский комиссар Ван Сяо-цун посылал в Ургу один за другим одиннадцать своих разведчиков, но никто из них не вернулся. Положение в Монголии оставалось неясным. Русский отряд, пополнившись за счет беженцев, продолжал свое тайное существование, о чем не могли не знать китайцы с их мощной агентурной сетью. Ни один русский и, более того, ни один иностранец не покинули город - все, вооружившись, выжидали. Ночью во всех жизненно важных точках города стояли часовые - это была инициатива предусмотрительных китайцев. По приказу комиссара все китайские торговцы, у которых наличествовало оружие, раздали его своим служащим, а оставшееся вооружение передали властям, те же с его помощью создали специальный гарнизон из двухсот кули. Затем власти захватили монгольский арсенал, распределив оружие между китайскими сельскохозяйственными рабочими, живущими в наган - хушунах[29], где они подолгу, как правило, не задерживаясь, выполняют самую грязную работу. Эти отбросы общества, почувствовав свою силу, сбивались в группы и вели оживленные дискуссии, готовые в любой момент взорваться агрессией и гневом. По ночам кули доставляли из китайских магазинов в наган-хушуны ящики с патронами; поведение этого отребья становились все более вызывающим. Кули и прочие босяки бесцеремонно задерживали и обыскивали людей прямо на улицах и провоцировали столкновения, чтобы получить в результате то, на что позарились. Через своих агентов в китайских кругах мы узнали, что китайцы готовят в Улясутае русский и монгольский погромы. Мы прекрасно понимали, что стоит поджечь один-единственный дом в нужном месте, как вспыхнет целый квартал из деревянных домишек. Люди приготовились к обороне: росло число часовых, были назначены ответственные за некоторые районы города, созданы пожарные дружины, на случай внезапного бегства стояли наготове лошади и повозки, собрана провизия. Положение ухудшилось, когда из Коб-до поступили сведения об учиненном китайцами погроме - в результате некоторые жители погибли, а сам город озверевшие погромщики спалили дотла. Большинство жителей, бежав той же ночью в горы, укрылось в лесах, оказавшись там без теплой одежды и

пищи, В течение следующих дней горы вдосталь наслышались горестных воплей и предсмертных стенаний. Жестокий мороз и голод погубили всех женщин и детей, замерзших под открытым небом в лютую монгольскую зиму. Все это довольно быстро стало известно китайцам в Улясутае. Новость очень обрадовала их, и они почти сразу же собрались на митинг в одном из наган-хушунов, обсуждая, не стоит ли отдать и Улясутай на разграбление черни.

Все это рассказал нам юноша-китаец, сын кухарки, работавшей у одного из поселенцев. Мы немедленно решили разведать обстановку на окраинах города. Ко мне и моему другу присоединились один офицер и наш проводник - юноша-китаец. Изображая праздношатающихся, мы направились прямиком к наган-хушуну, но на подходе нас остановил патрульный, грубо потребовав возвращаться откуда пришли. Во время перебранки я заметил, что между границей города и наган-хушуном густо расставлены часовые и что в тот район стекается много китайцев. Выяснив, что обычным путем на митинг не попадешь, мы решили действовать иначе. Выйдя из города в восточной его части, миновали нищее стойбище монголов, вконец разоренных китайскими налогами. Несмотря на поздний час, никто из них не спал: видимо, тоже предчувствовали грядущую беду. Затем наш дозор неслышно спустился на лед и подошел к наган-хушуну со стороны реки. Покинув город, мы старались двигаться как можно незаметнее, прячась за что придется. Вооружены мы были револьверами и гранатами, а кроме того знали, что в случае схватки на помощь нам придет сформированный в городе отряд добровольцев. Впереди шел китаец, за ним неслышно следовал мой друг, постоянно напоминая юному проводнику, что задушит его как мышонка, вздумай он нас предать. Боюсь, китаец не испытывал большого удовольствия от общества моего друга-великана, громко пыхтящего позади него от напряжения. Наконец показались ограждения наган-хушуна, между ним и нашей группой лежало открытое, хорошо просматривающееся пространство. До забора нам пришлось добираться ползком, поодиночке, за исключением китайца: мой друг ни на секунду не отпускал его от себя. К счастью, на равнине было много замерзших навозных куч, они-то нас и прикрыли. Затем мы прокрались вдоль забора к внутреннему двору, откуда слышались громкие, взволнованные голоса. Затаившись в темноте, мы приготовились слушать и наблюдать, но тут заметили по соседству с собой еще двух соглядатаев.

Не одни мы присутствовали, незамеченные, на митинге китайцев. Неизвестный мужчина распластался на земле, просунув

голову в лаз, прорытый под забором собаками. Он напряженно замер и явно не слышал, как мы подошли. Рядом в канаве лежал второй "соглядатай", белая лошадь с обмотанной мордой, а несколько подальше топталась еще одна, привязанная к забору.

Во дворе тем временем стоял невообразимый гам. Около двух тысяч мужчин кричали, спорили, отчаянно при этом жестикулируя.

Почти у всех были ружья, револьверы, сабли и топоры. В толпе сновали бродяги, они раздавали листовки и вербовали сторонников. Но вот крупный, широкоплечий китаец взобрался на колодезный сруб, взмахнул ружьем над головой, успокаивая толпу, и заговорил отрывисто и страстно.

- Убеждает людей, - переводил китаец, - устроить здесь такой же погром, что и в Кобдо. По его словам, надо только заручиться поддержкой комиссара, чтобы войска не мешали. И пусть по приказу комиссара русские сдадут оружие. "Так мы отомстим русским за Благовещенск, когда они потопили три тысячи китайцев. Не расходитесь, я прямо сейчас пойду к комиссару и поговорю с ним".

Соскочив с колодца, оратор быстрым шагом направился к открывающимся в сторону города воротам. В то же мгновение я увидел, как лежащий на земле мужчина проворно выбрался из своего укрытия, заставил подняться белую лошадь, подбежал к другой, отвязал ее и повел обоих животных к дальней стороне забора. Здесь он оставил вторую лошадь, а с белой спрятался за углом. Оратор, выйдя за ворота, увидел, что лошадь его переместилась, но, ничего не подозревая, закинул ружье за спину и направился к ней. И вот тут неизвестный, галопом выехав из-за угла, на всем скаку подхватил его и перебросил через седло. Мы увидели, как всадник заткнул ошеломленному китайцу рот тряпкой и стрелой помчался на запад, удаляясь от города.

- Кто это,- как ты думаешь? - спросил я друга, и тот, не задумываясь, ответил: - Конечно, Тушегун-лама!

Облик незнакомца напомнил и мне таинственного ламу-мстителя. Да и характерное обращение с врагом наводило на эту мысль. Той же ночью мы узнали, что собравшаяся во дворе толпа так и не дождалась отправившегося к комиссару оратора: через забор перебросили только его отрубленную голову. Кроме того, на дороге из хушуна в город бесследно пропали еще восемь китайцев. Эти события навели ужас на китайских босяков и несколько охладили их пыл.

На следующий день мы получили неожиданную помощь. Из Урги прискакал молодой монгол - верхняя одежда разорвана, волосы беспорядочно разметались по плечам, за поясом

револьвер. На взмыленном коне пронесся он по городу, въехал на рынок, где обычно толклись монголы, и. осадив скакуна, прокричал:

- Монголы во главе с Чан Чан Чуном[30] бароном Унгерном захватили Ургу! Богдо-хутухта - опять наш хан! Монголы, режьте китайцев и грабьте их магазины! Конец нашему долготерпению!

По толпе пронесся одобрительный гул. Люди со всех сторон окружили всадника, засыпали его бесчисленными вопросами. Смещенный китайцами монгольский саит Чултун Бейли, прослышав про гонца, попросил привести того к нему домой. Допросив с пристрастием молодого человека, он арестовал его за подстрекательство к бунту, но китайским властям отказался выдать. Я как раз находился в это время у саита, и был всему свидетелем. Когда китайский комиссар Ван Сяо-цун попытался угрожать саиту за неповиновение, старик спокойно произнес, перебирая четки:

- Я верю каждому слову этого монгола и думаю, что вскоре нам придется пересмотреть наши отношения.

Полагаю, что и Ван Сяо-цун не сомневался в правдивости его рассказа, потому что больше не настаивал на своем. С этого времени китайских часовых на улицах как не бывало, а их место заняли патрули из русских офицеров и прочих представителей нашей иностранной колонии. Паника среди китайцев усилилась после получения письма, в котором сообщалось, что монголы и алтайские татары под предводительством татарского офицера Кайгородова преследовали бежавших из Кобдо с награбленным добром китайцев, нагнали их и полностью уничтожили у Синкянга. В том же письме говорилось, что генерал Бакич, инернированный с шеститысячной армией китайцами на Амыле, получил оружие и идет на соединение с частями атамана Анненкова, интернированного в Кульде, чтобы вместе пробиваться к барону Унгерну. Этот слух оказался ложным: ни у Бакича, ни у Анненкова таких намерений не было, тем более, что Анненкова китайцы перевезли вглубь Туркестана. Однако, новости эти произвели парализующее впечатление на китайцев.

Именно в это время в доме сочувствующего большевикам русского поселенца Бурдукова объявились три большевистских агента из Иркутска - Салтыков, Фрейман и Новак, тут же начавшие агитировать китайские власти провести разоружение русских офицеров и передать их красным. Они убедили китайскую торговую палату послать в Иркутск петицию с просьбой выслать в Улясутай полк солдат, чтобы обезопасить китайское население от враждебных акций белогвардейцев. Фрейман привез с собой большевистские листовки на

монгольском языке, а также приказ восстановить телеграфную связь с Иркутском. Бурдуков тоже получил инструкции от большевистского центра. Квартет весьма успешно проводил свою политику, и вскоре Ван Сяо-цун стал плясать под эту музыку. Вновь вернулось тревожное ожидание погрома. Русские офицеры с минуты на минуту ждали ареста. Мы с представителем одной из американских фирм отправились к комиссару на переговоры, где особенно подчеркивали незаконность его действий: Пекин не признал Советы и, следовательно, вступая в какие-либо отношения с большевиками, он действовал, вопреки воле правительства. Ван Сяо-цун и его советник Фу Сян были явно смущены, узнав, что нам известны их тайные встречи с большевистскими агентами. Комиссар заверил нас, что его гвардия не допустит погромов. О его гвардии мы не могли сказать ничего плохого, она состояла из хорошо обученных, дисциплинированных солдат, которыми командовали серьезные, образованные офицеры, но что такое восемьдесят солдат против трех тысяч кули, тысячи вооруженных торговцев и двухсот босяков? Поделившись с комиссаром своими опасениями, мы убеждали его ни в коем случае не допускать кровопролития, говоря, что русские и иностранцы, живущие в городе, намерены защищаться до последней капли крови. Ван Сяо-цун тут же приказал усилить патрулирование на улицах. Прелюбопытная была картина - покой в городе охраняли одновременно русские, иностранные и китайские патрули! Тогда мы еще не знали, что в горах несут вахту люди Тушегун-ламы еще триста человек!

Но вот положение еще раз кардинально изменилось. Монгольский саит получил известие от лам из ближайшего монастыря, что полковник Казагранди после сражения с китайскими нерегулярными войсками занял Ван-Куре и сформировал русско-монгольские кавалерийские части, мобилизовав монголов по приказу Живого Будды, а русских - барона Унгерна. Несколькими часами спустя поступило сообщение, что в большом монастыре Дзаин китайские солдаты убили русского капитана Барского, после чего войска Казагранди перешли в наступление и прогнали оттуда китайцев. При взятии Ван-Куре русские арестовали корейского коммуниста, ехавшего из Москвы с золотом и пропагандистской литературой для работы в Корее и Америке. Полковник Казагранди переправил корейца вместе с его золотом барону Унгерну. Узнав обо всем, командир русского вооруженного отряда в Улясутае арестовал большевистских агентов и предал их суду вместе с убийцами Бобровых. Канин, Пузикова и Фрейман были расстреляны. В отношении Салтыкова и Новака возникли некоторые разногласия,

более того, Салтыкову вскоре удалось бежать, а Новаку подполковник Михайлов посоветовал уйти на Запад. Командир русского отряда отдал приказ о мобилизации русского населения и открыто оккупировал Улясутай с молчаливого согласия монгольских властей. Саит Чултун Бейли созвал совет из местных монгольских князей, душой которого стал известный монгольский патриот Хун Ян-лама. Князья мигом направили китайцам требование немедленно освободить территорию, находящуюся в ведении саита Чултун Бейли. Все это стало началом бессмысленных переговоров, угроз и взаимных претензий между китайцами и монголами. Ван Сяо-цун представил свой план урегулирования вопроса, который поддержали некоторые монгольские князья, однако в решающий момент Ян-лама швырнул документ на пол, рванул из ножен кинжал и поклялся, что скорее умрет, чем подпишет это предательское соглашение. В результате китайские предложения отвергли, и обе стороны стали готовиться к решительному сражению. Князья Яссакту, Сайн-нойон и Яхансту-лама прислали отряды вооруженных монголов. Китайские власти выставили четыре пулемета, готовясь отстаивать крепость. Между китайцами и монголами велись нескончаемые переговоры. Наконец наш старый знакомый Церен обратился ко мне как к беспристрастному иностранцу, передав просьбу Ван-Сяо-цуна и Чултуна Бейли быть третейским судьей и помочь враждующим сторонам достичь соглашения. С подобной просьбой обратились и к представителю американской фирмы. Уже на следующий вечер мы встретились с китайскими и монгольскими представителями. Страсти разгорелись вовсю, и мы с американцем потеряли всякую надежду выполнить свою миссию. Однако к полуночи, когда выступавшие утомились, нам удалось прийти к согласию по двум пунктам: монголы объявили, что не хотят войны и желали бы жить в дружбе с великим китайским народом, а китайский комиссар признал, что Китай нарушает законные договоры, гарантировавшие независимость Монголии. Достигнутая договоренность послужила основанием для следующей встречи, став отправной точкой для столь необходимого примирения. Переговоры шли три дня и, в конце концов, настал такой момент, когда мы, иностранцы, получили возможность высказать свое мнение. В результате вот что было достигнуто; китайские власти обязались сложить свои полномочия, вернуть оружие монголам, разоружить две сотни головорезов и покинуть край; монголы, со своей стороны, должны были обеспечить свободное и достойное отступление комиссару и его вооруженной гвардии из восьмидесяти человек. Уля-сутайское китайско-монгольское

соглашение подписали сам комиссар Ван Сяо-цун, а также его советник Фу Сян, оба монгольских саита, Хун Ян-лама и другие князья, а также русские и китайские главы торговых палат и иностранные арбитры. Китайские чиновники и их охрана тут же начали упаковывать свои пожитки, готовясь к отъезду. Что касается китайских торговцев, то они оставались в Улясутае: саит Чултун Бейли, обладающий теперь реальной властью, гарантировал им полную неприкосновенность.

Наступил день отъезда Ван Сяо-цуна. Нагруженные верблюды уже стояли на улице, оставалось только дождаться, когда с пастбища пригонят лошадей. Но тут пронесся слух, что табун ночью угнали конокрады, вроде бы куда-то на юг. Из двух посланных вдогонку солдат назад вернулся только один - другого убили по дороге. Город недоумевал, а среди китайцев началась форменная паника. Она возросла, когда прибывшие в Улясутай из дальних восточных уртонов монголы рассказали, что видели вдоль почтовой дороги трупы шестнадцати солдат, направлявшихся с депешами от Ван Сяо-цуна в Ургу. Вскоре этим мрачным загадкам нашлось объяснение.

Командир русского отряда получил письменный приказ от казачьего полковника В.Н. Домоирова немедленно разоружить китайский гарнизон, всех офицеров - китайцев арестовать и отправить в Ургу к барону Унгерну, взять в свои руки контроль над положением в Улясутае, прибегая, если потребуется, к силе, а позднее присоединиться к его отряду. В то же самое время в Улясутай примчался гонец с письмом от Нарабанчского хутухты, где говорилось, что отряд под объединенным командованием Хун Болдона и полковника Домоирова из Урги грабит китайские торговые дома, убивает мирных торговцев, а его командиры требуют у монастыря лошадей, продовольствия и крова. Хутухта просил помощи: жестокосердый покоритель Кобдо Хун Болдон мог в любой момент с легкостью отдать приказ о разграблении уединенно расположенного, беззащитного монастыря. Мы настойчиво просили полковника Михайлова не нарушать достигнутого соглашения и не ставить в ложное положение русских и иностранцев, помогавших в его подготовке: иначе мы ничем не отличались бы от большевиков, рассматривающих предательство как политическую норму. Наши речи тронули Михайлова, и он написал Домоирову, что Улясутай и так уже находится в его руках, причем без всякого боя; над зданием бывшего русского консульства вновь развевается трехцветный флаг; чернь разоружена; что же касается остальных приказов, то он не находит возможным их выполнить: это стало бы нарушением только что подписанного русско-монгольского

договора.

От Нарабанчского хутухты поступало по несколько известий на день. Положение в монастыре становилось все более напряженным. Хутухта сообщал, что Хун Болдон записывает в свой отряд монгольское отребье - нищих и конокрадов, их вооружают и обучают. И еще: солдаты крадут монастырских овец; "нойон" Домоиров вечно пьян, и на все протесты хутухты только ухмыляется и грязно бранится. Гонцы оценивали неоднозначно силы отряда, некоторые считали, что в нем не больше тридцати солдат, другие же, ссылаясь на заявление самого Домоирова, утверждали, что будут все восемьсот. Разобраться во всем этом было чрезвычайно трудно, да и гонцы вдруг перестали приезжать. Письма саита оставались без ответа, посланные в монастырь люди не возвращались. Сомнений не было: они либо убиты, либо захвачены в плен.

Князь Чултун Бейли решил сам ехать в монастырь, взяв с собой русского и китайского глав торговой палаты и двух офицеров-монголов. Прошли три дня - известий от них не поступало. Монголы заволновались. Китайский комиссар и Хун Джан-лама обратились к нам, иностранцам, с просьбой одному из нас поехать в Нарабанчи и распутать клубок противоречий, убедив Домоирова признать договор и "не оскорблять насильем" соглашение, достигнутое двумя великими народами. Мои друзья попросили меня взять на себя эту миссию. Переводчиком со мной ехал русский поселенец, племянник убитого Боброва, симпатичный молодой человек, полный мужества, и великолепный наездник. Благодаря всесильной тцаре, мы не испытывали недостатка в лошадях и проводниках и быстро мчались по уже знакомой дороге к моему старому другу Джелибу Джамсрапу хутухте в Нарабанчи. Несмотря на местами глубокий снег, нам удавалось проделывать от ста до ста пятнадцати миль в день.

Глава двадцать шестая.
Банда белых хунхузов

На третий день, поздно вечером, мы прибыли в Нарабанчи. От монастыря в нашу сторону ехало несколько всадников, но, завидя нас, они развернулись и галопом поскакали назад в монастырь. Мы немного покрутились вокруг в поисках военного лагеря русских, но так и не нашли его. Монголы пропустили нас в монастырь, где нас тут же принял хутухта. В его юрте сидел Чултун Бейли. Хутухта преподнес мне хадак, сказав при этом: "Сами Боги послали вас сюда в эти тяжелые дни".

Оказалось, что Домоиров взял под стражу глав обеих торговых палат и угрожал расстрелять Чултуна Бейли. Домоиров и Хун Болдон не имели на этот счет никаких письменных указаний и действовали самовольно. Чултун Бейли готовился бороться с ними.

Я попросил монголов проводить меня к Домоирову. В темноте я различил четыре больших юрты и двух часовых-монголов с русскими ружьями. Мы вошли в самую просторную, "княжескую", палатку. Там я увидел, надо сказать, прелюбопытное зрелище. В центре юрты пылал огонь. На троне, стоявшем в месте, предназначенном для жертвенника, восседал седой Домоиров, долговязый и тощий. На полковнике не было ничего, кроме нижнего белья и носков, он был навеселе и рассказывал какие-то байки подчиненным. Вокруг жаровни в живописных позах расположились двенадцать молодых людей. Сопровождавший меня офицер доложил Домоирову обстановку в Улясутае, завязалась беседа, в ходе которой я спросил полковника, где находится его отряд. Он ответил со смехом, указывая на молодых людей: "Вот мой отряд". Я заметил, что по категорическому тону его приказов, поступавших в Улясутай, казалось, что его воинство много больше. Рассказал также, что подполковник Михайлов готовится скрестить шпаги с приближающимися к Улясутаю большевиками.

- Как?! - воскликнул он в смущении и страхе. - Красные близко?

Мы устроились на ночь в его юрте, и перед сном офицер прошептал нам:

- На всякий случай держите револьвер наготове, - на что я, засмеявшись, ответил:

- Но ведь мы среди белых и, значит, в полной безопасности.

- Ну глядите, - протянул офицер и для пущей убедительности

подмигнул мне.

На следующий день я пригласил Домоирова прогуляться по равнине, где можно было поговорить обо всем без свидетелей. Оказалось, что он и Хун Болдон получили приказ от барона Унгерна установить связь с генералом Бакичем - только и всего, они же стали грабить все встречные китайские фирмы. Сам Домоиров, повстречав нескольких отбившихся от полковника Казагранди офицеров и сформировав теперешнюю банду, возомнил себя великим завоевателем. Мне удалось убедить Домоирова пойти на мирное урегулирование конфликта с Чултуном Бейли, не нарушая монголо-китайского договора. Он тут же направился в монастырь. На обратном пути я повстречал высокого монгола со свирепым лицом в блузе из синего шелка - это был Хун Болдон. Он представился и обменялся со мной несколькими словами по-русски и снял верхнюю одежду. После чего, едва я вернулся в палатку Домоирова, как прибежал запыхавшийся монгол с приглашением пожаловать в юрту Хуна Болдона. Князь жил по-соседству в шикарной синей юрте.

Знакомый с монгольскими обычаями, я вскочил в седло и проехал десять шагов верхом до входа в юрту. Хун Болдон принял меня с холодной важностью.

- Кто такой? - спросил он переводчика, указывая на меня пальцем.

Было ясно, что он хочет намеренно оскорбить меня, поэтому я ответил в том же духе: выставил вперед палец и, повернувшись к переводчику, задал тот же самый вопрос еще более пренебрежительным тоном.

Посрамленный Болдон срывающимся голосом закричал, что не позволит мне вмешиваться в его дела и пристрелит каждого, кто осмелится перечить его приказу. Стукнув изо всей силы кулаком по низенькому столу, он вскочил и выхватил револьвер. Но я много путешествовал и хорошо знал кочевников будь то князья, ламы, пастухи или бандиты. Не оставаясь в долгу, я хлестнул плетью по тому же столику и сказал переводчику:

- Передай, что ему выпала честь говорить не с монголом и не с русским, а с иностранцем, подданным великой и свободной страны. Скажи ему - пусть научится сначала быть мужчиной, а потом я его приму и поговорю с ним.

Я повернулся и вышел из юрты. Через десять минут Хун Болдон с извинениями пришел в мою палатку. Я убедил его вступить в переговоры с Чултуном Бейли и не позорить своими бесчинствами монгольский народ. Все образовалось этой же ночью. Хун-Болдон распустил свой отряд и выехал в Кобдо; Домоиров же со своей бандой отправился к Яссакту-хану, чтобы

способствовать там мобилизации монголов. С согласия Чултуна Бейли он написал письмо Ван Сяо-цуну, требуя, чтобы тот разоружил свою гвардию, следуя примеру китайской армии в Урге, но письмо пришло, когда Ван, купив вместо украденных лошадей верблюдов, был уже на пути к границе. Подполковник Михайлов послал вслед отряд из пятидесяти всадников под командованием лейтенанта Стрижина, поручив тому догнать Вана и разоружить его эскорт.

Глава двадцать седьмая. Таинственное происшествие в маленьком храме

Мы с князем Чултуном Бейли готовились покинуть Набаранчи-Куре. В храме Благословения хутухта отправлял службу в честь саита; я же тем временем бродил по узким улочкам между жилищами разного ранга - гэлунов[31], гэтулов[31A], чайде и рабджампа[32], школами, где преподавали просвещенные доктора теологии /"марамба"/ и доктора медицины /"Та-лама"/; студенческими общежитиями /учащихся называли здесь "банди"/; складами; архивами и библиотеками. Когда я вернулся в юрту хутухты, он был уже там. Хутухта вновь преподнес мне большой хадак и предложил совершить прогулку в окрестностях монастыря. Он выглядел озабоченным, из чего я заключил, что ему нужно что-то обсудить со мной. Как только мы вышли из юрты, к нам присоединились сопровождающий меня офицер и освобожденный из-под стражи глава русской торговой палаты. Хутухта подвел нас к небольшому домику, прилепившемуся с тыльной стороны стены из ярко-желтого камня.

- Здесь гостили далай-лама и богдохан, а мы всегда красим жилища, где останавливались эти святые люди, в желтый цвет. Входите! Внутреннее убранство дома было великолепным. На первом этаже разместилась столовая с резными китайскими столиками из черного дерева и горками с фарфором и бронзой. Наверху были еще две комнаты. С резного деревянного потолка спальни свисал на тонкой бронзовой цепи большой китайский фонарь, украшенный цветными каменьями, стены были задрапированы желтым шелком. Здесь же стояла огромная квадратная кровать со множеством матрасов, одеял и подушек, обтянутых чистым шелком. Остов кровати был также из черного дерева, его украшала искусная резьба, особенно изысканно выглядели ножки, напоминающие поддержку у канапе; в резьбе преобладал традиционный мотив - дракон, пожирающий солнце. У стены стоял комод с резным орнаментом на религиозные сюжеты. Завершали убранство четыре легких, удобных стула и стоявший в глубине комнаты на помосте низкий трон в восточном стиле.

- Видите этот трон? - спросил меня хутухта. - Однажды зимним вечером в ворота монастыря въехали всадники, они потребовали, чтобы все гэлуны и гэгу-лы во главе с хутухтой и

канпо[33] собрались в этой комнате. Затем один из незнакомцев уселся на трон и снял башлык. И тут же все ламы пали на колени: они узнали Того, о Ком писали в священных книгах далай-лама, таши-лама и богдохан. Этот человек -властелин мира, он знает все тайны Природы. Он прочитал краткую тибетскую молитву, благословил всех собравшихся, а после предсказал то, что свершится в ближайшую половину века. Произошло это тридцать лет назад, и пока все его предсказания сбылись. Когда он молился в соседней комнате перед алтарем, вот эта дверь распахнулась сама по себе, свечи у алтаря зажглись безо всякого огня, а от священных жаровень, в которых не было углей, вдруг пошло благовоние. А потом, без всякого предупреждения, Царь Мира и его спутники исчезли. Только смятый шелк на троне говорил о его посещении, но и тот быстро разгладился на наших глазах.

Хутухта вошел в алтарь, преклонил колена, закрыл глаза руками и погрузился в молитву. Я вглядывался в спокойное, безучастное лицо позолоченного Будды, на которое мерцающие светильники бросали неясные тени, а затем перевел взгляд на трон. И тут произошло чудо, в которое трудно поверить: на троне я увидел крепкого смуглолицого мужчину; суровость плотно сжатых губ смягчал мягкий свет необычайно живых глаз. Тело его, закутанное в белое одеяние, было прозрачным, сквозь него хорошо виделись начертанные на спинке трона тибетские письмена. Я закрыл и вновь открыл глаза. На троне уже никого не было, только, казалось, мягко колыхался шелк.

- Нервы, - подумал я. - Ненормальная сверхвпечатлительность. вызванная необычной обстановкой и переутомлением.

Хутухта повернулся ко мне со словами: "Дай сюда свой хадак. Ты чувствую, очень беспокоишься за судьбу своих близких, и я хочу помолиться за них. Ты тоже должен молиться, проси Бога, чтобы он помог им и направь все помыслы души к Царю Мира, который однажды освятил это место своим посещением.

Хутухта положил хадак на плечо Будды и, простершись на коврике перед алтарем, зашептал слова молитвы. Затем поднял голову и слабым жестом позвал меня.

- Посмотри в темноту за статую Будды, он покажет тебе своих близких.

Повинуясь приказу, я стал вглядываться в темное пространство за статуей. Вскоре во тьме поползли струйки дыма, похожие на прозрачные нити. Они плыли в воздухе, постепенно уплотняясь и множась, и, наконец оформились в человеческие фигуры и предметы. Я увидел незнакомую комнату, в ней свою семью и еще несколько человек. Кого-то я знал, кого-то нет. На

жене было знакомое платье. Я мог разглядеть каждую черточку дорогого лица. Постепенно видение потускнело, расплылось, превратясь то ли в струйки дыма, то ли в прозрачные нити, а потом исчезли и они. За позолоченной статуей Будды не осталось ничего, кроме мрака. Хутухта поднялся с колен, снял с плеча Будды хадак и вернул мне его со словами:

- Удача не оставит тебя и твою семью. Божье благословение пребывает с тобой.

Мы покинули дом, освященный пребыванием в нем таинственного Царя Мира, где он молился о человечестве и предсказал судьбу народов и государств. К моему величайшему удивлению, мои спутники, оказывается, тоже лицезрели ниспосланное мне видение и подробно описали, как выглядели и как были одеты люди, возникшие из тьмы за спиной Будды.

Монгольский офицер рассказал мне, что днем раньше Чултун Бейли просил хутухту открыть, что ждет его в эти судьбоносные для страны дни, но хутухта в ответ только замахал в страхе руками и категорически отказался. Позже я спросил хутухту о причинах отказа, добавив, что, согласись он, это могло бы успокоить Чултуна Бейли - придал же мне бодрости вид моих близких. Хутухта, нахмурив брови, ответил:

-Нет! Видение только расстроило бы князя. Его судьба мрачна. Вчера я трижды молил небеса открыть мне его будущее, разводил огонь, гадал на бараньих лопатках и внутренностях, и всякий раз ответ был ужасен...

Не докончив фразу, он горестно закрыл лицо руками. Видимо, по его убеждению, судьба Чултуна Бейли была черна, как ночь.

Часом позже Нарабанчи-Куре уже скрылся от нас за горами.

Глава двадцать восьмая. Дыхание смерти

В Улясутай мы прибыли в день возвращения отряда, отправившегося разоружать охрану Ван-Сяоцуна. На своем пути отряд встретился с полковником Домоировым, и тот приказал им не только обезоружить, но и ограбить китайцев, и, к сожалению лейтенант Стрижин выполнил этот противозаконный приказ. Присвоив себе ворованные китайские шинели, сапоги и наручные часы, русские офицеры покрыли себя позором и много потеряли в общественном мнении. Серебром и золотишком они тоже не побрезговали. Ограбленные русскими, монгольская жена Ван Сяоцуна и ее брат, вернувшись с отрядом, заявили властям свой категорический протест. Что касается китайских чиновников и их охраны, то они добрались до китайской границы с превеликим трудом, натерпевшись от холода и голода Нас, иностранцев, удивили почести, с какими подполковник Михайлов встретил Стрижина; позже этому нашлось объяснение: с Михайловым поделились ворованным серебром, а его жене подарили красивое, богато украшенное седло Фу Сян. Чултун Бейли потребовал, чтобы ему передали для сдачи китайским властям все отнятое оружие, а также ворованные вещи, но Михайлов отказался. После этого мы, иностранцы, порвали все отношения с русским отрядом. Между монголами и русскими отношения тоже стали натянутыми. Некоторое время офицеры выразили свое несогласие с действиями Михайлова и Стрижина, что еще больше накалило обстановку.

Примерно в это же время, одним апрельским утром, в Улясутай въехал небольшой вооруженный отряд. Всадники остановились в доме большевика Бордукова, который передал им, по дошедшим до нас слухам, много серебра. Всадники называли себя бывшими офицерами царской гвардии. Это были полковники Полетика, Н.Н. Филиппов и три его брата. По их словам, они взяли на себя миссию объединить всех белых офицеров и солдат в Монголии и Китае и вести их в Урянхай на битву с большевиками - после того как уничтожат войско барона Унгерна и вернут Монголию Китаю. Назвали они себя представителями Центрального Союза Белого движения в России.

Живущие в Улясутае русские офицеры встретились с ними, ознакомились с их документами и допросили. В результате оказалось, что рассказы этих субъектов о своих целях - сплошное вранье. Полети-ка занимал крупный пост в военном комиссариате

большевиков, а один из братьев Филипповых помогал Каменеву в установлении контакта с Англией. Никакого Центрального Союза Белого движения не существовало, а битва в Урянхае являлась приманкой, на которую должны были клюнуть белые офицеры. С большевиком Бурдуковым группа поддерживала постоянную связь.

Офицеры не могли прийти к единому мнению, что делать с этими "представителями". Голоса разделились. Подполковник Михайлов, еще несколько офицеров, а также подоспевший со своим отрядом полковник Домоиров присоединились к группе Полетики. Впрочем, Домоиров поддерживал отношения с обеими сторонами и, не переставая интриговать, назначил в конце концов Полетику комендантом Улясутая, послав барону Унгерну подробный отчет о городских событиях. В этом документе он уделил много места моей персоне, обвинив меня в подстрекательстве и неповиновении приказам. Его офицеры неотступно следовали за мной по пятам. Советы поостеречься поступали ко мне из самых разных источников. Домойровская банда во главе со своим предводителем громко вопрошала: какое право имеет какой-то иностранец вмешиваться в монгольские дела? Как-то на собрании один из приспешников Домоирова задал мне этот вопрос в упор, в надежде спровоцировать ссору. Я невозмутимо ответил:

- А на каком основании вмешиваетесь в них вы, русские эмигранты, у которых нет прав нигде - ни здесь, ни на родине?

Офицер ничего не ответил, но пылающие злобой глаза сказали мне многое. Этот взгляд перехватил мой друг, сидевший тут же - расправив свою внушительных размеров фигуру, он подошел к офицеру и, возвышаясь над ним, нарочито потянулся как после сна и небрежно бросил: "Неплохо было бы сейчас побоксировать".

Однажды люди Домоирова чуть не захватили меня, но им помешала бдительность нашего отряда. Я поехал в крепость, надеясь договориться с монгольским саитом об отъезде из Улясутая всех иностранцев. Чултун Бейли задержал меня, и я покинул крепость часов в девять вечера. Ехал не спеша. Приблизительно в полумиле от города три человека, выскочив из канавы, бросились ко мне Я хлестнул из всей силы коня, но тут из соседнего оврага показалось еще несколько человек хотят отрезать мне путь к спасению, пронеслось у меня в голове. Неожиданно они повернули к моим врагам, и схватили их; тут-то я услышал голос одного знакомого иностранца, он окликал меня. Вернувшись, я увидел трех домоировских офицеров в окружении польских и других солдат, а во главе моих спасителей - верного

друга-агронома. Он с такой силой скручивал офицерам руки за спиной, что у тех кости хрустели. Закончив работу, он с полной серьезностью заявил, потягивая свою неизменную трубку: " Думаю, их стоит утопить".

Важность, с какой он сделал это заявление, а также нескрываемый страх домоировских офицеров меня рассмешили; я спросил, зачем они напали на меня. Опустив глаза, офицеры молчали. Молчание было достаточно красноречивым: мы и без того ясно понимали, что они собирались со мной сделать. Револьверы оттягивали их карманы.

- Ну что ж! - сказал я. - Все понятно без слов. Сейчас мы вас отпустим, но скажите своему начальнику, что в следующий раз никакой пощады не будет. А ваше оружие я сдам коменданту Улясутая.

Мой друг все с той же основательностью стал развязывать пленников, приговаривая: " А я бы скормил вас рыбам!" Затем мы вернулись в город, предоставив офицерам добираться самостоятельно.

Домоиров продолжал посылать нарочных барону Унгерну, в Ургу, требуя для себя широких полномочий и сопровождая эти просьбы доносами на Михайлова, Чултуна Бейли, Полетику, Филиппова и меня. С хитростью азиата продолжал он сохранять хорошие отношения с теми, кому готовил гибель от руки сурового воина, барона Унгерна, получавшего информацию о происходящем в Улясутае только из одного источника. Вся наша колония пребывала в состоянии крайнего возбуждения. Офицеры разделились на партии, солдаты, сбиваясь в кучки, обсуждали события дня, поругивая командиров; настроенные людьми Домоирова, они позволяли себе позубоскалить на их счет. У нас сейчас семь полковников, они перегрызлись между собой - каждый хочет быть главным. Связать бы их да всыпать хорошенько. Кто выдюжит, тому и командовать".

Это зловещая шутка хорошо показывала степень разложения в русском стане.

- Похоже на то, - заметил мой друг, - что скоро мы будем иметь удовольствие видеть у себя в Улясутае Совет Солдатских депутатов. Храни нас Господь! Что плохо - вокруг совсем нет лесов, где бы добрый христианин мог укрыться от этих проклятых Советов. Чертова Монголия - плешь плешью никуда не деться.

Перспектива Совдепии была не столь уж нереальной. Солдаты захватили арсенал, сданный по договору китайцами, и растащили оружие по казармам. Участились пьянки и драки, процветали азартные игры. Мы, иностранцы, внимательно следили за развитием событий и наконец решили оставить

Улясутай, превратившийся в средоточие низких страстей, раздоров и прямых угроз. По нашим сведениям, группа Полетики тоже собиралась днями покинуть город. Мы разделились на две группы: одна отправилась старым караванным путем через Гоби, южнее Урги, по направлению к Куку-Хото или Квейхуаченгу и Калгану; наша же группа, состоящая, помимо меня, из моего друга и двух польских солдат, двинулась к Урге с заходом в Зайн Шаби, где назначил мне встречу в своем последнем письме, полковник Казаг-ранди. Так мы оставили позади Улясутай, где пережили столько волнующих дней.

На шестой день после нашего отъезда, в Улясутай прибыло монголо-бурятское соединение под командованием бурята Вандалова и русского капитана Безродного. Впоследствии я познакомился с ними в Зайн Шаби. Их послал из Урги барон Унгерн для наведения в городе порядка, приказав затем двигаться в сторону Кобдо. На пути из Зайн Шаби Безродный наткнулся на отряд Полетики и Михайлова. Их обыскали и нашли подозрительные документы, а у Михайлова и его жены еще и серебро и прочие вещи, отнятые у китайцев. Безродный отправил Н.Н. Филиппова к барону Унгерну, трех человек из отряда отпустил на свободу, а остальных приказал расстрелять. Так в районе Зайн Шаби прекратила существование группа Полетики, а часть улясутайских эмигрантов простилась с жизнью. Добравшись до Улясутая, Безродный тут же поставил к стенке Чултуна Бейли, наказав его таким образом за нарушение договора с китайцами, затем то же самое проделал с несколькими русскими беженцами, сотрудничавшими с большевиками, Домоирова арестовал и выслал в Ургу, словом... навел порядок. Так исполнились мрачные предсказания относительно судьбы Чултуна Бейли.

Зная о доносах на меня, посылаемых Домоировым барону Унгерну, я, тем не менее, решил направиться в Ургу, не уклоняясь в сторону подобно Полетике, который был все же захвачен Безродным. Привыкнув смотреть опасности в лицо, я поехал на встречу с ужасным "кровавым бароном". Судьбу не обманешь. Ничего плохого я не сделал, а страх после всего пережитого перестал ощущать. В дороге нас нагнал всадник-монгол, рассказавший о гибели наших улясутайских знакомцев. Он переночевал с нами в уртоне, поведав древнюю легенду:

- Это было давно, когда Китаем еще правили монголы. Князь Улясутая Белтис Ван сошел с ума. Он казнил кого хотел без суда и следствия, и никто не смел проезжать через его город. Тогда прочие князь-я и богатые монголы осадили Улясутай, где безнаказанно лютовал Белтис, оборвав все связи города с внешним миром. В Улясутае начался голод. Люди съели всех

коров, овец и лошадей, и тогда Белтис Ван с вооруженным отрядом решил прорваться сквозь вражьи ряды и бежать на запад, в земли подвластного ему племени олетов. Все они погибли. Князья по совету хутухты Байанти похоронили мертвых на склонах гор, окружавших Улясутай. Во время погребального обряда произносились магические заклинания, дабы насильственная смерть не посещала более эти места. На могилы водрузили тяжелые камни, а хутухта объявил, что демон Насильственной смерти объявится снова, когда эти камни обагрит человеческая кровь. Легенда жила долго. И вот предсказанное свершилось. На этом месте русские убили трех большевиков, а китайцы - двух монголов. Злой дух Белтис Вана вырвался из-под тяжелого камня и пошел косить народ. Погиб благородный Чултун Бейли, расстрелян русский нойон Михайлов - смерть вылетела из Улясутая на волю и теперь гуляет по безграничным равнинам. Кто остановит ее? Кто свяжет руки убийцам? Плохие времена наступили для Богов и добрых духов: злые демоны ополчились против них. А что остается человеку? Только умирать ...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.
ГУЛКОЕ СЕРДЦЕ АЗИИ

Глава двадцать девятая. Дорогой великих завоевателей

Согласно давней монгольской легенде, великий завоеватель Чингисхан, сын сумрачной, суровой Монголии, взобравшись на вершину Карасу Тогола, бросил свой орлиный взор попеременно на запад и на восток. На западе он увидел реки человеческой крови, алый туман застилал горизонт. Воин не мог разглядеть там своей судьбы, но Боги все же приказали ему идти на запад вместе с его воинством. На востоке он увидел богатые города, сверкающие храмы, веселых людей, сады и тучные пастбища - это зрелище несказанно обрадовало великого монгола. Своим сыновьям он сказал: "Карающим судьей, бичом Божим, являюсь я на Западе. На востоке же стану милостивым и щедрым государем, неутомимым строителем, облагодетельствую земли и народы".

Так гласит легенда. И в ней достаточно правды. Я проехал по следам завоевателя довольно далеко на запад, нигде не сбиваясь с пути: дорогу эту нельзя спутать, вдоль нее постоянно попадаются старинные надгробья и вызывающе нескромные памятники из камня в честь не знающего пощады воина. Проехал я и часть восточного пути завоевателя, которым тот двигался в Китай. По дороге из Улясутая мы как-то заночевали в Жаргаланте. Старый хозяин уртона, помнивший меня еще по предыдущей поездке в Нарабанчи, тепло приветствовал нас и за ужином развлекал любопытными историями. Выведя нас из юрты, он указал на ярко освещенную луной вершину горы, поведав, как сын Чингисхана, впоследствии император Китая, Индокитая и Монголии, покоренный красотой этих мест и прекрасными пастбищами, решил основать здесь город. Но новоиспеченные жители города вскоре разбежались - кочевники не могут сидеть на одном месте. Дом их - степь; город - весь мир. Недолго Жаргалант был свидетелем схваток между китайцами и войсками Чингисхана: город постепенно пришел в упадок. Теперь от прежних времен в нем сохранились лишь руины башни, с которой в ту давнюю пору сбрасывали на голову врагу тяжелые камни, да полуразрушенные "врата Хубилая" - внука Чингисхана. На небе, залитом призрачным зеленоватым светом луны, четко вырисовывались изломанная линия гор и темный силуэт башни; сквозь бойницы виднелись стремительно несущиеся тучи, а в промежутках - световые вспышки.

Мы неспешно продвигались вперед, делая от тридцати пяти до пятидесяти миль в день; в шестидесяти милях от Зайн-Шаби я

оставил своих спутников и повернул на юг, к монастырю, где у меня была назначена встреча с полковником Казагранди. С восходом солнца мы с проводником-монголом, не взяв с собой лишних лошадей с поклажей, начали восхождение на невысокий, поросший лесом горный кряж, с вершины которого я бросил последний взгляд на наш отряд, удаляющийся по долине. Разве мог предугадать я тогда, сколько бед и опасностей придется мне пережить за время нашей разлуки, оказавшейся намного продолжительнее, чем я рассчитывал. Когда мы переправлялись через речушку с песчаными берегами, проводник сказал, что монголы летом наведываются сюда за золотишком, несмотря на строгий запрет лам. И хотя добыча идет самым примитивным способом, дело это прибыльное - золота здесь много. Старатель ложится плашмя на землю, осторожно разметает пером песок, тихонько дуя в образовавшуюся ямку. По мере необходимости он смачивает палец, чтобы подцепить крупинку золота или миниатюрный самородок, и бросает их в мешочек на груди. Таким образом за день ему удается насобирать около четверти унции драгоценного металла, что соответствует пяти долларам.

Надеясь добраться до Зайн-Шаби в течении суток, я как мог торопил улатченов. В двадцати пяти милях от монастыря мне дали крупного белого жеребца, совершенно дикого. Стоило мне попытаться сесть в седло, как он взвился на дыбы и со всей силой лягнул меня, больно ударив по раненной в схватке при Ма-Чу ноге. Старая рана вновь заныла, а нога стала опухать. На закате вдали показались первые русские и китайские постройки, а затем и Зайнский монастырь. Мы ехали по берегу горной речушки, мимо пика, на котором белели составленные из камней слова тибетской молитвы. Внизу, у основания горы, раскинулось кладбище лам - груды костей, среди них бродила свора диких собак. Монастырская территория находилась еще ниже, мы хорошо видели ее сверху -четырехугольный двор, огороженный деревянным забором. В центре возвышался большой храм, значительно отличавшийся от культовых сооружений Западной Монголии, его архитектура была скорее тибетского, чем китайского стиля - белоснежное здание с перпендикулярными стенами, ровными рядами окон в черных рамах, крышей из черной черепицы и совершенно необычной гидроизоляцией, отделяющей каменные стены от бревенчатой крыши, - это были скрепленные между собой прутья одного тибетского дерева, древесина которого никогда не гниет. К востоку еще одним квадратом темнели русские жилища, связанные с монастырем телефоном.

- Вон там живет сам Живой Будда Зайна, - показал монгол в

сторону маленького домика. - Ему нравится русский быт и обычаи.

К северу на конусообразном холме стояла башня, напоминающая вавилонский зиккурат[34]. Там хранились старинные книги и рукописи, поломанная церковная утварь и прочие принадлежности, используемые в богослужении, а также одеяния скончавшихся хутухт. За этим своеобразным музеем вздымался отвесный утес, взобраться на который представлялось немыслимым. На нем однако были высечены в беспорядке изображения ламаистских Богов высотой от одного до двух с половиной метров. По ночам монахи освещали их лампами, и лики Богов были видны издалека. Мы въехали в поселок торговцев. Улицы были пустынны, из окон выглядывали только женщины и дети. Я постучался в двери русской фирмы, которую хорошо знал по отделениям, разбросанным по всей стране. К моему удивлению, ее сотрудники слышали обо мне. Нарабанчский хутухта, оказывается, послал гонцов во все монастыри с просьбой, если я появлюсь, оказывать мне всяческое содействие - ведь этот человек, писал он, спас его обитель от пагубы и по многим божественным приметам несет в себе качества Будды, ему благоволят Боги. Это письмо добрейшего хутухты чрезвычайно помогло мне, более того, уберегло от верной гибели. Гостеприимство моих хозяев пришлось как нельзя более кстати: больная нога распухла и отчаянно ныла. Стянув сапог, я увидел, что она вся залита кровью - открылась старая рана. Позвали лекаря, он полечил и забинтовал ногу, и уже через три дня я смог вновь ходить.

Полковника Казагранди в Зайн-Шаби я уже не застал. Перестреляв китайскую чернь, убившую местного коменданта, он вернулся в Ван-Куре. Новый комендант вручил мне письмо, в котором полковник приглашал меня к себе после отдыха в Зайне. В письмо был вложена особая монгольская грамота, которая дает право требовать лошадей и повозки в любом встречном стаде и называется "ургa", о ней я расскажу дальше подробнее она открыла неизвестные мне ранее стороны жизни в этих краях. Двести миль - не шутка, но, по-видимому, у Казагранди, которого я никогда раньше не видел, были серьезные причины желать встречи со мной.

В час дня после приезда меня навестил местный "Живой Бог", пандита[35]-хутухта. Странный облик имело это земное божество. На сей раз Бог воплотился в худощавого невысокого юношу лет двадцати - двадцати двух с быстрыми, нервными движениями; главным в его облике, как и в изображениях монгольских богов, были глаза - большие и какие-то всполошенные они царили на

его выразительном лице. На нем был китель русского офицера с золотыми эполетами и священным знаком пандиты-хутухты, синие шелковые брюки и высокие сапоги, на голове - шапка из светлого каракуля с желтым заостренным верхом. У пояса - сабля и револьвер. Такая экипировка божества привела меня в замешательство. Он принял из рук хозяина чашку чая и начал говорить, мешая русские и монгольские слова:

- Неподалеку от здешней курии стоит древний монастырь Эрдени-Дзу, воздвигнутый на развалинах древней монгольской столицы Чингисхана Каракорум. Сюда часто наведывался и хан Хубилай, отдыхая от своих императорских трудов по управлению Китаем, Индией, Персией, Афганистаном, Монголией и половиной Европы. А теперь только развалины и гробницы говорят о том, что здесь раньше цвел "Сад Блаженства". Благочестивые монахи из Барун-Куре нашли в подземелье рукописи древнее самого Эрдени-Дзу. В них мой приближенный, марамба Митчек-Атак наткнулся на предсказание, что одному из хутухт Зайна в чине "пандита" будет только двадцать один год; у него, рожденного в самом сердце земель Чингисхана, на груди будет родимое пятно в виде свастики. Этот хутухта, весьма почитаемый своим народом в дни великой войны и потрясений, поведет борьбу с прислужниками Красного дьявола, победит их, наведет на земле порядок и отпразднует счастливый день победы в городе с белокаменными церквями под звон десяти тысяч колоколов. В рукописях говорится обо мне, пандите-хутухте! Сходятся все символы и приметы. Я уничтожу большевиков - "прислужников Красного Дьявола" и после трудной и священной борьбы отдохну в Москве. Поэтому я попросил полковника Казагранди зачислить меня в войско барона Унгерна, дав мне тем самым шанс сразиться с врагом. Ламы изо всех сил пытаются меня удержать, но я как никак Живой Бог!

Он упрямо топнул ногой, присутствующие при этом ламы и стража почтительно склонили головы.

Перед тем, как уйти. хутухта подарил мне хадак; я же, порывшись в приседельных вьюках, не нашел ничего лучше, как подарить хутухте небольшую бутылочку осмирида - редкого природного элемента, сопутствующего платине.

- Один из самых устойчивых и твердых веществ, - сказал я. - Пусть он символизирует твою славу и мощь, хутухта!

Пандита поблагодарил меня и пригласил в гости. Немного окрепнув, я навестил хутухту в его по-европейски оборудованном доме - с электричеством, кнопками для вызова прислуги и телефоном. Он угощал меня вином и сладостями и познакомил с двумя интересными людьми. Лицо одного из них - старого

тибетского врача - было глубоко изрыто оспинами, косые глаза и необычайно крупный нос еще больше подчеркивали его безобразие. Это был особый врач, его приобщили к врачебным таинствам в Тибете. В его обязанность входило следить за здоровьем хутухт - лечить когда те болели или отравлять, если они становились слишком независимыми и непредсказуемыми, а также если их действия противоречили воле Совета лам или Живому Будде - далай-ламе. Думаю, что сейчас пандита-хутухта уже спит вечным сном где-нибудь на вершине священной горы, обязанный этим вынужденным уединением врачебному искусству своего необычного врача. Воинственный дух молодого хутухты шокировал Совет лам, их никак не устраивали авантюрные замашки Живого Будды.

Пандита увлекался вином и картами. Однажды, когда он в своем европейском платье проводил время в компании русских, вбежали ламы с криками, что началось богослужение и Живому Богу полагается не резаться в карты, а быть на своем месте в алтаре, дабы было кому возносить молитвы. Нимало не смутившись, пандита набросил на европейскую одежду алое одеяние хутухты, натянул длинные серые штаны и милостиво разрешил обескураженным ламам отнести себя в храм.

Кроме врача-отравителя, я познакомился у хутухты с тринадцатилетним мальчиком и , учитывая его молодость, алую одежду и короткий ежик, решил, что он - баньди, другими словами, слуга-ученик в доме хутухты, но я ошибался. Мальчик был первым хубилганом, то есть преемником пандита-хутухты, и, значит, тоже "воплощенным Буддой"; он славился точностью своих предсказаний. Заядлый картежник и пьяница, он постоянно отпускал шуточки, над которыми сам же первый и смеялся, приводя в раздражение лам.

В тот же вечер я познакомился со вторым хубилганом, который сам зашел ко мне. Это он являлся настоящим хозяином Зайн-Шаби - независимого доминиона, подчиняющегося непосредственно Живому Будде в Урге. Серьезный, просвещенный тридцатидвухлетний человек, аскет и умница, он великолепно разбирался в монгольской культуре, вере и обычаях, знал русский язык и много читал на нем, да и вообще история и быт других народов вызывали в нем большой интерес. Преисполненный глубокого уважения к творческому гению американского народа, он сказал мне:

- Когда будете в Америке, передайте американцам нашу просьбу приехать и помочь нам выбраться из темноты. Только американцы могут помочь - русские и китайцы ведут нас к гибели.

Я рад выполнить просьбу влиятельного хубилана и с этих страниц передаю его слова американцам. Помогите этому честному, душевно чистому, но темному, обманутому и угнетенному народу. Да не погибнет эта нация, несущая в себе великий запас нравственных сил! Просветите ее, пусть она проникнется идеалами человечества; научите пользоваться богатствами ее земли, и тогда древний народ Чингисхана станет вашим надежным и верным другом.

Когда я основательно подлечился, хутухта пригласил меня поехать с ним в Эрдени-Дзу, на что я охотно согласился. На следующее утро у дверей моего дома стоял легкий и удобный экипаж. Путешествие наше продолжалось пять дней: за это время мы посетили Эрдени-Дзу, Каракорум, Хото-Зайдам и Хара-Балгасун, руины монастырей и городов, построенных при Чингисхане и его потомках - Угедей-хане и Хубилае в XIII веке. Что сохранилось от былого великолепия? Развалины стен и башен, несколько высоких надгробий, а также множество легенд и преданий.

- Взгляните на те гробницы, - говорил хутухта. -Вон в той похоронен сын хана Уюка. Подкупленный китайцами молодой человек собирался убить своего отца, но ему помешала родная сестра, денно и нощно охранявшая одряхлевшего государя. Она уничтожила брата собственными руками. А вот в этой гробнице покоится Цинилла, любимая жена хана Мангу. Приехав из столицы Китая в Хара-Балгасун, она влюбилась там без памяти в храброго пастуха Дамчарена, обгонявшего на своем коне ветер и голыми руками останавливавшего диких яков и лошадей. Разгневанный хан приказал задушить неверную жену, а после похоронил ее с императорскими почестями и часто оплакивал на ее могиле свою поруганную любовь.

- А что случилось с Дамчареном? - поинтересовался я.

Этого хутухта не знал, но его старый слуга, неистощимый кладезь легенд, ответил:

- Какое-то время он, став предводителем диких чахаров, сражался с Китаем. О его дальнейшей судьбе и смерти ничего не известно.

В определенное время дня монахи проводят среди руин богослужение, они также ищут в развалинах священные книги и предметы культа. Совсем недавно им посчастливилось отыскать два китайских ружья, два золотых кольца и большую связку книг, стянутую кожаными ремнями.

Почему именно эти места обладали особой притягательностью для могущественных императоров и ханов, власть которых распространялась от Тихого океана до

Адриатики? - спрашивал я себя. Чем таким особенным могли привлечь их поросшие лиственницей и березой горы и долины, пустынные земли, мелеющие озера и голые скалы? Наконец мне показалось, что я нашел ответ.

Окруженные поистине божественными почестями, беспрекословным повиновением, но и одновременно ненавистью, великие императоры, помня о видении, посланном на этом месте Чингисхану, надеялись сподобиться здесь новых откровений и пророчеств в отношении ожидающей их чудесной судьбы. Где еще могли вступить они в контакт с Богами, добрыми и злыми духами? Только здесь, где были их истоки. В районе Зайна с его древними руинами.

- Вот на эту гору могут подняться только прямые потомки Чингисхана, - объяснил мне пандита. -Обыкновенный человек на полпути начинает задыхаться и, если ступит дальше, умрет. Недавно монгольские охотники выследили здесь волчью стаю и, погнавшись за ней, забрались в опасную зону. Ни один не вернулся назад. На склонах горы гниют кости горных коз, орлов и быстрых, как ветер, мускусных антилоп. Здесь живет злой дух, владеющий книгой Человеческих судеб.

"Вот и ответ" - думал я.

На западных отрогах Кавказских гор, где-то между Сухуми и Туапсе, есть гора, где тоже гибнут волки, орлы и горные козы; не щадит она и людей, если только они не едут верхом. Дело в том, что земля там изрыгает из своих недр углекислоту, убивающую все живое. Гибельный газ стелется по поверхности, поднимаясь до полуметра над землей. Сидя на спине у лошади, всадник видит, как животное, задрав голову, фыркает и в страхе ржет, пока не минует опасное место. На монгольской горе, где демон зла пристрастно листает книгу людских судеб, имеет место тот же феномен, и мне понятен священный ужас монголов, как и непреодолимое влечение к этому месту, высоких гигантов - потомков Чингисхана. Благодаря своему росту, они без риска для жизни добирались до вершины таинственной и коварной горы. С геологической точки зрения феномен объясняется легко: сюда подходит южная оконечность залежей каменного угля - источник угольной кислоты и болотного газа.

Недалеко от развалин, во владениях Хуна Допчина Джамтсо есть небольшое озерцо, вспыхивающее иногда алым пламенем, что очень пугает монголов и приводит в панику табуны лошадей. Таинственное озеро, конечно же, обросло легендами. Когда-то здесь упал метеорит зарывшись глубоко в землю. Потом в яме, образовалось озеро. Теперь-де обитатели подземного мира - полулюди, полудемоны - стараются извлечь "посланца неба" из

глубин, но, достигнув воды, он воспламеняет ее, а потом, несмотря на все усилия подземных жителей, вновь падает на дно.

Сам я не был на озере, но, по мнению одного русского поселенца, там скорее всего, загорается нефть -или от пастушьих костров или от палящих лучей солнца.

Все эти явления объясняют особое очарованье здешних мест для монгольских владык. На меня лично произвел сильное впечатление Каракорум - город, где жил жестокий и умный Чингисхан, вынашивая гигантские планы покорения огнем и мечом запада, дабы принести востоку неслыханную прежде славу. Чингисхан воздвиг два Каракорума - один здесь, около Татса-Гола на древнем караванном пути, а другой - на Памире; там-то осиротевшие воины и похоронили величайшего из земных завоевателей - в мавзолее, воздвигнутом пятью сотнями рабов, сразу же по окончании работ принесенных в жертву духу покойного.

Воинственный пандита-хутухта помолился на древних руинах; здесь повсюду мерещились тени былых героев, владевших половиной мира, душа его жаждала безмерных подвигов и славы Чингисхана и Тамерлана.

На обратном пути мы получили приглашение отдохнуть у богатого монгола, жившего неподалеку от Зайна. Он, как было нам сказано, уже приготовил для нас несколько юрт, соответствующих высокому положению гостя - стены задрапированы шелковыми тканями, пол устлан коврами. Хутухта принял приглашение. Мы удобно устроились в мягких подушках, хутухта благословил хозяина, коснувшись рукой его головы, и получил хадак. По взмаху хозяйской руки в юрту внесли огромный чан с целиком сваренным бараном. Отрезав заднюю ногу, хутухта передал ее мне, а вторую оставил себе. Затем протянул большой кусок мяса младшему сыну монгола - знак того, что пандита-хутухта приглашает всех присоединиться к трапезе. Баран был разорван присутствующими в один миг. После того, как хутухта бросил на пол рядом с жаровней дочиста обглоданные кости, хозяин на коленях извлек из огня кусок бараньей шкуры и церемонно, на вытянутых руках, предподнес ее высокому гостю. Счистив ножом шерсть и золу, пандита нарезал кожу тонкими полосками и стал с аппетитом поедать это действительно вкусное блюдо. Кожа для деликатеса берется с грудины и называется по-монгольски "тарач". Из шкуры освежеванного барана вырезается именно этот кусок, кладется на тлеющие угольки и медленно доводится до готовности. Испеченный таким способом, он по праву считается лакомым кусочком на пиру и предлагается самому почетному гостю.

Согласно традиции, делить его между гостями нельзя.

После обеда наш хозяин предложил поохотиться на снежных баранов: большое стадо животных паслось в горах примерно в миле от его жилища. Привели лошадей в богатой упряжи. Сбруя коня хутухты была, в знак особого уважения к нему, украшена красными и желтыми лентами. Полста монголов скакали за нами. У подножья горы мы спешились, монголы развели нас в разные стороны шагов на триста и поставили за скалы, сами же начали кружить вокруг горы. Часа через полтора между скал что-то мелькнуло, и вот показался крупный снежный баран, стремительно перелетающий со скалы на скалу по направлению к вершине. За ним в том же бешеном темпе, едва касаясь копытами земли, неслось стадо голов приблизительно в двадцать. Вначале я вознегодовал, подумав, было, что монголы не оцепили животных, а просто погнали их. К счастью, я ошибся. Внезапно на пути стада вырос монгол и замахал руками. Не испугался только - вожак - он пулей пронесся мимо невооруженного человека, остальные бараны резко развернулись и помчались прямо на меня. Я открыл огонь и уложил двоих. Хутухта также пристрелил одного барана и неожиданно выскочившую из-за скалы мускусную антилопу. Самые большие рога, от молодого животного, весили около трицати фунтов.

Я чувствовал себя уже вполне прилично, и потому на следующий день после возвращения в Зайн-Шаби решил выехать в Ван-Куре. На прощанье я получил от хутухты большой хадак и выслушал теплые слова признательности за подарок, преподнесенный ему в первый день нашего знакомства.

- Великолепное лекарство! - восклицал он. - После поездки я был весь измочаленный, но стоило принять ваше лекарство - и я воскрес. От всей души благодарю!

Бедняга проглотил осмирид! Большого вреда он принести не мог, а вот то, что помог, было чудом. Возможно, западные врачи заходят испробовать это новое, безвредное и незамысловатое средство - правда, на всей земле его фунтов восемь, не больше; единственное, что я прошу, - признать за мной приоритет на лечение им в Монголии, Бархе, Синкянге, Кукуноре и других местах Центральной Азии.

Проводником со мной вызвался ехать один русский поселенец из старожилов. Мне предоставили легкий и удобный экипаж, который прицеплялся к передвигавшей его живой силе весьма оригинальным способом. Оглобли крепились к четырехметровому шесту, концы которого два всадника клали к себе на седла и, пустившись вскачь, тянули собой коляску. Сзади ехало еще четверо всадников с четырьмя запасными лошадьми.

Глава тридцатая. Арестован!

На расстоянии двенадцати миль от Зайна мы увидели с гребня горы всадников, пересекавших долину гуськом; через полчаса мы поравнялись с ними на берегу глубокого илистого ручья. Отряд состоял из вооруженных русскими ружьями монголов, бурят и тибетцев. Двое мужчин ехали впереди. Один из них в нахлобученной на голову огромной каракулевой папахе и черной кавказской бурке с живописно откинутым красным башлыком преградил нам дорогу и заговорил со мной грубым, хриплым голосом:

- Кто вы такие? Откуда и куда направляетесь?

Я кратко ответил на его вопрос. Они же, по их словам, принадлежали к войску барона Унгерна, а непосредственно отрядом командовал капитан Вандалов.

- А я капитан Безродный, военный советник, - и мужчина неожиданно разразился громовым хохотом. Наглое, глупое лицо его вызывало во мне глубокое отвращение и, раскланявшись с другими офицерами, я приказал своим сопровождающим трогаться.

- Нет, нет, - запротестовал Безродный, вновь преграждая дорогу. - Я запрещаю вам ехать дальше. Поворачивайте назад, у нас будет с вами серьезный разговор в Зайне.

Я пытался протестовать, показывал письмо полковника Казагранди, но никакого результата это не возымело: на все мои аргументы Безродный только холодно ответил:

- Что там написал полковник Казагранди - его дело, мое же - вернуть вас в Зайн и допросить. Сдайте оружие. - Послушайте, - сказал я. - Ответьте мне откровенно. Вы действительно воюете с большевиками? А может, вы красные?

- Поверьте, нет, - вмешался, приблизившись, бурят Вандалов. - Мы сражаемся с большевиками уже три года.

- Тогда я не могу сдать вам оружие, - спокойно произнес я. - Я прошел с ним Советскую Сибирь, оно не раз выручало меня в схватках с врагом, и вот теперь меня обезоруживают белые офицеры! Это оскорбление, и я не смирюсь с ним.

С этими словами я швырнул в поток маузер и ружье. Офицеры были в замешательстве. Безродный побагровел от гнева.

- Я только избавил себя и вас от унижения, - объяснил я свой поступок.

Не говоря ни слова, Безродный повернул коня и поехал

вперед, за ним двинулись все триста всадников; задержались только двое, они приказали монголам развернуть коляску и после все время ехали сзади. Итак, я арестован! Один из присоединившихся к нам офицеров был русским, он поведал мне, что Безродный везет с собой кипу смертных приговоров. Я не сомневался, что один из них мой.

Глупо! Боже, как глупо! Стоило прорываться с боем сквозь красные части, замерзать в снегу, голодать, чуть не погибнуть в Тибете - и все только для того, чтобы тебя прикончила пуля монгола из отряда Безродного? Ради такого удовольствия можно было не забираться столь далеко. Любая сибирская ЧК с радостью оказала бы мне такую услугу.

В Зайн-Шаби мой багаж подвергся тщательному досмотру, а затем Безродный потребовал от меня подробной информации о событиях в Улясутае. Наша беседа с ним длилась три часа, и все это время я старался защитить офицеров, о которых Домоиров посылал в Ургу не всегда верные рапорта. Наконец капитан встал, принес свои извинения за мою задержку, а затем подарил мне отличный маузер с серебряным покрытием на рукоятке, сказав при этом:

- Восхищен достоинством, с которым вы держались. Примите этот маузер на память о нашей встрече.

На следующее утро я вновь выехал из Зайн-Шаби; на этот раз в кармане у меня был пропуск от Безродного на случай встречи с его разъездом.

Глава тридцать первая. Путешествие с правом "урги"

Еще раз повидали мы знакомые места - гору, с которой впервые заметили отряд Безродного, ручей, куда я бросил оружие, - но вскоре они оказались далеко позади .В первом же уртоне нас ждало разочарование: лошадей не было. В юрте находился сам хозяин и двое его сыновей. Когда я показал ему свои документы, он воскликнул:

- У нойона есть право "урги"! Ну тогда лошади будут скоро.

Он прыгнул в седло, дав моим спутникам-монголам по жерди, каждая четырех-пяти метров в длину, с петлей на конце, и мы двинулись вперед. Свернув с дороги, мы около часа ехали по равнине, пока не встретили большой табун. Монгол с помощью жерди с петлей (она-то и называлась ургой) начал отлавливать для нас лошадей, но тут со стороны гор показались галопом скачущие к нам хозяева стада. Старик-монгол показал им мои документы - они покорно согласились отдать коней и предоставить мне в проводники четырех своих людей, вместо тех, кто сопровождал раньше. Именно так путешествуют монголы по стране - не от станции к станции, а от стада к стаду, где быстро отлавливают и седлают свежих лошадей, а уставших животных возвращают в родной табун. Монголы с большим уважением относятся к "праву урги": мгновенно седлают лошадей и мчатся до соседнего - в нужном вам направлении - стада как одержимые, а там уже вами начинают заниматься новые люди. Путешествующий "по урге" может брать лошадей и в отсутствие хозяев, но тогда ему приходится просить сопровождающих продолжить с ним путешествие до следующего стада, оставив своих животных временно у здешнего владельца. Впрочем, стараются обходиться без этого: монголы не любят оставлять лошадей в чужом стаде - их потом трудно отыскать и легко спутать.

Считается, что чужестранцы стали называть монгольскую столицу Ургой именно из-за этого обычая. Сами же монголы величают ее Та-Куре (Великий Монастырь). Буряты и русские, первыми завязавшие торговые отношения с местным населением, стали именовать ее Ургой, потому, что именно здесь пересекались караванные пути, именно сюда съезжались купцы, путешествующие по безграничной равнине этим древним способом. Есть и другое объяснение. Урга лежит между двумя горными кряжами в расщелине, напоминающей по форме петлю,

а вдоль одного хребта течет река, так что вся конфигурация похожа на традиционную "ургу".

"Урга" - бесценный билет, с которым я без всяких хлопот преодолел двести миль заповедного края Монголии, получив прекрасную возможность увидеть собственными глазами фауну этой части страны. Огромные стада монгольских антилоп, от пяти до шести тысяч голов, снежные бараны, кабарга, вапити проносились мимо меня. Иногда вдали словно призраки, мелькали небольшие табуны диких лошадей и ослов.

В одном месте я повстречал большую колонию сурков. Площадь в несколько квадратных миль была сплошь усеяна насыпанными ими холмиками, откуда в их подземные жилища вели глубокие норы. Желтовато-серые и коричневые зверьки (самые крупные -вполовину мельче средней собаки)сновали туда-сюда. Передвигались они тяжело, отвисшие шкурки на жирных тельцах, казалось, были им не по размеру. Сурки - превосходные фортификаторы и роют удобные и глубокие подземные проходы, выбрасывая на поверхность острые камни. Во многих холмиках я разглядел медную руду, севернее стали попадаться минералы, содержащие вольфрам и ванадий. Устроившись у входа в нору, сурок сидит навытяжку на задних лапках и издали его можно принять за столбик, пенек или камень. Завидев всадника, он с любопытством следит за ним, издавая при этом пронзительный свист. Охотники пользуются любопытством зверька и крадутся к их норам, выставив вперед длинную палку с тряпкой на конце и помахивая ею. Внимание сурка приковано к флажку и только сраженный пулей он понимает, что несло с собой появление странного предмета около его норки.

Неподалеку от реки Орхон я пережил волнующий эпизод. Там были тысячи сусличьих нор, возчики-монголы старались как можно осторожнее провести через опасное место лошадей, чтобы они не угодили в ямы и не повредили себе ноги. Высоко в небе над нами кружил орел. Неожиданно он камнем бросился вниз и, усевшись на вершине одного холмика, застыл как изваяние. Спустя некоторое время высунул голову суслик и тут же заторопился к соседней норке. Орел невозмутимо соскочил вниз, закрыв крылом вход в жилище зверька. Суслик обернулся на шум и, увидев хищника, смело бросился в атаку, стараясь прорваться в нору, где у него наверняка осталось потомство. Началась схватка. Орлу приходилось отбиваться одним свободным крылом, но от норы он не отступал и твердо держал оборону. Грызун смело нападал на хищную птицу, пока не свалился от прицельного удара клювом по голове. Только тогда орел убрал крыло от норы, неторопливо прикончил суслика и с добычей в когтях тяжело

полетел в сторону гор, чтобы там всласть попировать.

В местах, почти совсем лишенных растительности, где лишь изредка встречаются пучки травы, живет еще один вид грызунов размером с белку, их называют имуранами. Зверьков трудно заметить - они почти сливаются с почвой и снуют по земле, словно змейки. Питаются они семенами, которые щедро разносит по степи ветер, а излишек запасают впрок в своих миниатюрных норках. У имурана есть преданный друг - желтый жаворонок с коричневой головкой и спиной. Завидев бегущего по степи имурана, птица с лету садиться ему на спину и, раскинув для равновесия крылья, мчится дальше на быстром зверьке, весело помахивающем длинным пушистым хвостом. Во время скачки жаворонок с увлечением, о чем говорит его ликующая песня, и весьма успешно ловит паразитов на теле друга. Монголы величают имурана "скакуном жаворонка-весельчака". С приближением орла или ястреба жаворонок предупреждает имурана об опасности тремя короткими посвистами, а сам скрывается от крылатых разбойников за камнем или прячется в ямке. Имуран хорошо знает этот сигнал и ни за что не высунет голову из норки, пока опасность не минует. Жаворонок живет со своим "скакуном" в самых добрососедских отношениях.

Там же, где травка посочнее и погуще, я наблюдал еще одного грызуна, он водится и в Урянхае. Это гигантская черная степная крыса с коротким хвостом; в каждой колонии живет от одной до двух сотен особей. Зверек интересен тем, что является бесподобным "фермером" и превосходит всех степных животных по умению заготавливать на зиму пищу. Он начинает сенокос, когда трава становится особенно сочной, откусывая в один прием своими острыми и длинными резцами от двадцати до тридцати стеблей. Дав траве подсохнуть, он укладывает сено строго по науке. Сначала сооружает копну примерно в фут высотой, затем втыкает в нее под углом четыре палки, связывая их под копной пучками травы. После насаживает на палки еще немного сена и вновь закрепляет его таким же способом. Все это делается для того, чтобы зимой запасы не разнесло ветром по степи. Копну он располагает рядом со своим жилищем, чтобы не бегать зимой далеко за едой. Лошади и верблюды любят полакомиться сеном маленького фермера - оно всегда состоит из самых питательных трав. Свои копны грызун укладывает так плотно, что они не разлетятся, даже если пихнуть их ногой.

В Монголии почти повсюду мне попадались серовато-желтые степные куропатки, летающие парами или стайками. Этот вид называют "салга" или "куропатка-ласточка" из-за длинных, остроконечных, как у ласточки, хвостов, а также из-за похожего

бреющего полета. Птицы эти то ли очень смелые, то ли просто пассивны: они разрешают приблизиться к ним на расстояние десяти-пятнадцати шагов, но, поднявшись в воздух, сразу взмывают высоко и долго без устали летают, пересвистываясь как ласточки. В окрасе птиц преобладают светлые оттенки серого и желтого цветов, но у самцов на спинке и крылышках симпатичные шоколадные пятнышки, а ножки и лапки покрыты густым опереньем.

Только путешествие "по урге" позволило мне сделать эти интереснейшие наблюдения в безлюдных районах, хотя у такой поездки были и свои недостатки. Монголы везли меня очень быстро и кратчайшим путем, с удовольствием получая за свои труды награду в виде китайских долларов. Но после пяти тысяч миль в казачьем седле, которое теперь, пропыленное, тряслось в коляске рядом со мной, душа моя восставала, когда меня как вещь подбрасывало и швыряло в разные стороны на камнях, ухабах и рытвинах. Сама колымага, влекомая вперед дикими лошадьми, которые управлялись не менее дикими всадниками, трещала и подпрыгивала и не разваливалась разве что из патриотизма, как бы желая доказать удобство и привлекательность монгольских транспортных средств! У меня ныли все кости. Наконец у меня уже при всяком толчке вырывался стон, а затем и вовсе случился острый невралгический приступ в раненой ноге. Ночью я не мог уснуть ни лежа, ни сидя, так и пробродил до утра возле юрты, прислушиваясь к громкому храпу ее обитателей. Временами мне приходилось отбиваться от двух больших черных псов, злобно бросавшихся на меня. На следующий день я выдержал эту муку только до обеда, а потом свалился, не в силах ни пошевелить ногой, ни вообще повернуться; в конце концов у меня начался жар. Пришлось остановиться. Я выпил весь свой запас аспирина и хинина, но облегчение не наступало. Меня ожидала еще одна бессонная ночь, о которой я не мог без страха подумать. Мы остановились в гостевой юрте неподалеку от небольшого монастыря. Монголы пригласили ламу-врача, который дал мне два очень горьких порошка, заверив, что утром я смогу продолжать путешествие. Вскоре у меня усилилось сердцебиение, а боль стала еще острее. Прошла еще одна ночь без сна, но с восходом солнца боль отступила, а спустя час я приказал седлать мне лошадь, содрогаясь при одном виде коляски.

Пока монголы ловили лошадей, в палату зашел полковник Н.Н. Филиппов, он рассказал мне, что они с братом, а также Полетика, отмели все обвинения в связях с большевиками и получили разрешение от Безродного ехать в Ван-Куре к барону

Унгерну. Филиппов, конечно, не знал, что его проводник-монгол имел при себе бомбу, а другой послан вперед с письмом к Унгерну. Не знал он также, что его браться и Полетика уже расстреляны в Зайн-Шаби. Филиппов очень спешил, надеясь сегодня же попасть в Ван-Куре. Спустя час я выехал вслед за ним.

Глава тридцать вторая. Старик-прорицатель

Теперь мы передвигались от уртона к уртону. Нам всюду давали плохих, истощенных лошадей: животные не успевали отдохнуть - так много посыльных от Дайчина Вана и полковника Казагранди моталось по дорогам. В последнем перед Ван-Куре уртоне нам пришлось заночевать. Хозяйничали в нем пожилой тучный монгол с сыном. После ужина монгол взял обглоданную баранью лопатку и, посмотрев на меня со значением, положил ее на угли, сопровождая свои действия магическими заклинаниями.

- Хочу погадать тебе. Все мои пророчества сбываются. Он вытащил кость, когда она совсем обуглилась, сдул золу и стал внимательно изучать поверхность лопатки, повернув ее к огню. Все это продолжалось довольно долго, потом старик, переменившись в лице, положил кость на угли вторично.

- Что там было? - спросил я со смехом.

- Тише? - прошептал он. - Я прочел ужасные знамения.

Он вновь извлек лопатку из жаровни и стал сосредоточенно осматривать, непрестанно читая молитвы и совершая странные телодвижения. Наконец его голос зазвучал торжественно и тихо:

- Я вижу за твоей спиной смерть в облике высокого бледнолицего человека с рыжими волосами. Ты будешь находиться на волосок от гибели, сам почувствуешь это и приготовишься умереть, но смерть отступит... Другой белый человек станет твоим другом... Не пройдет и четырех дней, как ты потеряешь знакомых тебе людей. Их зарежут. Вижу, как их трупы поедают собаки. Бойся человека с головой, похожей на седло. Он стремится уничтожить тебя.

После гадания мы еще долго сидели у огня, курили, пили чай, и все это время старик смотрел на меня со страхом. Я подумал, что, должно быть, именно так узники в тюрьме смотрят на приговоренного к смерти.

На следующее утро мы покинули дом моего предсказателя еще затемно и, проехав пятнадцать миль, увидели на горизонте очертания Ван-Куре.

Полковника Казагранди я отыскал в штабе. Он происходил из хорошей семьи, был опытным инженером и блестящим офицером, отличился в войне при обороне острова Моон в Балтийском море, а также сражаясь с большевиками на Волге. Полковник предложил мне принять настоящую ванну, каковая находилась в доме главы местной торговой платы. Во время нашей беседы в

комнату вошел высокий молодой капитан. Кудрявые рыжие волосы обрамляли его поражавшее необычайной бледностью одутловатое, бесстрастное лицо, на котором выделялись крупные, с холодной проницательностью смотрящие глаза и удивительно изящный рот с нежными, почти девичьими губами. Его можно было бы назвать красивым, если бы не эта ледяная жесткость глаз. После его ухода полковник сказал, что это капитан Веселовский, адъютант генерала Резухина, ведущего борьбу с большевиками на севере Монголии. Оба тоже прибыли сегодня для переговоров с бароном Унгерном.

После завтрака полковник Казагранди пригласил меня в свою юрту обсудить положение в Западной Монголии, где ситуация все более обострялась.

- Вы знакомы с доктором Геем? - спросил меня Казагранди. - Он очень помог мне при создании отряда, а теперь Урга обвиняет его, называя большевистским агентом.

Я постарался, как мог, защитить Гея. Он и мне помог, кроме того. ему доверял Колчак.

- Да, конечно. И я приводил те же доводы, - сказал полковник, - но прибывший сегодня Резухин привез с собой перехваченные донесения Гея большевикам. Приказом барона Унгерна Гей и его семья отправлены сегодня в штаб Резухина и, боюсь, несчастные не доберутся до места.

- Почему? - спросил я.

- Их прикончат по дороге, - ответил полковник Казагранди.

- Что же делать?! - воскликнул я. - Гей не мог примкнуть к большевикам: он слишком умен и хорошо воспитан для этого.

- Не знаю, не знаю, - уныло пробормотал полковник. Попробуйте поговорить с Резухиным.

Я решил тут же отправиться к Резухину, но в этот момент в комнату вошел полковник Филиппов. Он затеял долгий разговор об ошибках, допускаемых в обучении солдат. В конце концов, я все же надел верхнюю одежду, но тут появилось еще одно новое лицо - плюгавый офицер в потрепанном монгольском плаще и выцветшей казачьей фуражке, правая рука его была на черной перевязи. Это оказался генерал Резухин, которому меня сразу же представили. Генерал повел беседу любезно и весьма искусно - расспрашивал, как бы между прочим, как мы с Филипповым провели последние три года, шутил и смеялся, не выходя за рамки обычной учтивости. Когда он собрался уходить, я воспользовался моментом и вышел вместе с ним.

Вежливо и внимательно выслушав меня, генерал тихо сказал:

- Доктор Гей - большевистский агент, он только притворялся сочувствующим белому движению, чтобы половчей подглядывать

и вынюхивать. Нас окружают враги. Русские деморализованы, за деньги они готовы предать всех и вся. Таков Гей. Впрочем, теперь нет нужды его обсуждать. И он, и его семья мертвы. Сегодня в пяти километрах отсюда мои люди зарезали их.

Оцепенев от ужаса, смотрел я на этого юркого коротышку с тихим голосом и учтивыми манерами. В глазах его было столько неукротимой ненависти, что мне стала понятна та робкая почтительность, с какой держали себя в его присутствии офицеры. Позднее, в Урге, я много слышал и об отменном бесстрашии генерала, и о его безграничной жестокости. Цепной пес барона Унгерна, он был готов по первому приказу хозяина броситься в огонь или вцепиться неприятелю в глотку.

Не прошло и четырех дней, а "мои знакомые" действительно были "зарезаны - итак, первая часть пророчества сбылась. Теперь смерть должна угрожать мне. Ждать долго не пришлось. Спустя два дня в урочище объявился глава Азиатской кавалерийской дивизии барон Унгерн фон Штернберг.

Глава тридцать третья. "Я вижу за твоей спиной смерть в облике бледнолицого человека"

Наводящий ужас генерал прибыл неожиданно, не замеченный постами Казагранди. Переговорив с полковником, барон выразил желание лично повидать Н.Н.Филиппова и меня. Об этом мне сообщил полковник Казагранди. Я хотел было тут же идти к барону, но полковник продержал меня у себя еще около получаса и только потом отпустил, напутствовав словами:

-Идите, и да поможет Вам Бог!

Загадочное напутствие, не вселяющее надежду.

Я взял с собой маузер, а за обшлаг сунул припасенный на всякий случай цианистый калий. Барон остановился в юрте военврача. Навстречу мне вышел капитан Веселовский с казачьей саблей и торчащим за поясом револьвером без кобуры. Он вновь скрылся в юрте, чтобы доложить о моем приходе.

- Прошу, - сказал он, выглянув из юрты. Взгляд мой прямо с порога упал на не успевшую еще впитаться в землю лужу крови - зловещее предзнаменование, которое прозвучало и в голосе человека, пригласившего меня войти. Я споткнулся.

- Входите же, - услышал я высокий тенор. Стоило мне переступить порог, как в мою сторону с пружинящей ловкостью тигра метнулась фигура в монгольском халате из красного шелка. Сграбастав мою руку и хорошенько потряся ее, человек вновь рухнул на постель у полога юрты.

- Расскажите мне о себе. Все вокруг кишит шпионами и агитаторами? - истерично выкрикнул он, не спуская с меня настороженных глаз. За считанные мгновения мне удалось постичь не только внешность, но и характер барона. Маленькая головка на широких плечах, беспорядочно разметанные белокурые волосы рыжеватая щетина усов, худое, изможденное лицо, вызывающее в памяти лики на старых византийских иконах. Затем все отступило перед проницательным взглядом стальных глаз, сверлящих меня из-под массивного выпуклого лба. Взгляд хищника из клетки. Даже за эти короткие минуты мне стало ясно, что передо мной очень опасный человек, способный на любые непредсказуемые действия. И все же, несмотря на явную опасность, я почувствовал себя оскорбленным. - Садитесь, - буркнул он, указывая на стул и нетерпеливо теребя усы.

Во мне нарастал гнев. Даже не подумав сесть, я сказал:

- Вы позволили себе оскорбить меня, барон. Мое имя

достаточно известно, и вам не стоит говорить со мной в таких выражениях. Поступайте, как хотите, - сила на вашей стороне, но оскорблений я не потерплю.

Чуть не задохнувшись от удивления после моей тирады, он свесил ноги с кровати и вытаращился на меня, от удивления продолжая теребить усы. Стараясь выглядеть спокойным, я стал с видимым безразличием оглядывать юрту и только тогда заметил генерала Резухина. Я поклонился ему, он отвечал тем же молчаливым приветствием. Затем я вновь перевел взгляд на барона, тот по-прежнему сидел на кровати, склонив голову и закрыв глаза, иногда он потирал лоб, что-то бормоча при этом.

Вдруг он поднялся и, глядя куда-то поверх меня, произнес визгливым голосом:

- Можете идти! Все ясно...

Я обернулся, чтобы понять, кому адресованы эти слова, и увидел бледное холодное лицо капитана Веселовского. Когда он вошел? Бог знает. Повинуясь приказу, капитан сделал четкий поворот кругом и вышел из юрты.

"Смерть в облике бледнолицого человека" действительно стояла за моей спиной, - подумал я, - но ушла ли она совсем?

Некоторое время барон молчал, размышляя, а потом заговорил бессвязно, не доканчивая фразы. - Прошу простить... Поймите меня - всюду предатели! Честные люди перевелись. Никому нельзя верить. Имена вымышленные, документы поддельные. Глаза и слова лживые... Осквернённая большевиками страна деморализована. Я только что приказал зарубить полковника Филиппова, называвшего себя представителем Российского Белого движения. В его одежде нашли два зашитых большевистских кода... Когда мой офицер занес над ним саблю, он воскликнул: "Зачем ты убиваешь меня, товарищ?" Разве можно сейчас кому-нибудь верить...

Он замолчал, я тоже не произнес ни слова.

- Простите меня, - продолжал он. - Знаю, что оскорбил вас, но я не просто человек, а предводитель воинства; если бы вы знали, сколько забот, печалей и горестей тяготит меня!

В его голосе звучали отчаяние и искренность. Он дружески протянул мне руку. Мы помолчали. Наконец заговорил я:

- А что прикажете делать мне?! У меня нет никаких документов - ни липовых, ни настоящих. Правда, многие ваши офицеры знают меня, да и в Урге найдутся люди, которые подтвердят, что я не агитатор и не...

- В этом нет необходимости, - прервал меня барон. - Мне абсолютно все ясно. Я постиг вашу душу и теперь знаю все. То, что писал о вас хутухта Нарабанчи, - чистая правда. Чем я могу

вам помочь?

Я поведал ему, как мы с другом в надежде добраться до родины бежали из Советской России, как группа польских солдат пристала к нам, стремясь вернуться в Польшу, и попросил, если возможно, помочь нам попасть в ближайший порт.

- С радостью, с радостью... Непременно помогу вам, - с энтузиазмом откликнулся он. - Я отвезу вас в Ургу на своем автомобиле. Завтра же и поедем, а в Урге обговорим все дальнейшие обстоятельства.

Простившись, я вышел из юрты. У себя я застал полковника Казагранди, в большом волнении ходившего из угла в угол.

- Слава Богу! - вскричал он, увидев меня, и перекрестился.

Меня тронула его радость, хотя я не мог удержаться от мысли, что полковник мог бы приложить больше усилий для безопасности своего гостя. Переживания дня утомили меня, я чувствовал себя постаревшим на несколько лет. Посмотрев в зеркало, я убедился, что седых волос у меня прибавилось.

Ночью я долго не мог заснуть, мне мерещилось молодое, тонкое лицо полковника Филиппова, лужица крови, ледяные глаза капитана Веселовского, и в ушах звенел голос барона Унгерна, полный отчаяния и скорби. Наконец я забылся тяжелым сном. Меня разбудил сам барон Унгерн с извинениями, что не может отвезти меня в автомобиле, так как вынужден взять с собой Дайчина Вана. Но он распорядился, чтобы мне предоставили его белого верблюда и двух казаков для сопровождения. Барон так быстро выбежал из комнаты, что я даже не успел поблагодарить его. О сне уже не было речи; я оделся и начал курить трубку за трубкой, думая: "Насколько легче сражаться с большевиками в болотах Сейбы или покорять снежные вершины Улан-Тайги, где злые духи охотятся за путешественниками! Там все просто и понятно, здесь же все - сплошной кошмар, темное брожение, предвещающее недоброе. Я ощущал нечто трагическое и ужасное в каждом движении барона Унгерна, за которым следовали молчаливый Веселовский с бледным, как мел, лицом и сама Смерть.

Глава тридцать четвертая. Грязная война!

На рассвете следующего дня мне привели великолепного белого верблюда и мы выступили в путь. Кроме меня наш маленький караван состоял из двух казаков, двух солдат-монголов и ламы, а также двух вьючных верблюдов, груженных продовольствием и палаткой. Я все еще опасался, что барон затеял это путешествие с целью потихоньку убрать меня по дороге, а не у всех на глазах, в Ван-Куре, где у меня много друзей. Пулю в спину - и кончено. Револьвер я держал постоянно наготове, чтобы в случае чего не отдать жизнь даром, и старался ехать либо позади казаков, либо сбоку. Около полудня вдали послышался автомобильный гудок, а вскоре машина барона Унгерна на полной скорости пронеслась мимо нас. Кроме командующего, в ней находились два адъютанта и князь Дайчин Ван. Барон ласково помахал мне рукой и крикнул:

- Увидимся в Урге!

Ага, подумал я, значит, мне суждено добраться до Урги. И, следовательно, можно немного расслабиться и не чувствовать себя так напряженно во время путешествия. В Урге же у меня много друзей, там я буду в окружении обогнавших меня в дороге храбрых польских солдат, которых я хорошо знаю по Улясутаю.

Убедившись в благорасположении ко мне барона Унгерна, казаки подобрели и стали развлекать меня разными историями. Они рассказали о кровопролитных сражениях с большевиками в Прибайкалье и Монголии, о битве с китайцами вблизи Урги, о том, как у нескольких китайских солдат нашли советские документы, о мужестве Унгерна - тот мог спокойно сидеть у костра на линии огня, и ни одна пуля не задевала его. В одном бою семьдесят четыре пули изрешетили его шинель, седло и находившиеся по соседству ящики, но он так и остался невредимым. В этом была одна из причин его исключительной популярности у монголов. Перед решающим сражением, рассказывали солдаты, барон, взяв с собой только одного казака, отправился на разведку в Ургу, убив на обратном пути ташуром[36] китайского офицера и двух солдат; еще вспоминали они об аскетизме генерала тот имел при себе лишь одну смену белья и пару запасных сапог; и о том, как спокоен и весел он в битве, а в мирные дни - суров и угрюм; и как он всегда сражается в первых рядах с солдатами.

В свою очередь я рассказывал им о нашем бегстве из Сибири;

так, в беседах, день пролетел быстро. Верблюды все это время шли рысью, потому вместо обычных восемнадцати-двадцати миль, мы проделали за день почти пятьдесят. Мой верблюд был быстрейшим. Этого огромного зверя с роскошной густой гривой вместе с двумя черными соболями, привязанными к уздечке, подарил барону Унгерну некий князь из Внутренней Монголии. Сидя на этом сильном, спокойном и отважном великане, я чувствовал себя словно на вершине башни. За Орхоном мы впервые наткнулись на мертвеца - китайского солдата, лежавшего посредине дороги лицом вверх, разбросав в стороны руки.

Перевалив через Бургутские горы, мы вступили в долину реки Толы, в верхнем течении которой раскинулась Урга. На дороге валялись шинели, рубахи, сапоги и котелки, которые побросали, отступая, китайцы; попадались и трупы. Немного дальше наш путь пересекла трясина, у краев которой громоздились горы мертвых тел - людей, лошадей и верблюдов, искореженные повозки, военная амуниция. Именно здесь тибетские части барона Унгерна разгромили отступающий китайский обоз. Груды трупов выглядели особенно неуместно и мрачно на фоне пробуждающейся природы. В каждой лужице плескались утки; в высокой траве исполняли изысканные свадебные танцы журавли; на озерной глади плавали стайки лебедей и диких гусей; по болотам яркими пятнышками скользили парами монгольские священные птицы с роскошным ярким оперением - турпаны; на сухих местах резвились и дрались из-за корма дикие индейки; носились в воздухе куропатки; а неподалеку на горных склонах грелись на солнышке волки, повизгивая, а иногда заливаясь лаем, как разрезвившиеся собаки.

Природа знает только жизнь. Смерть для нее - лишь эпизод, о котором она спешит поскорее забыть, занося ее следы песком или снегом или хороня их под пышной зеленью и яркими красками кустарников и цветов. Какое дело Природе до матери из Чифу или с берегов Янцзы, ставящей на жертвенник миску с рисом и воскуряющей фимиам, молясь о спасении сына, без вести пропавшего в долине Толы, того, чьи косточки уже иссушило знойное солнце, а ветер разнес их по песчаной равнине? И все-таки это равнодушие Природы к смерти и жадность к жизни поистине прекрасны!

На четвертый день наш маленький караван уже ближе к ночи вышел к берегам Толы. Мы никак не могли отыскать брод, и я заставил на свой страх и риск войти в воду своего верблюда. К счастью, там было довольно мелко, хотя дно оказалось илистым, и мы благополучно переправились на другой берег. Нам повезло: ведь верблюд на глубоком месте, стоит воде дойти до шеи, не

бьет копытами как лошадь и не плывет в вертикальном положении, а тут же опрокидывается на бок, что, понятно, не очень удобно седоку. Ниже по реке мы поставили палатку.

Еще пятнадцать миль - и мы очутились на поле битвы, где разыгралось третье крупное сражение за независимость Монголии. Здесь войска барона Унгерна сошлись в поединке с шестью тысячами китайцев, пришедших из Кяхты на помощь своим соотечественникам в Урге. Последние потерпели сокрушительное поражение, четыре тысячи из них попали в плен. Однако ночью пленники попытались бежать. Барон Унгерн послал вдогонку части прибайкальских казаков и тибетцев; то, что мы увидели на этом поле брани, было делом их рук. Около пятнадцати сотен трупов остались непогребенными и еще столько же, согласно свидетельству сопровождавших меня и тоже участвовавших в битве казаков, успели предать земле. Тела убитых были исполосованы саблями, на земле повсюду валялось военное снаряжение. Пастухи-монголы отошли подальше от этого зловещего ристалища, а на их место пришли волки, которых мы видели на всем пути - то притаившихся за скалой, то укрывшихся в канаве. В борьбу за добычу с ними вступали стаи одичавших собак.

Наконец мы покинули место кровавой бойни, оставив его во власти проклятого демона войны. Вскоре мы поравнялись с быстрым ручьем, к которому наши монголы, сняв шапки, припали, жадно глотая прохладную воду. Источник почитался ими священным, ибо протекал вблизи жилища Живого Будды. Двигаясь вдоль его извивающегося русла, мы неожиданно въехали в новую долину, где нам открылась высокая гора, поросшая темным, густым лесом.

- Священная Богдо-Ола! - воскликнул лама. - Приют Богов, хранящих нашего Живого Будду!

Богдо-Ола огромным узлом связывает между собой три горных хребта: с юго-востока Гегыл, с юга - Гангын и с севера Хунту. Эта покрытая девственными лесами гора - владение Живого Будды. Здесь водятся все виды животных, встречающихся в Монголии, но охота строжайше запрещена. Нарушивший закон монгол подлежит смерти, а иностранец изгоняется из - страны. Восхождение на гору также карается смертной казнью. Лишь один человек нарушил этот закон - барон Унгерн; он с пятьюдсятью казаками перевалил через Богдо-Олу, проник во дворец Живого Будды, где первосвященника Урги содержали под стражей китайцы и похитил его.

Глава тридцать пятая.
В городе Живых Богов, тридцати тысяч Будд и шестидесяти тысяч монахов

Наконец наши глаза удостоились лицезреть жилище самого Живого Будды! У подножия Богдо-Олы стояло белоснежное здание тибетской архитектуры, крытое зеленовато-синей черепицей, которая весело переливалась на солнце. Дворец утопал в зелени, из которой то тут, то там выступали фантастической конфигурации крыши гробниц и небольших дворцов. Мост, перекинутый через Толу, соединял резиденцию Живого Будды со священным городом монахов, раскинувшимся к востоку - Та-Куре или Ургой. В непосредственной близости от Живого Будды живет множество чудотворцев, пророков, чародеев и целителей. Все эти люди - "божественные перерожденцы",и им оказывают почести, приличествующие Богам. Слева на плоскогорье расположен древний монастырь с огромным храмом из темнокрасного камня Храмом Города Лам, там находится гигантская бронзовая статуя Будды на позолоченном цветке лотоса. В монастыре есть еще с десяток других храмов поменьше, а также многочисленные гробницы, обо, открытые алтари, башни астрологов, одноэтажные домики и юрты, в которых живут шестьдесят тысяч монахов разного возраста и ранга; по соседству расположены школы, священные архивы и библиотеки, жилища баньди и гостиницы для почетных гостей из Китая, Тибета, бурятских и калмыцких земель.

Ниже монастыря раскинулась колония иностранцев, где живут русские и китайские купцы, а также торговый люд из прочих стран, там же шумит пестрый восточный базар. Еще в километре проступает сероватый контур Меймечена[37], где еще сохранились китайские торговые фирмы, дальше тянется длинный ряд русских частных домов, больница, церковь, тюрьма и, наконец, уродливый четырехэтажный кирпичный дом, в прошлом - русское консульство.

Мы уже подъехали довольно близко к монастырю, когда я заметил нескольких солдат-монголов, тащивших в ущелье три трупа.

- Что они делают? - спросил я.

Казаки молча усмехнулись. Вдруг они вытянулись по струнке, отдавая честь. Из ущелья на монгольском пони выехал невысокий человек. Когда он проезжал мимо, я разглядел полковничьи погоны и зеленую фуражку с козырьком. Из-под густых бровей

меня окинул холодный взгляд его бесцветных глаз. Отъехав дальше, он снял фуражку, вытирая пот с лысой головы. Меня поразила странная неровная линия его черепа. Так я встретился с человеком, у которого голова была "похожа на седло". Вот кого советовал мне опасаться старик-предсказатель в последнем перед Ван-Куре уртоне!

- Кто это? - спросил я.

Хотя офицер отъехал уже довольно далеко, казаки осмелились лишь прошептать его имя: "Полковник Сепайлов, комендант Урги".

Полковник Сепайлов! Самая мрачная фигура на полотне монгольской современной истории! Механик по образованию, он перешел затем в жандармское управление и быстро продвинулся по службе в царское время. Он страдал нервным тиком и недержанием речи, во время разговора брызгал слюной, в горле у него что-то клокотало, а по лицу пробегала судорога. Это был определенно сумасшедший человек, и барон Унгерн уже дважды созывал врачебную комиссию для его освидетельствования в надежде избавиться от своего злого гения. Вне всякого сомнения Сепайлов был садистом. Мне рассказывали, что он собственноручно убивал приговоренных к смертной казни, при этом шутил и распевал песни. Множество самых жутких слухов ходило о нем в Урге. Этот кровожадный пес смертельной хваткой брал жертв за горло. Своей репутацией не знающего пощады воина барон Унгерн целиком обязан Сепайлову. Уже в Урге барон Унгерн говорил мне как-то в беседе, что Сепайлов ужасно раздражал его, а еще - что тот при случае мог бы убить и его самого. Барон Унгерн испытывал ужас перед Сепайловым не из-за его личных свойств, а по признакам мистическим: в Прибайкалье один шаман, порекомендованный, кстати, самим же полковником, предсказал барону, что тот, расставшись с Сепайловым, сразу же погибнет. Последний не знал жалости к большевикам, а также ко всем, кто каким-то образом был с ними связан. У этой ненависти была причина: при большевиках он сидел в тюрьме, где его жестоко пытали, а после побега уничтожили всю его семью. Теперь он мстил.

Я остановился в русском торговом доме, где меня тут же навестили мои спутники; они радостно приветствовали меня, так как уже наслышались про мои злоключения в Ван-Куре и Зайн-Шаби. Помывшись и переодевшись, я пошел с ними прогуляться по городу. Мы посетили базар. Там толпилось множество людей. Красочные платья покупателей и продавцов, выкрикивающих цены, яркие полоски китайских одежд, жемчужные бусы, серьги и браслеты - все создавало атмосферу вечного праздника; кто-то,

прицениваясь, ощупывал живого барана, не худ ли; рядом мясник отрубал огромные куски баранины от подвешенных туш, и все это сопровождалось шутками и отчаянной жестикуляцией этих вольных сынов степей. Монголки с высокими прическами, на которых с трудом удерживались тяжелые, шитые серебром шляпки, по форме напоминающие блюдца, восхищенно глазели на разноцветные шелковые ленты и длинные нити коралловых бус; важный монгол придирчиво осматривал великолепных лошадей, торгуясь с хозяином; худой, подвижный смуглый тибетец, пришедший в Ургу поклониться Живому Будде, а, может, с тайным посланием к нему от другого "Бога" в Лхасе, сидя на корточках, приценивался к высеченному из агата Будде на лотосе; в стороне толпа монголов и бурят окружила китайского торговца, продающего изящные расписные табакерки из стекла, хрусталя, фарфора, аметиста, жадеита, агата и нефрита; за одну, сработанную из нежнозеленого нефрита с коричневыми прожилками, на которой дракон обвивал сразу нескольких девиц, торговец просил десять бычков; органично вплетались в этот восточный живой ковер буряты в длинных красных одеждах и маленьких, вышитых золотом шапочках того же цвета, и татары, одетые с головы до ног в черное. А среди них непрестанно сновали живым желто-красным фоном ламы с живописно наброшенными на плечи накидками, поражая воображение своими причудливыми головными уборами, напоминающими то желтоватые грибы, то красные фригийские колпаки, то греческие шлемы. Смешавшись с толпой, они тихо переговаривались, перебирая четки, предсказывали желающим судьбу, отдавая предпочтение богатым монголам, нуждавшимся в лечении, пророчествах или прочих таинствах, которые мог в избытке предложить им этот город шестидесяти тысяч лам. Одновременно осуществлялся религиозный и политический шпионаж. Как раз в это время из Внутренней Монголии приехало много монголов, за которыми, окружив их невидимым кольцом, незаметно наблюдали ламы. Над домами развевались русские, китайские и монгольские национальные флаги и только над одним магазинчиком -полосатый флаг со звездочками; ленты, квадраты, круги и треугольники говорили о том, что в отмеченных ими палатках и юртах болеют и умирают от оспы или проказы князья и простые люди.

Все смешалось в одно яркое солнечное пятно. Здесь можно было увидеть и солдат барона Унгерна, пробегающих в длинных синих шинелях; монголов и тибетцев в красной форме с желтыми эполетами, на которых выделялась свастика - магический знак Чингисхана; а также китайских солдат, служащих в монгольской

армии. После поражения китайских войск две тысячи этих храбрецов обратились к Живому Будде с просьбой зачислить в его легионы, обязуясь служить верой и правдой. Просьба была удовлетворена; тут же создали два полка, солдаты которых носили на погонах и головных уборах старинную китайскую эмблему - серебряных драконов.

Когда мы шли по рынку, из-за ближайшего угла вывернул большой автомобиль с ревущей сиреной. В нем сидел в желтой монгольской куртке с голубым поясом -барон Унгерн. Хотя барон ехал с большой скоростью, но, узнав меня, сразу же приказал остановиться и, выйдя из машины, пригласил к себе. Он жил в небольшой, скромно обставленной юрте во дворе китайского хонга[38].

Штаб располагался тут же по соседству, в двух других юртах, а слуги жили в китайской фанзе. Я напомнил генералу об обещании помочь нам добраться до одного из открытых портов; он же, не спуская с меня своих стальных глаз, заговорил по-французски:

- Мои дела здесь подходят к концу. Через девять дней я выступлю против большевиков, направившись в Прибайкалье. Прошу вас провести со мной оставшиеся дни. Многие годы я лишен цивилизованного общества и живу наедине со своими мыслями. Мне хотелось бы познакомить вас с ними, чтобы вы увидели во мне не "кровавого свихнувшегося барона", как зовут меня враги, и не "сурового деда", как называют меня мои офицеры и солдаты, а просто человека, который много искал, а страдал и того больше. - Барон задумался, потом снова заговорил:

- Я обдумал ваш дальнейший путь и обещаю все наилучшим образом устроить, но прошу вас задержаться на девять дней.

Что мне оставалось делать? Я согласился. Барон тепло пожал мне руку и приказал подавать чай.

Глава тридцать шестая. Потомок крестоносцев и пиратов

- Расскажите мне о себе и о своих странствиях, - потребовал он.

Я рассказал все, что, по моему мнению, могло быть ему интересно; казалось, моя история взволновала генерала.

- Теперь моя очередь. Я поведаю вам, кто я и где мои корни... Мое имя окружают такой страх и ненависть, что трудно понять, где правда, а где ложь; где истина, а где миф! Когда-нибудь вы, вспоминая свое путешествие по Монголии, напишите и об этом вечере в юрте "кровавого генерала".

Он прикрыл глаза и, не переставая курить, лихорадочно заговорил, часто не заканчивая фразу, как будто ему мешали договорить.

- Я происхожу из древнего рода Унгерн фон Штернбергов, в нем смешались германская и венгерская - от гуннов Аттилы кровь. Мои воинственные предки сражались во всех крупных европейских битвах. Принимали участие в крестовых походах, один из Унгернов пал у стен Иерусалима под знаменем Ричарда Львиное Сердце. В трагически закончившимся походе детей погиб одиннадцатилетний Ральф Унгерн. Когда храбрейших воинов Германской империи призвали в XII веке на охрану от славян ее восточных границ, среди них был и мой предок - барон Халза Унгерн фон Штернберг. Там они основали Тевтонский орден, насаждая огнем и мечом христианство среди язычников - литовцев, эстонцев, латышей и славян. С тех самых пор среди членов Ордена всегда присутствовали представители моего рода. В битве при Грюнвальде, положившей конец существованию Ордена, пали смертью храбрых два барона Унгерн фон Штернберга. Наш род, в котором всегда преобладали военные, имел склонность к мистике и аскетизму.

В шестнадцатом-семнадцатом веках несколько поколений баронов фон Унгерн владели замками на земле Латвии и Эстонии. Легенды о них живут до сих пор. Генрих Унгерн фон Штернберг, по прозвищу "Топор", был странствующим рыцарем. Его имя и копье, наполнявшие страхом сердца противников, хорошо знали на турнирах Франции, Англии, Испании и Италии. Он пал при Кадисе от меча рыцаря, одним ударом рассекшего его шлем и череп. Барон Ральф Унгерн был рыцарем-разбойником, наводившим ужас на территории между Ригой и Ревелем. Барон Петер Унгерн жил в замке на острове Даго в Балтийском море,

где пиратствовал, держа под контролем морскую торговлю своего времени. В начале восемнадцатого века жил хорошо известный в свое время барон Вильгельм Унгерн, которого за его занятия алхимией называли не иначе как "брат Сатаны". Мой дед каперствовал в Индийском океане, взимая дань с английских торговых судов. За ним несколько лет охотились военные корабли, но никак не могли поймать. Наконец деда схватили и передали русскому консулу; тот его выслал в Россию, где деда судили и приговорили к ссылке в Прибайкалье. Я тоже морской офицер, но во время русско-японской войны мне пришлось на время оставить морскую службу, чтобы усмирить забайкальских казаков. Свою жизнь я провел в сражениях и за изучением буддизма. Дед приобщился к буддизму в Индии, мы с отцом тоже признали учение и исповедали его. В Прибайкалье я пытался учредить орден Военных буддистов, главная цель которого - беспощадная борьба со злом революции...

Он вдруг замолчал и начал поглощать чашку за чашкой крепчайший чай, напоминающий по цвету скорее кофе.

- Зло революции! ... Думал ли кто об этом, кроме французского философа Бергсона и просвещеннейшего тибетского таши-ламы?

Ссылаясь на научные теории, на сочинения известных ученых и писателей, цитируя Библию и буддийские священные книги, возбужденно переходя с французского языка на немецкий, с русского на английский, внук пирата продолжал:

- В буддийской и древней христианской литературе встречаются суровые пророчества о времени, когда разразится битва между добрыми и злыми духами. Тогда в мир придет и завоюет его неведомое Зло; оно уничтожит культуру, разрушит мораль и истребит человечество. Орудием этого Зла станет революция. Каждая революция сметает стоящих у власти созидателей, заменяя их грубыми и невежественными разрушителями. Те же поощряют разнузданные, низкие инстинкты толпы. Человек все больше отлучается от Божественного, духовного начала. Великая война показала, что человечество может проникнуться высокими идеалами и идти по этому пути, но тут в мир вошло Зло, о приходе которого задолго знали Христос, апостол Иоанн, Будда, первые христианские мученики, Данте, Леонардо да Винчи, Гете и Достоевский. Оно повернуло вспять колесо прогресса и преградило путь к Богу. Революция - заразная болезнь, и вступающая в переговоры с большевиками Европа обманывает не только себя, но и все человечество. Карма с рождения определяет нашу жизнь, ей равно чужды и гнев, и милосердие. Великий Дух безмятежно подводит

итог: результатом может оказаться голод, разруха, гибель культуры, славы, чести, духовного начала, падение народов и государств. Я предвижу этот кошмар, мрак, безумные разрушения человеческой природы.

Полог юрты внезапно отогнулся, и на пороге вырос адьютант, почтительно отдавая честь.

- Почему вошли без доклада? - побагровел от ярости генерал.
- Ваше превосходительство, наш разъезд задержал большевистских лазутчиков и доставил их сюда.

Барон поднялся. Глаза его полыхали, лицо сводила судорога.

- Привести к юрте? - скомандовал он.

Все куда-то вмиг сгинуло - вдохновенная речь, убедительные интонации - предо мной стоял суровый командир, жестко отдающий приказ. Барон надел фуражку, взял бамбуковую трость, с которой не расставался, и стремительно зашагал из юрты. Я последовал за ним. Перед юртой под охраной казаков стояли шесть красных солдат.

Барон подошел к ним и несколько минут внимательно всматривался в каждого. На его лице можно было прочитать напряженную работу мысли. Наконец он отвернулся, сел на ступени китайского дома и глубоко задумался. Затем снова встал, приблизился к лазутчикам и теперь уже решительно, касаясь плеча каждого задержанного, разделил их на две группы -"ты налево, ты - направо"; в одной оказалось четыре человека, в другой - два.

- Этих двух обыскать! Наверняка комиссары! - приказал барон, а у остальных спросил:

- Вы мобилизованные большевиками крестьяне?

- Так точно, ваше превосходительство! - выдохнули испуганные солдаты.

- Идите к коменданту и скажите, что я приказал зачислить вас в свои войска! У двух других оказались при себе бумаги комиссаров Политотдела. Нахмурив брови, генерал медленно отчеканивая слова, распорядился:

- Забить их палками до смерти!

Повернувшись, он удалился к себе в юрту. Беседа наша уже не клеилась, и я, откланявшись, ушел, оставив генерала наедине со своими думами.

После обеда в русский торговый дом, где я остановился, зашли несколько офицеров Унгерна. Мы оживленно болтали, когда за дверями послышался автомобильный гудок, заставивший офицеров мгновенно замолчать.

- Генерал проезжает, - заметил один изменившимся голосом.

Прерванная беседа возобновилась, но ненадолго. В комнату

вбежал служащий торгового дома с криком:

- Барон!

Открыв дверь, генерал замер на пороге. Лампы еще не зажигали, и хотя в комнате было темновато, барон всех узнал, тепло поздоровался, поцеловал у хозяйки руку и согласился выпить чашку чая. Затем заговорил:

- Я собираюсь похитить вашего гостя, - обратился он к хозяйке и, повернувшись в мою сторону, спросил: - Хотите совершить со мной автомобильную прогулку? Покажу вам город и окрестности.

Натягивая пальто, я привычно сунул в карман револьвер, барон заметил это и рассмеялся. - Да оставьте вы эту игрушку! Со мной вы в полной безопасности. Не забывайте пророчества хутухты из Нарабанчи: вам будет во всем сопутствовать удача.

- У вас хорошая память, - ответил я, рассмеявшись в ответ. - Пророчество помню. Но только что понимать под "удачей"? Может, смерть - как отдых после долгого трудного путешествуя? Но должен признаться, что предпочитаю лучше скитаться и дальше -к смерти я не готов.

Мы направились к воротам, где стоял большой "фиат" с включенными фарами. Водитель в офицерской форме недвижным изваянием сидел у руля и, пока мы влезали в автомобиль и усаживались, держал руку у козырька. - На телеграф! - приказал барон.

Автомобиль рванулся с места. В городе по-прежнему гудел и толпился народ, но на все это теперь был как бы наброшен покров тайны. Монгольские, бурятские и тибетские всадники на всем скаку врезались в толпу; ступающие в караване верблюды важно поднимали при встрече с нами свои головы; жалобно скрипели деревянные колеса монгольских телег, и все это заливала ослепительная дуга света от электрической станции, которую барон Унгерн приказал запустить вместе с телефонным узлом сразу же после взятия Урги. Он распорядился очистить от мусора и продезинфицировать город, который не знал метлы еще со времен Чингисхана. По его приказу наладили автобусное движение между отдельными районами города; навели мосты через Толу и Орхон; начали издавать газету; открыли ветеринарную лечебницу и больницу; возобновили работу школ. Барон оказывал всяческую поддержку торговле, безжалостно вешая русских и монгольских солдат, замешанных в грабеже китайских магазинов.

Однажды комендант города арестовал двух казаков и одного монгольского солдата, укравших из китайского магазина коньяк, и доставил мародеров к генералу. Тот приказал бросить

связанных воришек в свой автомобиль и отвез их к китайцу. Вернув тому украденный коньяк, генерал велел монголу вздернуть одного их русских сообщников тут же, на высоких воротах. Когда казак закачался в петле, генерал скомандовал: "И напоследок этого!" Теперь на воротах болтались уже двое казаков; барон заставил повесить и монгола. Все свершилось молниеносно; придя в себя, владелец магазина в отчаянии бросился к генералу с мольбой:

- Господин барон! Господин барон! Прикажите убрать этих людей с моих ворот - у меня же не будет покупателей!

Проехав торговый район, мы направились в русский поселок, расположенный по другую сторону небольшой речушки. На мосту стояли несколько русских солдат и четверо принарядившихся монголок . Солдаты, превратившись тут же в истуканов, отдавали честь, поедая глазами сурового командира. Женщины, засуетившись, хотели было убежать, но, завороженные дисциплинарным рвением своих ухажеров, тоже приложили руки к голове и застыли. Барон со смехом сказал мне:

- Можете убедиться, какова у меня дисциплина! Даже монголки отдают мне честь!

Скоро мы выехали на равнину, и автомобиль помчался как стрела; ветер свистел в ушах, пытаясь сорвать с нас одежду. Но сидевший с закрытыми глазами барон Унгерн только повторял: "Быстрее! Быстрее!" Мы долго молчали.

- Вчера я ударил своего адъютанта за то, что он, войдя без приглашения в юрту, прервал мой рассказ, - сказал он.

- Вы можете продолжить его сейчас, - предложил я.

- А вам не будет скучно? - Моя история подходит к концу, становясь, впрочем, здесь интереснее всего. Я говорил уже, что собирался основать орден Военных буддистов в России. Зачем? Чтобы охранять процессы эволюции, борясь с революцией, ибо я убежден: эволюция приведет нас к Богу, а революция - к скотству. Но я забыл, что живу в России! В России, где крестьяне в массе своей грубы, невежественны, дики и озлоблены - ненавидят всех и вся, сами не понимая почему. Они подозрительны и материалистичны, у них нет святых идеалов. Российские интеллигенты живут в мире иллюзий, они оторваны от жизни. Их сильная сторона - критика, но они только на нее и годятся, в них отсутствует созидательное начало. Они безвольны и способны только на болтовню. Так же, как и крестьяне, они ничего и никого не любят. Все их чувства, в том числе и любовь, надуманны; мысли и переживания проносятся бесследно, как пустые слова. И мои соратники, соответственно, очень скоро начали нарушать правила Ордена. Тогда я предложил сохранить обет безбрачия -

вообще никаких отношений с женщинами, - отказ от жизненных благ, роскоши, все в соответствии с учениями "Желтой веры", но, потакая широкой русской натуре, разрешить потребление алкоголя и опиума. Теперь за пьянство в моей армии вешают и солдат, и офицеров, тогда же мы напивались до белой горячки. Идея с Орденом провалилась, но вокруг меня сгруппировалось триста отчаянно храбрых и одновременно беспощадных человек. Позже они показали чудеса героизма в войне с Германией и в единоборстве с большевиками, ныне уже почти никого не осталось в живых.

- Радиостанция, Ваше превосходительство, - доложил шофер.

- Заедем, - приказал генерал.

На вершине плоского холма стояла весьма мощная радиостанция; китайцы, отступая, частично разрушили ее, но инженеры барона Унгерна быстро восстановили. Генерал внимательно прочитал телеграммы и передал их мне. Депеши из Москвы, Читы, Владивостока и Пекина. На отдельном желтом листке располагались закодированные послания. Барон сунул их в карман со словами:

- Это от моих агентов - из Читы, Иркутска, Харбина и Владивостока. Все они евреи, мои друзья, умелые и отважные люди. Здесь у меня тоже служит один еврей Вулфович, он офицер - командует правым флангом. Свиреп, как сам сатана, но умен и храбр... Ну а теперь продолжим наш стремительный бег...

И мы вновь нырнули во мрак. Какая бешеная езда! Автомобиль то и дело подпрыгивал, минуя канавки и небольшие камни, а крупные валуны первоклассный шофер объезжал, искусно лавируя между ними. Когда мы вырвались в степь, я заметил в отдалении яркие вспышки огоньков; продержавшись секунду-другую, они гасли, чтобы через мгновение загореться вновь.

- Волчьи глаза, - улыбнувшись, объяснил мне мой спутник. - Досыта накормили их своими мертвецами и трупами врагов, - спокойно откомментировал он и продолжил исповедь. Во время войны русская армия постепенно разлагалась. Мы предвидели предательство Россией союзников и нарастающую угрозу революции. В целях противодействия было решено объединить все монгольские народы, не забывшие еще древние верования и обычаи, в одно Азиатское государство, состящее из племенных автономий, под эгидой Китая - страны высокой и древней культуры. В этом государстве жили бы китайцы, монголы, тибетцы, афганцы, монгольские племена Туркестана, татары, буряты, киргизы и калмыки. Предполагалось, что это могучее - физически и духовно - государство должно преградить дорогу

революции, ограждать от чужеродных посягательств свое духовное бытие, философию и политику. И если обезумевший, развращенный мир вновь посягнет на Божественное начало в человеке, захочет в очередной раз пролить кровь и затормозить нравственное развитие. Азиатское государство решительно воспрепятствует этому и установит прочный, постоянный мир. Пропаганда этих идей даже во время войны пользовалась большой популярностью у туркменов, киргизов, бурят и монголов... Стоп! вдруг вскричал барон.

Автомобиль резко затормозил. Генерал вышел из машины, пригласив меня последовать его примеру. Мы шагали по степи, барон все время нагибался, что-то высматривая на земле.

- Ага, - пробормотал он наконец. - Уехал!...

Я удивленно смотрел на него.

- Здесь стояла юрта богатого монгола, поставщика русского купца Носкова. Носков был прежестокая бестия, об этом можно судить и по данному ему монголами прозвищу - "сатана". Своих должников он избивал или при пособничестве китайских властей заключал в тюрьму. Он безжалостно ограбил этого монгола, и тот, потеряв свое богатство, переехал на другое место, в тридцати милях от старого. Но Носков и там нашел его и, отобрав последний скот и немногих лошадей, оставил его с семьей умирать с голоду. Когда я занял Ургу, этот монгол пришел ко мне, а с ним главы еще тридцати семейств, разоренных Носковым. Они требовали его смерти... Я повесил "сатану"...

Автомобиль вновь рванулся вперед, сделав большой круг по степи, а барон Унгерн опять заговорил -резко и нервно, тоже вернувшись окружным путем к своим мыслям об обстоятельствах азиатской жизни.

- Подписав Брест-Литовский договор, Россия предала Францию, Англию и Америку, а себя ввергла в хаос. Тогда мы решили столкнуть с Германией Азию. Наши посланцы разъехались во все концы Монголии, Тибета, Туркестана и Китая. В это время большевики начали резать русских офицеров и нам пришлось, оставив на время наши пан-азиатские планы, вмешаться, объявив им войну. Однако мы надеемся еще вернуться к ним, разбудить Азию и с ее помощью вернуть народам покой и веру. Хочу надеяться, что, освобождая Монголию, я помогаю этой идее. - Он умолк и задумался, но вскоре вновь заговорил. Некоторые из моих соратников по движению не любят меня из-за так называемых зверств и жестокостей, - печально заметил он. Никак не могут уразуметь, что наш противник - не политическая партия, а банда уголовников, растлителей современной духовной культуры. Почему итальянцы не церемонятся с членами "Черной

руки"? Почему американцы сажают на электрический стул анархистов, взрывающих бомбы? А я что - не могу освободить мир от негодяев, покусившихся на душу человека? Я, тевтонец, потомок крестоносцев и пиратов, караю убийц смертью!... Назад! - скомандовал он шоферу.

Спустя полтора часа мы увидели огоньки Урги.

Глава тридцать седьмая. Лагерь мучеников

На въезде в город перед маленьким домиком стоял автомобиль.

- Что это значит? - выкрикнул барон. - Подъедем туда!

Наш автомобиль остановился рядом с другой машиной. Дверь дома распахнулась, наружу выскочили несколько офицеров и попытались незаметно ускользнуть.

- Назад, - приказал генерал. - Войти в дом! Офицеры повиновались, генерал, опираясь на трость, последовал за ними. Дверь осталась открытой, и я мог видеть и слышать все, что происходило в доме.

- Горе им! - прошептал шофер. - Офицеры, узнав, что барон покинул город - а это всегда надолго, - решили повеселиться. Он прикажет забить их палками до смерти.

Мне был виден краешек стола, заставленный бутылками и консервами. За столом сидели две молодые женщины, они вскочили при виде генерала. Раздался хриплый голос барона, он говорил короткими, рубленными фразами.

- Ваша родина гибнет... Это позор для всех русских людей... но вы не понимаете... не чувствуете этого... Думаете только о вине и женщинах... Негодяи! Подлецы!.. Сто пятьдесят палок каждому! Он перешел почти на шепот. - А вы, сударыни, отдаете себе отчет, что происходит с вашим народом? Нет? Для вас его будущее безразлично. Как и судьба ваших мужей на фронте, которых, возможно, уже нет в живых. Вы не женщины... Я глубоко почитаю настоящих женщин, их чувства сильней и глубже, чем у мужчин - но вы не женщины!.. Вот что, сударыни. Еще один такой случай - и я прикажу вас повесить...

Вернувшись к машине, он сам несколько раз надавил клаксон. Незамедлительно к нам подскакал солдат-монгол.

- Отведите этих людей к коменданту. О том, как с ними поступить, я сообщу позже.

Всю дальнейшую дорогу мы молчали. Барон был очень возбужден, тяжело дышал, закуривал сигарету за сигаретой, но, затянувшись пару раз, выбрасывал их.

- Не согласитесь ли поужинать со мной? - предложил он.

К ужину был также приглашен начальник штаба -усталый, застенчивый человек, прекрасно образованный. Слуги подали китайское горячее блюдо, холодное мясо и компот из Калифорнии. И, конечно же, чай. Ели мы с помощью палочек.

Барон был очень подавлен.

Я осторожно завел речь о провинившихся офицерах, пытаясь оправдать их поступок теми исключительно тяжелыми обстоятельствами, в которых они постоянно пребывают.

- Опустившиеся, деморализованные, насквозь прогнившие люди, - пробормотал генерал.

Начальник штаба поддержал меня, и в конце концов барон разрешил ему позвонить коменданту и распорядиться, чтобы этих господ отпустили с миром.

Весь следующий день я провел со своими друзьями, мы бродили по городу, захваченные его трудовой активностью. Энергичная натура барона заставляла его постоянно что-то предпринимать, его напряженное поле втягивало в себя и остальных. Он был повсюду, все видел, за всем следил, но никогда не вмешивался в дела подчиненных. Каждый выполнял свою работу.

Вечером меня пригласил к себе начальник штаба, у него я познакомился со многими просвещенными и умными офицерами. Мне пришлось еще раз поведать о своих злоключениях. Мы оживленно беседовали, когда в юрту неожиданно вошел, напевая себе под нос, полковник Сепайлов. Все тут же замолчали и под разными предлогами поспешили удалиться. Вручив хозяину какие-то бумаги, Сепайлов сказал нам:

- Могу прислать вам к ужину отличный рыбный пирог и немного томатного супа.

Когда он вышел, хозяин, в отчаянии обхватив руками голову, пожаловался:

- После революции нам приходится работать вот с такими подонками. Немного спустя солдат Сепайлова внес дымящуюся супницу и пирог с рыбой. Когда он расставлял на столе еду, начальник штаба, указав глазами на солдата, шепнул: - Обратите внимание на его лицо. Собрав освободившуюся посуду, солдат удалился. Убедившись, что он действительно ушел, хозяин сказал:

- Это палач Сепайлова.

Он вылил суп на землю рядом с жаровней, а пирог, выйдя из юрты, швырнул через забор.

- Даже в самых изысканных явствах, если их приносит Сепайлов, может быть яд. В его доме опасно есть и пить.

Я вернулся к себе, подавленный всем увиденным, хозяин еще не спал и встретил меня встревоженным взглядом. Мои друзья тоже были там.

- Слава Богу! - закричали они хором. - С вами все в порядке?

- А что случилось? - удивился я.

- Видите ли, - начал хозяин, - вскоре после вашего ухода явился солдат Сепайлова и забрал, якобы по вашей просьбе, вещи. Но мы-то знаем, что это означает:-они произведут обыск, а потом ...

Я понял, чего они опасались. Сепайлов мог подложить в багаж что угодно, а после обвинить меня во всех смертных грехах. Мы с агрономом тут же направились к Сепайлову; оставив друга на улице, я вошел в дом, где меня встретил тот же солдат, что приносил ужин. Сепайлов принял меня незамедлительно. Выслушав мой протест, он сказал, что это была ошибка и, попросив минутку обождать, вышел. Я ждал пять минут, десять, пятнадцать - никто не приходил. Постучал в дверь, но мне не ответили. Решив немедленно идти в барону Унгерну, дернул дверь. Заперта. Дернул другую - тот же результат. Я в ловушке! Хотел было, свиснув, дать знак своему другу, но тут увидел на стене телефон и позвонил барону Унгерну. Уже через несколько минут он появился вместе с Сепайловым.

- Что еще здесь происходит? - грозно спросил он Сепайлова и, не дожидаясь ответа, свалил его ударом ташура на пол.

Мы вышли вместе, и генерал приказал принести мои вещи. Он пригласил меня в свою юрту.

- Живите здесь, - сказал он. - Я даже рад этому случаю, добавил он с улыбкой, - теперь смогу полностью выговориться. Эти слова побудили меня задать вопрос: - Вы разрешите мне описать все, что я видел и слышал здесь?

Он немного подумал, прежде чем ответить:

- Дайте-ка записную книжку.

Я вручил ему блокнот с путевыми заметками, и он вписал в него следующие слова: "Только после моей смерти. Барон Унгерн".

- Но я старше вас, и поэтому уйду раньше, - возразил я. Закрыв глаза, барон покачал головой, прошептав:

- О, нет! Еще сто тридцать дней, и все будет кончено, а потом ... Нирвана! Если бы знали, как я устал - от горя, скорби и ненависти!

Мы помолчали. Я понимал, что обрел в лице полковника Сепайлова смертельного врага - нужно поскорее убираться из Урги. Было два часа ночи. Вдруг барон Унгерн встал.

- Поедем к великому и благому Будде, - предложил он в глубокой задумчивости; глаза его пылали, губы кривились в печальной, горькой усмешке.

Вот так жил этот лагерь мучеников-беженцев, теснимых событиями к неизбежной встрече со Смертью и подгоняемых ненавистью и презрением этого потомка тевтонцев и пиратов. А

он, ведущий их на заклание, не знал покоя ни днем, ни ночью. Подтачиваемый изнуряющими, отравленными мыслями, он испытывал титанические муки, зная, что каждый день в укорачивающейся цепи из ста тридцати звеньев подводит его все ближе к пропасти по имени "Смерть".

Глава тридцать восьмая.
Пред ликом Будды

Подкатив к монастырю, мы вышли из автомобиля и по лабиринту узких улочек добрались до главного храма Урги. Стены и окна в нем были выдержаны в тибетском стиле, крыша - по-китайски вычурна. У входа в храм горел фонарь. Тяжелые ворота, украшенные железной и бронзовой резьбой, были плотно закрыты. Генерал ударил в большой медный гонг, подвешенный к воротам - тут же со всех сторон стали сбегаться перепуганные монахи. Увидев "генерала-барона", они пали ниц, боясь поднять головы.

- Встаньте, - приказал генерал, - и впустите нас в храм.

Внутри святилище ничем не отличалось от других, виденных мной, ламаистских молелен, - те же разноцветные флажки с молитвами, символические знаки, лики святых, свисающие с потолка длинные шелковые ленты, статуи богов и богинь. Перед алтарем с обеих сторон тянулись красные низкие скамьи лам и хора. Свет от горящих у алтаря небольших светильников падал на золотые и серебряные курильницы и подсвечники. За ними висел тяжелый шелковый занавес с тибетскими письменами. Ламы отвернули его. В тусклом свете курительных свечей проступили очертания огромной позолоченной статуи Будды на лотосе. Только световые блики слегка оживляли лик равнодушно взирающего на страдания мира Бога. Его окружали тысячи маленьких Будд-статуэток, принесенных верующими в надежде, что Бог услышит их. Барон ударил в хонхо-молитвенный колокольчик, чтобы привлечь к себе внимание Будды, и бросил пригоршню монет в объемистый бронзовый сосуд. Затем потомок крестоносцев, прочитавший всех западных философов, закрыл глаза, приложил руки к лицу и погрузился в молитву. На его левом запястье я разглядел черные четки. .Он молился минут десять. Затем мы направились в другой конец монастыря, по дороге барон признался мне:

- Я не люблю этот храм. Он новый, ламы возвели его, когда Живой Будда ослеп. На лике позолоченного Будды я не вижу следов надежды, горя, слез и благодарности приходящих к нему людей. Они еще не успели проступить на лике Божества, прошло слишком мало времени. Сейчас мы идем к древнему Храму Пророчеств.

Мы уперлись в небольшую, потемневшую от времени кумирню, напоминавшую башню с простой круглой крышей.

Двери ее были настежь раскрыты. По обеим сторонам дверей установлены хурде - молитвенные колеса, которые вращали вручную, наверху медная пластина со знаками зодиака. Два монаха нараспев читали священные сутры, они не подняли глаз, когда мы вошли. Генерал, приблизившись к ним, попросил:

- Бросьте кости и назовите число отпущенных мне дней.

Монахи принесли два котелка с костями и высыпали их на низкий столик. Барон, сосчитав вместе с ними выпавшую сумму, воскликнул: - Сто тридцать! Опять сто тридцать!

Затем он вновь молился в алтаре у древней каменной статуи Будды, привезенной сюда из Индии. На восходе мы начали осмотр монастыря, посетили все храмы и усыпальницы, музеи при медицинской школе, астрологическую башню и, наконец, двор, где баньди и молодые ламы занимаются по утрам борьбой. Видели мы и место, где ламы упражняются в стрельбе из лука. Один из сановных лам накормил нас горячей бараниной, диким луком, напоил чаем.

Вернувшись в юрту генерала, я тщетно пытался заснуть. Меня изводили мысли. Где я нахожусь? В каком веке живу? Не в состоянии всего осмыслить, я только смутно ощущал соприкосновение с некоей великой идеей, грандиозным замыслом и не поддающейся описанию людской скорбью.

После обеда генерал сказал, что хотел бы представить меня Живому Будде. Получить аудиенцию у Живого Будды чрезвычайно трудно, и потому я был обрадован представившейся возможностью. Мы подъехали к полосатой - красно-белой - стене, окружавшей жилище Бога. Не менее двухсот лам в желтых и красных балахонах бросились приветствовать генерала ("Чан Чуна"), уважительно приговаривая при этом: "Хан! Бог войны!" Согласно правилам этикета, нас провели в просторный зал; полутьма, скрадывая размеры, придавала залу почти интимный вид. Тяжелые резные двери вели во внутренние покои дворца. В глубине зала, на возвышении, стоял трон с позолоченной красной спинкой, покрытый желтыми шелковыми подушками. С обеих его сторон стояли резные ширмы из китайского черного дерева, также затянутые желтым шелком; у стен располагалось несколько стеклянных горок с изящными безделушками из Китая, Японии, Индии и России. Среди них я разглядел изысканную парочку - маркиз и маркиза из великолепного севрского фарфора. Перед троном стоял длинный низкий стол, за которым сидели восемь высокородных монголов, одному из них - старику с умным живым лицом и большими проницательными глазами - оказывалось особенное уважение. Его облик напомнил мне деревянные изображения буддийских святых с глазами из драгоценных

камней, я видел такие в буддийском зале токийского Императорского музея, где монголы выставили на всеобщее обозрение статуи Будды-Амитабха, Дауничи-Будды, богини Каннон и изумительного Хотея.

Старик был хутухта Яхантси, глава Монгольского Совета министров, широко известный не только в Монголии, но и за ее пределами. Сидящие за столом ханы и родовитые князья Халхи были министрами. Яхантси-хутухта пригласил барона Унгерна сесть рядом с ним, мне же принесли стул европейского образца. Барон Унгерн объявил Совету министров через переводчика, что через несколько дней покинет пределы Монголии и призвал их защищать свободу, принесенную его войсками землям, населенным потомками Чингисхана, чья вечно живая душа взывает к монголам, требуя, чтобы они вновь обрели могущество и объединили завоеванные им азиатские племена в великое Средне-азиатское государство. Генерал поднялся, остальные последовали его примеру. Барон попрощался с каждым в отдельности, хотя и довольно сдержанно. Он низко поклонился лишь Яхантси-ламе, а хутухта, возложив руки на голову барона, благословил его. Из зала заседаний Совета мы сразу же направились в дом Живого Будды, выстроенный в русском стиле.

У дома толклись ламы в красных и желтых балахонах, слуги, советники, чиновники, предсказатели, доктора и приближенные. Длинная красная веревка тянулась из парадных дверей, другой ее конец был переброшен через забор, недалеко от ворот. Толпы паломников ползли на коленях к веревке и, коснувшись ее, вручали монаху шелковый хадак или немного серебра. Дотронуться до веревки, конец которой находится в руках богдохана, означает вступить в прямую связь с Живым Богом. Считается, что по этой веревке, сплетенной из конского волоса и верблюжьей шерсти, на верующего нисходит благодать. Всякий монгол, прикоснувшийся к мистической веревке, носит на шее красную ленту - знак паломничества к святыне.

Я много слышал о богдохане еще до личного знакомства. Мне рассказывали о его пристрастии к спиртному, в результате чего он ослеп, о привычке окружать себя западным комфортом, о жене, участвующей в его пьянках и принимающей за него многочисленных паломников.

Комната, которую богдохан использовал как свой кабинет, была обставлена с подчеркнутой простотой; двое лам днем и ночью сторожили здесь сундук, где хранились государственные печати. На низком лакированном столике лежали письменные принадлежности богдохана, а также обтянутый желтым шелком ларец с печатями, врученными ему китайским правительством и

далай-ламой. Тут же стояли мягкое кресло и бронзовая жаровня с выводной железной трубой; на стенах - изображения свастики, а также разные изречения на тибетском и монгольском языках; за креслом - небольшой алтарь с позолоченной статуей Будды, перед которой горели две свечи; на- полу -плотный желтый ковер.

Когда мы вошли, в комнате трудились только два секретаря, сам Живой Будда находился в собственной молельне, примыкавшей к кабинету; кроме богдохана туда разрешалось входить только канпо-гэлуну, чьей обязанностью было помогать Живому Будде во время свершения этих. одиноких богослужений. Один из секретарей сообщил нам, что богдохан был сегодня утром необычайно взволнован. В полдень он затворился в своей молельне. Долгое время слышался только его голос - богдохан исступленно молился; но вот кто-то другой ответил ему. С тех пор, объяснили нам ламы, шла беседа между Буддой земным и Буддой небесным.

- Подождем немного, - предложил барон. - Может быть, он скоро появится.

Во время ожидания генерал рассказал мне любопытнейшие вещи о Яхантси-ламе. По его словам, в спокойном состоянии Яхантси - обычный человек, но стоит ему разволноваться или глубоко задуматься, над его головой вырастает нимб.

Спустя полчаса секретари, прислушиваясь к звукам, доносящимся из молельни, стали проявлять признаки нарастающей тревоги. Потом они рухнули ниц. Дверь медленно раскрылась, и на пороге появился первый человек Монголии, Живой Будда, Его Преосвященство Богдо Джебтсунг Дамба хутухта, хан Внешней Монголии - тучный пожилой человек с бритым одутловатым лицом, чем-то напоминающий римских кардиналов. На нем был монгольский халат из желтого шелка с черным поясом; в широко раскрытых глазах слепого запечатлелись страх и изумление. Тяжело опустившись в кресло, он прошептал: -Пишите!

Один из секретарей мгновенно схватил бумагу и китайскую ручку и начал записывать за богдоханом его видение, которое тот облекал в сложные и запутанные фразы. Закончил диктовку он так:

- Вот что я, богдо-хутухта- хан, видел, беседуя с величайшим и мудрейшим Буддой в окружении добрых и злых духов. Мудрые ламы, хутухты, канпо, марамбы и святые гэгэны, растолкуйте нам это видение.

Произнеся последнюю фразу, он вытер со лба пот и спросил, кто дожидается его.

- Князь Чан Чун, барон Унгерн с незнакомцем, -ответил

секретарь, не поднимаясь с колен.

Генерал представил меня богдохану; тот в ответ приветливо кивнул головой. Между ними завязался тихий разговор. Сквозь распахнутую дверь виднелась часть молельни: большой стол, заваленный книгами -некоторые были раскрыты, книги валялись и на полу; жаровня с раскаленными углями; корзина с лопатками и внутренностями барана для гадания. Довольно скоро барон встал и склонился перед богдоханом в низком поклоне. Тибетец возложил руки ему на голову и зашептал слова молитвы. Затем снял с себя образок и повесил его барону на шею. - Ты не умрешь, а перейдешь в высшую форму бытия. Помни об этом воплощенный Бог войны, хан благодарной Монголии.

Итак, "кровавый генерал" получил от Живого Будды последнее благословение перед смертью.

За последующие два дня мне удалось вместе с другом богдохана, бурятским князем Джам Болоном трижды посетить Живого Будду. Об этих визитах я расскажу в четвертой части книги.

Барон Унгерн, как и обещал, подготовил все для нашего путешествия к тихоокеанскому побережью. Нам предстояло добираться на верблюдах до Северной Маньчжурии - так было легче избежать столкновения с китайскими властями, не определившими свое отношение к Польше и полякам. Я загодя, еще из Улясутая, направил депешу во французскую дипломатическую миссию Пекина, а кроме того держал при себе благодарственное письмо от китайской торговой палаты, где говорилось о моих усилиях по спасению Улясутая от погрома. Я намеревался выйти к ближайшей станции Восточно-китайской железной дороги и оттуда поездом ехать в Пекин. К нашему отряду присоединились датский торговец Е.В.Олафсен и направлявшийся в Китай просвященный лама-торгут.

Никогда не забыть мне ночи с девятнадцатого на двадцатое мая! После обеда барон Унгерн предложил мне перейти в юрту Джам-Болона, с которым я свел знакомство в первый же день своего пребывания в Урге. Юрта князя стояла на деревянном помосте вместе с другими юртами, разместившимися бок о бок с русским поселением. Нас встретили и провели к князю два офицера-бурята. Джам Болон был человеком среднего возраста, худощавым и высоким, с удлиненным лицом. До войны он пас овец, затем воевал под командованием барона Унгерна на германском фронте и сражался с большевиками. Его, Великого князя Бурятии, потомка бурятских владык, свергли с престола российские власти после попытки провозгласить независимость родины. Слуги внесли блюда с орехами, изюмом, финиками,

сыром и подали горячий чай.

- Вот он и наступил, последний вечер, - сказал барон Унгерн. - Вы обещали мне...

- Я не забыл, - отозвался бурят. - Все готово.

Они заговорили о пережитом - былых сражениях, павших друзьях. Я внимательно слушал. Около полуночи Джам Болон встал и вышел из юрты.

- Хочу еще раз узнать свою судьбу, - сказал, как бы оправдываясь, барон Унгерн. - Рано умирать - дело еще не закончено...

Джам Болон вернулся с маленькой женщиной среднего возраста; усевшись перед огнем по-восточному, на корточках и поклонившись, она впилась взглядом в барона. Лицо ее было белее и тоньше, чем у типичной монголки, глаза черные и проницательные. Одеждой она напоминала цыганку. Позже я узнал, что она слыла у бурятов великой гадалкой и прорицательницей, по матери в ней текла цыганская кровь. Женщина вытащила из сумы небольшой мешочек, извлекла из него пучок сухой травы и птичьи кости. Бросая в огонь траву, она что-то шептала себе под нос. По юрте распространилось пряное благовоние, от которого у меня закружилась голова и застучало сердце. Трава сгорела, и тогда гадалка положила на угли птичьи кости и стала осторожно переворачивать их с боку на бок бронзовыми щипцами. Когда они почернели, женщина начала внимательно их изучать; лицо ее все больше мрачнело, а затем исказилось страхом и болью. Сорвав с головы платок, она задергалась в судорогах, отрывисто выкрикивая отдельные слова.

- Вижу... Вижу Бога войны... Жизнь уходит из него... ужасно... Потом тень... черная, как ночь... Тень... Осталось сто тридцать шагов... И мрак... Больше ничего... Я ничего не вижу... Бог войны исчез...

Барон понурил голову. Женщина упала навзничь, раскинув руки. Казалось, она была в глубоком обмороке, но мне почудилось, что из-под ресниц блеснул на мгновение живой зрачок. Два бурята вынесли безжизненное тело, а в юрте князя воцарилось молчание. Наконец барон Унгерн вскочил на ноги и стал кружить вокруг жаровни, что-то шепча. Затем, остановившись, быстро заговорил:

- Я умру! Умру!.. Но это неважно, неважно... Дело начато, и оно не погибнет... Я предвижу, как оно будет продвигаться. Потомки Чингисхана разбужены. Невозможно погасить огонь в сердцах монголов! В Азии возникнет великое государство от берегов Тихого и Индийского океанов до Волги. Мудрая религия Будды распространится на северные и западные территории. Дух

победит! Появится новый вождь -сильнее и решительнее Чингисхана и Угедей-хана, умнее и милостивей султана Бабера[39]; он будет держать власть в своих руках до того счастливого дня, когда из подземной столицы поднимется Царь Мира. Почему, ну почему в первых рядах воителей буддизма не будет меня? Почему так угодно Карме? Впрочем, значит, так надо! А России нужно прежде всего смыть с себя грех революции, очиститься кровью и смертью, а все, признавшие коммунизм, должны быть истреблены вместе с их семьями, дабы вырвать грех с корнем.

Барон взмахнул рукой, как бы отдавая последнее приказание или наставление кому-то невидимому.

Занимался новый день.

- Мне пора! - сказал генерал. - Я оставляю Ургу.

Он крепко пожал нам руки и добавил:

- Прощайте навеки! Пусть я умру ужасной смертью, но прежде устрою такую бойню, какую мир еще не видел - прольется море крови.

Дверь юрты захлопнулась - барон ушел. Больше я никогда его не видел.

- Мне тоже пора - я уезжаю сегодня.

- Знаю, - отозвался князь, - именно поэтому генерал и оставил вас со мной. У вас будет еще один попутчик - военный министр Монголии. Это крайне важно для вас. Джам Болон произнес последнюю фразу, делая акцент на каждом слове. Я не задавал никаких вопросов, привыкнув уже к атмосфере загадочности в этой стране, полной таинственных духов -добрых и злых.

Глава тридцать девятая. "Человек с головой, похожей на седло"

Напившись чаю в юрте Джам Болона, я направился верхом к себе на квартиру, чтобы собрать немудреные пожитки. Лама-тургут уже там.

- С нами поедет военный министр, - прошептал он. - Так надо.

- Хорошо, - отозвался я и поехал предупредить Олафсона. Тот же неожиданно объявил, что намеревается задержаться в Урге еще на несколько дней. Роковое решение, как я узнал спустя месяц: Сепайлов, оставшийся после отъезда барона Унгерна комендантом Урги, расстрелял его. Место торговца занял в нашем отряде военный министр - крепкий молодой монгол. Примерно в шести милях от города нас нагнал автомобиль. Заметив его издали, лама весь как-то съежился и взглянул на меня со страхом. Оказавшись снова в привычной атмосфере опасности, я расстегнул кобуру и спустил револьвер с предохранителя. Автомобиль остановился рядом с нашим караваном. В нем сидел, широко улыбаясь, Сепайлов вместе со своими палачами - Чистяковым и Ждановым. Сепайлов любезно приветствовал нас, поинтересовавшись:

- Вы будете менять лошадей в Казахудуке? Мы доберемся туда по этой дороге? Мне нужно нагнать посланца, а я толком не знаю пути.

Военный министр заверил его, что мы будем в Казахудуке уже к вечеру и подробно объяснил дорогу. Вскоре мотор заглох вдали, а когда автомобиль появился вновь на горизонте, еле заметный на вершине холма, близ перешейка, министр приказал одному из монголов поскакать вперед и откуда проверить, не остановилась ли машина по другую сторону горы. Монгол, стегнув своего скакуна, умчался. Мы медленно продвигались вперед.

- Что случилось? - спросил я. - Объясните, пожалуйста.

И тут министр рассказал мне, что Джам Болону вчера доложили, что Сепайлов собирается убить меня в пути. Он подозревал, что именно я настроил против него барона. Джам Болон тут же доложил барону о возможном покушении и тот распорядился выделить для моей защиты дополнительных людей. Тем временем вернулся посланный на разведку монгол; по его словам, ничего подозрительного он не обнаружил.

- А вот теперь, - сказал министр, - мы поедем совсем другим путем, и пусть полковник тщетно поджидает нас в Казахудуке.

Мы повернули на север, к Ундур-Добо, и к вечеру добрались до урочища местного князя. Здесь мы расстались с министром, получили свежих лошадей и продолжили наш путь на восток, оставив позади "человека с головой, похожей на седло", против которого меня так упорно предостерегал старик-предсказатель близ Ван-Куре.

Через двенадцать дней благополучного без всяких приключений путешествия мы вышли к одной из станций Восточно-китайской железной дороги, я с непривычным ощущением позабытого комфорта последовал в Пекин.

* * *

Удобно расположившись в фешенебельной пекинской гостинице и постепенно утрачивая внешние признаки скитальца, охотника и воина, я, однако, все еще находился под сильным впечатлением девяти дней, проведенных в Урге в обществе барона Унгерна, "Живого Бога войны". Обращали мои мысли к тем дням и газеты, подробно описывавшие кровавый марш барона по Прибайкалью. Даже теперь, по прошествии семи месяцев, эти безумные ночи, полные вдохновения и ненависти, стоят у меня перед глазами.

Предсказание сбылось. Приблизительно сто тридцать дней спустя большевики захватили в плен барона Унгерна, преданного своими офицерами. По слухам, его казнили в конце сентября.

Барон Унгерн фон Штернберг... Кровавым мечом карающей Кармы прошел он по Центральной Азии. Что оставил он после себя? Его приказ по армии заканчивался словами из Откровения святого Иоанна Богослова:

- Не сдерживайте своей мести, пусть прольется она на осквернителей и убийц души русского народа! Революцию нужно искоренить на Земле. Именно против нее предостерегал нас святой Иоанн Богослов в своем "Откровении": "И жена была облечена в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодейства ее; и на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным. Я видел, что жена упоена была кровью святых и кровью свидетелей Иисусовых ...".

Документ этот - свидетельство русской и, возможно, мировой трагедии.

Но остались и более впечатляющие следы.

В бурятских, монгольских и джунгарских юртах, у киргизских, калмыцких и тибетских костров стали слагать

легенды об этом сыне крестоносцев и пиратов:

- Пришел с севера белый воин и призвал монголов разбить цепи рабства, сковавшие свободолюбивый народ. В воина вселилась душа Чингисхана; он предсказал приход могучего вождя, который много сделает для торжества чистой буддийской веры и прославит потомков Чингисхана, Угедей-хана и Хубилая.

Да сбудутся его слова! Что ж, на земле воцарился бы мир, если бы азиаты показали себя учениками мудрых правителей - Угедея и султана Бабера, а не действовали, одержимые "злыми демонами", во власти которых пребывал разрушитель Тамерлан.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.
ЖИВОЙ БУДДА

Глава сороковая.
В блаженном саду тысячи утех

В Монголии, стране множества чудес и загадок, живет главный хранитель всего неведомого и таинственного - Живой Будда, Его Святейшество Джебтсунг Дамба-хутухта-хан или богдо-гэгэн, первосвященик Та-Куре. Он земное воплощение вечноживого Будды, представитель непрерывной мистически продлеваемой линии духовных императоров, чье правление исчисляется с 1670 года; они сочетают в себе утонченный дух Будды Амитабха[40] с Чан-ра-зи /"сострадающим духом гор"/. Он - средоточие всего: "солнечных" мифов и захватывающих тайн Гималаев; сказочных индийских пагод и мрачного могущества монгольских завоевателей - императоров всей Азии; древних зыбких притч китайских мудрецов и глубокой мысли брахманов; строгости жизни монахов из "Ордена целомудрия" и мстительности вечных кочевников олетов с их ханами - Батур-Хун-Тайги и Гуши; славного наследия Чингисхана и Хубилай-хана и реакционно-клерикального умонастроения лам; тайн зловещей желтой секты Паспы и тибетских царей, начиная со Сронг-Цанг Гампо. За Живым Богом Урги встает в дымке веков история Азии, Монголии, Памира, Гималаев, Месопотамии, Персии и Китая. Неудивительно, что имя его почитаемо на Волге, в Сибири, Аравии, Междуречье, Индокитае и даже на берегах Северного Ледовитого океана.

За время своего пребывания в Урге я несколько раз побывал у Живого Будды, беседовал с ним и наблюдал его жизнь. Ученые марамбы, его любимцы, подробно рассказывали мне о нем. Я видел его за составлением гороскопов, слышал его предсказания, познакомился с архивом, в котором хранились старинные книги и рукописи, сохранившие жизнеописания и предсказания всех богдоханов. Ламы были со мной вполне откровенны: послание хутухты из Нарабанчи помогло обрести их доверие.

Личность Живого Будды произвела на меня двойственное впечатление, но ведь все в ламаизме имеет двойную сторону. Умный, проницательный, энергичный, он одновременно подвержен безудержному пьянству, от чего и ослеп. Когда с ним случилось это несчастье, ламы пришли в отчаяние. Некоторые предлагали отравить богдохана, заменить его другим Живым Буддой, другие напоминали о больших заслугах первосвященника в глазах монголов и всех приверженцев "желтой веры". Стремясь умилостивить богов, воздвигли огромный храм с гигантской

статуей Будды. Это, однако, не вернуло зрение богдохану, но инцидент подвиг его помочь тем ламам, которые намеревались радикально решить проблему с его слепотой, самим побыстрее перейти в новые, более высокие формы бытия.

Живой Будда постоянно заботится о процветании церкви и самой Монголии и одновременно занимается всякими пустяками. Одно из его увлечений - артиллерия. Отставной русский офицер как-то подарил ему две старые пушки, за что получил титул "Тумбаир Хун", что означает "князь близкий моему сердцу'" По праздникам из орудий палили - к величайшей радости слепого. Автомобили, граммофоны, картины, духи, музыкальные инструменты, редкие звери и птицы - слоны, гималайские медведи, обезьяны, индийские змеи и попугаи - всякими такими диковинами увлекались во дворце "Бога", затем, насытившись, забывали о них.

В Ургу тек непрерывный поток паломников и подарков со всех концов ламаистского и буддийского мира. Однажды казначей дворца, почтенный Балма Дорьи привел меня в просторный зал, где хранились дары. Я увидел настоящую сокровищницу, уникальный музей; такому собранию раритетов позавидовал бы любой европейский музей. Отпирая серебряный замок сундука, казначей говорил:

- Вот здесь золотые самородки с Бей-Кема; а тут - черные соболя из Кемчика; вот чудодейственные оленьи рога, а вот - присланный орхонами ларец, в нем корни женьшеня и благоуханный мускус; здесь янтарь с берегов "замерзающего моря", его вес сто двадцать четыре лана (около десяти фунтов), а также драгоценные камни из Индии и резная слоновая кость из Китая.

Он показал мне все экспонаты, помногу и с удовольствием рассказывая о них. И они действительно были великолепны! Мои глаза останавливались то на связках редких мехов - белых бобров, черных соболей, белых, голубых и чернобурых лис, черных барсов; то на миниатюрных черепаховых ларцах, в которых, однако, умещались хадаки из тончайшего, как паутинка, индийского шелка, длиной от десяти до пятнадцати ярдов; то на полных жемчужин мешочках из тканой золотом пряжи - подарках индийских радж; то на бесценных перстнях с рубинами и сапфирами -подношениях из Китая и Индии; то на больших камнях жадеита, неотшлифованных бриллиантах; то на инкрустированных золотом, жемчугом и драгоценными каменьями слоновых бивнях; то на красочных одеяниях, шитых золотом и серебром; то на моржовых бивнях с резными орнаментами, выполненными первобытными художниками с

берегов Берингова моря, и еще на многом другом, о чем не имею времени поведать. В отдельной комнате стояли статуэтки Будд, изготовленные из золота, серебра, бронзы, слоновой кости, перламутра, а также из редких пород и оттенков дерева.

- Как вам известно, завоеватели, приходя в страну, где почитают богов, всегда разбивают их изображения. Так случилось более трехсот лет назад, когда калмыки вошли в Тибет, то же самое повторилось и в 1900 году, когда европейские войска заняли Пекин. А знаете, почему они так поступают? Возьмите любую статуэтку и внимательно осмотрите ее.

Я взял ближайшего ко мне деревянного Будду и начал тщательно изучать его. Внутри он был полый, там что-то перекатывалось. - Слышите? - спросил лама. - Там драгоценные камни и слитки золота - внутренности бога. Вот почему завоеватели разносят вдребезги кумиров. Многие известные на весь мир драгоценности извлечены из лона индийских, вавилонских и китайских божеств.

Библиотека занимала во дворце несколько комнат, на полках стояли книги и рукописи разных эпох - на многочисленных языках и на всевозможнейшие темы. Многие из них ветшали и рассыпались; чтобы замедлить этот процесс, ламы пропитывали страницы и корешки особым укрепляющим раствором. Там же хранились глиняные таблицы с клинописью, очевидно вавилонского происхождения; китайские, индийские и тибетские книги соседствовали с монгольскими; среди них я видел фолианты буддийских канонических сочинений - "чистого" буддизма, книги "красных шапок" - "искаженного" буддизма и "желтой секты" ламаистского буддизма; а также сборники преданий, легенд и притч. Ламы самым тщательным образом изучали эти документы и переписывали от руки, стремясь сохранить древнюю мудрость для своих преемников.

В отдельной комнате хранились тайные книги по магии, а также жития и труды тридцати одного Живого Будды, буллы далай-ламы, первосвященника Таши Лумпо, хутухты Утая из Китая, пандита-гэгэна Дулунора из Внутренней Монголии и Ста китайских мудрецов. Только сам богдо-хутухта и марамба Та-Римпо-Ча могли посещать это хранилище тайного знания. Ключи от него покоились в сундуке, стоящем в личных покоях Живого Будды вместе с печатями и рубиновым перстнем Чингисхана с вензелем в виде свастики.

В окружение его Святейшества входят пять тысяч лам разного ранга - от простых слуг до советников "Бога", составляющих правительство. В их числе -все четыре монгольских хана и пять наиболее родовитых князей.

Наибольший интерес представляют три категории лам, об этом мне сказал сам Живой Будда во время моего визита к нему с Джам Болоном.

"Бог" сетовал по поводу растущей распущенности лам, предпочитающих вести жизнь в праздности и роскоши, что способствовало снижению в их среде числа ясновидцев и предсказателей:

- Если бы монастыри Яханси и Нарабанчи не сохраняли в первоначальной строгости устав, в Та-Куре вовсе не было бы пророков и вещунов. Ведь боги забрали от нас Барун Абага Нара, Дорчюл-Джурдока и других святых лам, прозревавших то, что сокрыто от взора простых людей.

Эта категория лам очень почитаема - ведь каждого именитого гостя Урги непременно покажут ламе-предсказателю, часто втайне от самого гостя, чтобы богдо-хутухта, располагая сведениями о прошлом и будущем гостя, знал, как его принять и как держаться с ним в дальнейшем. Обычно предсказатели - худые, изможденные старики, ведущие аскетическую жизнь, хотя встречаются среди них и молодые люди, почти дети. Это те же хубилганы, "воплощенные боги" - будущие хутухты и гэгэны монгольских монастырей.

Вторая категория - врачи или Та-ламы. Они изучают действие на людей различных растительных и животных снадобий, сохраняют рецепты и методы древней тибетской медицины, совершенствуют свои знания в области анатомии, не имея понятия о вивисекции и скальпеле. Они искуснейшие костоправы, массажисты, великие мастера в гипнозе и животном магнетизме.

Третья категория - так называемые, врачи-отравители, "доктора политической медицины", большие знатоки своего дела, в основном тибетцы и калмыки. Они живут отдельно от своих коллег и являются мощным молчаливым орудием в руках Живого Будды. Мне говорили, что почти все они немые. Я видел одного такого медика - того самого, что отравил врача, посланного китайским императором для "ликвидации" Живого Будды. Это был крошечный, белый как лунь старикашка с пучком редких седых волос на подбородке и необычайно живыми глазами, они так и бегали по сторонам. Стоило ему заявиться в какой-нибудь монастырь, как местный "Бог" тут же переставал пить и есть, опасаясь сюрпризов от этого монгольского Локуста. Но несчастный был все равно обречен - его, избранную богдоханом жертву, могли убить с помощью пропитанных отравленным раствором шапочки, рубашки, туфель, четок, уздечки, книги и различных предметов религиозного культа.

Слепого первосвященника окружают безграничное почитание

и преданность - при аудиенции все падают перед ним ниц. Ханы и хутухты подползают к нему на коленях. Он весь окутан древней восточной тайной. Этот вечно пьяный слепец, с восторгом слушающий набившие оскомину оперные арии, любящий попугать своих слуг током от динамомашины, жестокий старик, не моргнув глазом убирающий своих политических врагов, лама, держащий народ в невежестве и обманывающий его своими пророчествами и предсказаниями, наделен тем не менее сверхестественными способностями.

Однажды мы сидели в его личных покоях, и князь Джам Болон переводил богдохану мой рассказ о мировой войне. Старик внимательно следил за рассказом, а потом вдруг, широко раскрыв невидящие глаза, начал прислушиваться к неким доносящимся извне звукам. Лицо его приняло почтительно-просительное и испуганное выражение.

- Меня призывают боги, - прошептал он и медленно прошаркал в свою молельню, где около двух часов, застыв на коленях, как изваяние, молился вслух. Молясь, он беседовал с невидимыми богами, задавал им вопросы, на которые сам же и отвечал. Вновь появился он перед нами бледный и обессилевший, но радостный и духовно просветленный. Так свершается его личная молитва. Во время храмовых богослужений он не возносит вместе с другими молитвы богам, ибо сам является тогда "Богом". Его вносят на троне в алтарь, и ламы вместе с прочими верующими оказывают ему божеские почести. К нему посылают люди молитвы, надежды, перед ним льют слезы, делясь горестями и бедами, он же выслушивает все невозмутимо, глядя прямо перед собой острыми, блестящими, хотя и невидящими глазами. Во время службы ламы меняют на нем одежды и венцы, комбинируя различные сочетания желтого с красным. Заключает богослужение торжественная церемония: Живой Будда благословляет присутствующих, поворачиваясь поочередно во все стороны света, и наконец замирает, простирая длани к северо-западу, то есть к Европе, куда, согласно заветам Желтой веры, будет распространяться учение мудрейшего Будды.

После собственной сердечной молитвы или долгих храмовых служб богдохан обычно взволнован и часто призывает секретарей, диктуя им свои пророчества и видения - всегда запутанные и неясные, которые сам он предпочитает не растолковывать.

Иногда со словами - "души вступают со мной в связь" он облачается в белоснежнейшие одежды и идет в свою молельню. Тогда врата дворца наглухо запираются, а ламы погружаются в состояние священного, мистического ужаса; они молятся, перебирая четки и повторяя шепотом: "Да пребудет вечно

Великий лама на цветке лотоса!", вращают молитвенные колеса или изгоняют злых духов; астрологи составляют гороскопы; ясновидцы заносят на бумагу свои видения, а марамбы раскрывают древние книги, пытаясь найти объяснение словам Живого Будды.

Глава сорок первая.
Пыль веков

Случалось ли вам бывать в затянутых паутиной и плесенью подвалах древних замков где-нибудь в Италии, Франции или Англии? Вот где сокрыта пыль веков! А ведь она могла касаться лиц, шлемов или мечей императора Августа, Людовика Святого, Великого инквизитора, Галилея или короля Ричарда! При мысли об этом сердце бьется быстрее и вы начинаете чувствовать уважение к этим немым свидетелям минувших веков. Похожее чувство пережил я в Та-Куре, но оно было глубже и реалистичней. Ведь жизнь здесь за восемь столетий почти не изменилась - люди живут прошлым, а современность, грубо вторгаясь в рутину жизни, только усложняет ее, препятствуя нормальному развитию.

- Сегодня великий день, - сказал в один из моих приходов Живой Будда, - день торжества буддизма над прочими религиями. Это случилось давно. В этот день хан Хубилай призвал к себе лам, молящихся разным богам, и потребовал, чтобы они открыли ему, как и во что они верят. Они, как могли, расхваливали своих богов и священников. Разгорелся спор. Только один лама хранил молчание. Наконец он, насмешливо улыбнувшись, сказал:

- Великий император! Прикажи каждому из нас продемонстрировать мощь своих богов, совершив чудо, а потом уж суди, чей Бог лучше.

Хубилай-хан, последовав совету, приказал ламам показать, на что способны их боги, но сконфуженные ламы только молчали, расписавшись в собственном бессилии.

- Тогда сам покажи могущество твоих богов, -сказал император ламе, поставившему такое условие.

Лама, не говоря ни слова, посмотрел на императора долгим взором, затем перевел взгляд на всех собравшихся и простер перед собой руки. В ту же минуту золотой кубок императора оторвался от стола и поплыл к губам властелина. Сделав глоток, император почувствовал сладостный вкус напитка. Все стояли как громом пораженные, а император произнес: - Твой Бог станет и моим Богом; ему будут молиться все мои подданные. Но расскажи, какой ты веры? Кто ты и откуда пришел?

- Учение мудрейшего Будды, - моя вера. А сам я - пандита-лама, Туржо Гамба, из далекого и славного монастыря Сакья в Тибете, где обитает воплощенный в человеческом теле дух великого Будды, его мудрость и сила. Знай, император, народы принявшие буддизм, распространят свою власть на страны Запада

и через восемь веков и одиннадцать лет наша вера одержит победу над всеми остальными верованиями. - Вот что произошло в сегодняшний день много столетий назад! Лама Туржо Гамба не вернулся в Тибет, а обосновался в Та-Куре, где в то время действовал лишь один маленький храм. Отсюда он ездил к императору в Каракорум, а затем вместе с ним в столицу Китая, постоянно укрепляя могущественного властелина в вере, провидя положение государственных дел и просвещая его в соответствии с волей Бога.

Живой Будда замолчал, прошептал молитву и затем продолжал:

- Урга, древнейшая колыбель буддизма... Вместе с воинством Чингисхана на завоевание европейского континента отправились олеты или калмыки. Они не вернулись и почти столетия жили на российских просторах. Когда же ламы "желтой веры" призвали их на борьбу с властителями Тибета - "красношапочниками", угнетавшими народ, они откликнулись на зов. Калмыки защитили "желтую веру" и тогда же поняли, что Лхаса слишком далека от остального мира и вряд ли сможет распространить оттуда свою веру по всему свету. Поэтому калмыцкий хан Гуши привез из Тибета святого ламу, Ундур-гэнэна[41],видевшего самого Царя Мира. С этого времени богдо-гэгэн жил постоянно в Урге, став борцом за свободу Монголии и покровителем китайских императоров монгольского происхождения. Ундур-гэгэн стал первый Живым Буддой на монгольской земле. Нам, своим преемникам, он оставил кольцо Чингисхана, посланное старинной книги. Лама забубнил: - Когда Гуши-хан, вождь олетов Хубилай-ханом далай-ламе в знак восхищения показанным Туржо Гамбой чудом; оставил и кубок, изготовленный из черепа загадочного индийского мага, великого чародея, из него пил во время храмовых церемоний король Тибета Стронгцан - пил шестнадцать веков тому назад; а также высеченную из камня древнюю статую Будды, привезенную из Дели основателем "желтой веры" Паспой.

Богдо хлопнул в ладоши, и тут же один из секретарей подал ему завернутый в красный платок большой серебряный ключ, которым он открыл сундук, где хранились печати. Живой Будда запустил в него руки и вытащил небольшой ларчик слоновой кости, из которого извлек крупное золотое кольцо с великолепным рубином, вправленным в свастику.

- Это кольцо постоянно носили на правой руке Чингисхан и Хубилай-хан.

Секретарь запер сундук; затем богдо приказал пригласить в покои его любимого марамбу, чтобы тот прочитал несколько

страниц из лежащей на столе или калмыков, разбил "красношапочников', он привез с собой чудодейственный "черный камень", посланный далай-ламе Царем Мира. Гуши-хан собирался основать в Западной Монголии столицу "желтой веры", но олеты в это время находились в состоянии войны с императорами из маньчжурской династии за китайский трон и терпели одно поражение за другим. Последний хан олетов, Амурсана, бежал в Россию, но перед побегом успел переправить священный "черный камень" в Ургу. Пока камень оставался в Урге, и Живой Будда благословлял им народ, болезни и прочие беды обходили монголов и их скот. Но сто лет назад священный камень похитили, и с тех пор буддисты тщетно ищут его по всему свету. После его исчезновения монгольский народ стал постепенно вымирать.

- Хватит! - оборвал ламу богдо-гэгэн. - Соседи презирают нас. Они забыли, что когда-то мы были их господами, но ничего - мы поддерживаем наши древние традиции, и потому непременно наступит день торжества для монгольских народов и "желтой веры". У нас есть подлинные хранители веры - буряты. Они оберегают заветы Чингисхана.

Вот что говорили Живой Будда и старинные книги.

Глава сорок вторая. Книги чудес

Князь Джам Болон попросил марамбу показать нам библиотеку Живого Будды. Там были собраны книги, в которых рассказывалось о чудесах, творимых Живыми Буддами прошлого и настоящего, начиная с Ундур-гэгэна и кончая гэгэнами и хутухтами - настоятелями разбросанных по всей Монголии монастырей. Копии книг рассылались по ламаистским монастырям, храмам, школам баньди. Марамба прочитал наугад два отрывка:

- Блаженный богдо-гэгэн дохнул на зеркало. И тут же на его поверхности, словно в дымке, проступила долина, где бились тысячи воинов... - Любимец богов, мудрейший Живой Будда, воскуряя фимиам, просил богов открыть, что сулит будущее князьям. Неожиданно в клубах голубоватого дыма все увидели мрачную темницу и мертвенно бледные, изуродованные тела убиенных князей...

Одна из книг, с которой сняли уже более тысячи копий, была посвящена чудесам, сотворенным нынешним Живым Буддой. Князь Джам Болон познакомил меня с некоторыми из них.

- У нас есть здесь старинное деревянное изображение Будды с открытыми глазами. Его вывезли из Индии; богдо-гэгэн установил Будду в алтаре и молился перед ним. Однажды, вернувшись из молельни, он приказал вынести оттуда статую. Когда приказ был исполнен, все застыли в изумлении: глаза Бога были теперь закрыты, по щекам струились слезы, а из дерева потянулись зеленые ростки. И тогда богдохан изрек: "Меня ожидают одновременно горе и радость. Я ослепну, а Монголия будет свободной" Пророчество это сбылось. Был еще один случай. Живой Будда казался очень взволнованным, он повелел принести таз с водой и поставить его перед алтарем. Призвав лам, он приступил к молитве. Вдруг свечи и фонарики зажглись сами по себе, а вода в тазу начала колыхаться.

Еще князь рассказал мне, что богдохан гадает на свежей крови, на поверхности которой проступают слова и картины; на внутренностях овец и коз - по их расположению он провидит судьбу князей и читает их мысли; на камнях и костях, угадывая по ним людской жребий; а также по звездам - следя за их расположением, Живой Будда изготовляет амулеты от пуль и различных болезней.

- Предыдущий богдохан предсказывал судьбу только с

помощью "черного камня", - сказал марамба. - На нем появлялись тибетские надписи, богдохан читал их и провидел судьбы целых народов.

Когда марамба упомянул о проступающих на "черном камне" тибетских надписях, я подумал, вспомнив один случай, что это весьма возможно. На юго-востоке Урянхайского края, где-то в районе Улан-Тайги я как-то набрел на залежи гниющего черного сланца. Камни покрывал белесый налет - замысловатый узор вызывал в памяти венецианские кружева или таинственные рунические письмена. На мокром камне эти узоры исчезали, на сухом - проступали вновь.

Никто не имеет права обращаться к Живому Будде с просьбой предсказать судьбу. Он занимается этим только по вдохновению или по просьбе далай-ламы или таши-ламы. Когда русский царь Александр 1 попал под влияние мистически настроенной баронессы Крюденер, он отрядил к Живому Будде специального посланца с просьбой открыть монарху его судьбу. Богдохан, тогда еще совсем молодой человек, предсказал по "черному камню", что царь окончит свои дни всеми гонимый - в скитаниях и забвении.

В России и сейчас простой народ верит, что Александр 1 провел последние годы жизни, бродяжничая по России и Сибири под именем Федора Кузьмича, помогая страждущим, утешая арестантов и нищих. По преданию, старец умер в Томске, там и сейчас стоит дом, где он жил перед смертью; могила его свято почитается, к ней стекаются паломники, там свершаются чудеса. Представители династии Романовых не скрывали свой интерес к личности Федора Кузьмича, что еще больше укрепило всех в убеждении, что тот действительно был Александром I, добровольно принявшим обет бедности и смирения.

Глава сорок третья.
Рождение Живого Будды

Живой Будда не умирает: в день его формальной смерти душа его переселяется в новорожденного младенца, но она может перейти в другое существо и во время жизни Будды. Новое земное воплощение священного духа Будды почти всегда рождается в бедной тибетской или монгольской семье. И это оправдано. Ведь если Буддой станет отпрыск богатой княжеской семьи, это будет способствовать возвышению рода и может привести к неповиновению священослужителям (в прошлые века такое случалось), в то время как бедная неродовитая семья, подарившая наследника трона Чингисхана, дорвавшись до богатств, с готовностью подчиняется ламам. Только трое или четверо Живых Будд имели чисто монгольское происхождение, остальные были тибетцами. Лама-хан Яссакту, советник Живого Будды, рассказал мне следующее:

- В монастыри Лхасы и Таши-Люмбо[42] постоянно идут сообщения из Урги о здоровьи Живого Будды Когда земная оболочка его старится и дух Будды стремится вырваться на свободу, в тибетских храмах проводят особые торжественные богослужения, тщательно изучаются астрологические гороскопы. В результате называются имена нескольких благочестивых лам, которым поручают установить, где именно свершится следующее воплощение Будды. Ламы пускаются в путешествие по стране и ведут тщательное наблюдение. Иногда сам Бог посылает им знаки. Это может быть белый волк, объявившийся у юрты бедного пастуха, или родившийся с двумя головами ягненок, или упавший метеорит. Некоторые ламы читают имя нового богдохана на чешуе рыбы из священного озера Тангри-нур; другим место поисков и имя нового перерождения открывается на трещинах камней; третьи, удалившись в глухие горные ущелья, вслушиваются в голоса духов гор, стараясь расслышать имя нового избранника Богов. Когда кандидат найден, о его семье тайно собирается вся доступная информация, а результаты расследования передаются для окончательного решения образованнейшему Таши-ламе по имени Эрдени (что означает "сокровищница познаний"). Если он одобряет выбор, то шлет тайное послание далай-ламе, который совершает тогда жертвоприношение в храме "Дух гор" и ставит на послание таши-ламы свою большую печать - в знак согласия с результатами выборов.

Если прежний Живой Будда еще жив, имя его преемника держится в тайне; если же дух Будды уже покинул тело богдохана, из Тибета в Ургу направляются особые посыльные, везущие нового Живого Будду. Так же происходят выборы гэгэнов и хутухт в ламаистских монастырях Монголии, но в этом случае кандидатуру утверждает Живой Будда, а в Лхасу сообщают лишь о принятом решении.

Глава сорок четвертая. Место, занимаемое в истории теперешним Живым Буддой

Нынешний богдохан внешней Монголии по происхождению тибетец, выходец из бедной семьи, живущей в окрестностях Сакья-Куре, что в западном Тибете. С юных лет он славился своим пылким, энергичным характером. Богдохан одержим идеей независимости и величия Монголии, продолжением дела Чингисхана. Этим он добился влияния у лам, князей и монгольских ханов, а также у русских властей, стремящихся привлечь его на свою сторону. Он не побоялся оказаться в немилости у маньчжурской династии Китая, но всегда мог рассчитывать на помощь России, Тибета, бурятов и киргизов, снабжавших его деньгами, оружием, воинами и оказывающих дипломатическую поддержку. Китайские императоры побаивались вести открытую войну с Живым Буддой -это могло не понравиться местным буддистам. Как-то они направили к богдохану искусного врача-отравителя, но Живой Будда тут же понял подноготную этой медицинской помощи и, зная о силе азиатских ядов, решил в срочном порядке предпринять путешествие по тибетским и монгольским монастырям. Вместо себя он оставил хубилгана, который свел дружбу с китайским доктором и выпытал у него цель его посещения. Вскоре китаец по непонятным причинам скончался, и Живой Будда вернулся в свою комфортабельную резиденцию.

Был еще один случай, когда жизни богдохана угрожала опасность. В Лхасе решили, что Живой Будда проводит слишком уж независимую от Тибета политику. Далай-лама вступил в переговоры с несколькими ханами и князьями во главе с Сайн-нойон-ханом и Яссакту-ханом и убедил их в необходимости переселения духа Будды в другую человеческую оболочку. Ханы прибыли в Ургу, где богдохан встретил их с царскими почестями и устроил в честь гостей великолепный праздник. На пиру заговорщики решили было, что план далай-ламы с легкостью удастся. Однако к концу празднества в головах у них воцарилась сумятица, а ночью ханы благополучно перешли в мир иной, и все прожекты Лхасы умерли вместе с ними. Живой Будда приказал доставить тела почивших семьям, соблюдая все приличествующие их положению почести.

Богдохан знает все сокровенные мысли, все передвижения по стране князей и ханов, и стоит кому-то начать плести заговор, как

глава недовольных любезно приглашается в Ургу, откуда не возвращается живым.

Китайское правительство вознамерилось положить конец правлению Живых Будд. Прекратив, для видимости, борьбу с первосвященником Урги, оно затеяло следующую интригу. Пекинские правители пригласили в столицу пандита-гэгэна из Доло-нура и главу китайских ламаистов, хутухту Утая, не признававших главенства Живого Будды. Внимательно изучив старинные буддийские тексты, они пришли к выводу, что нынешний богдохан станет последним Живым Буддой, так как та часть духа Будды, что живет в богдоханах, способна возрождаться в человеческом теле только тридцать один раз. Богдохан - тридцать первое перерождение Будды со времен Ундур-гэгэна, значит, с ним и должна оборваться династия первосвященников Урги. Прослышав об этих изысканиях, богдохан сам зарылся в священные книги и вычитал в старых тибетских рукописях, что один тибетский первосвященник в свое время женился, и в его сына дух Будды перешел естественным образом. Богдохан последовал этому примеру, женился и теперь имел сына - способного и энергичного молодого человека; таким образом трон Чингисхана не опустеет. С тех пор маньчжурская династия китайских императоров успела сойти с политической сцены, а Живой Будда все еще остается знаменем пан-азиатской идеи.

Новые китайские власти в 1920 году арестовали Живого Будду в его дворце, но уже в начале 1921 года барон Унгерн, перевалив через священную гору Богдо-Ула, подступил ко дворцу с незащищенной стороны. Тибетские лучники быстро перестреляли китайских часовых, а монголы тем временем проникли во дворец и похитили своего "Бога", который тут же поднял всю Монголию, пробудив надежды у азиатских народов и племен.

Во дворце богдохана лама показал мне покрытую бесценным ковром шкатулку, где хранятся буллы далай-ламы и таши-ламы, указы русских и китайских императоров и договор с Россией, Китаем и Тибетом. В той же шкатулке находится медная тарелка с мистическим знаком Царя Мира и запись последнего видения Живого Будды.

Глава сорок пятая.
Видение, посланное Живому Будде 17 мая 1921 года

- Я молился и прозрел то, что сокрыто от людских глаз. Предо мной простиралась равнина, в отдалении возвышались горы. Старый лама нес по равнине корзину, полную каменьев. Он еле передвигал ноги. С севера появился скачущий всадник весь в белом и на белом коне. Приблизившись к ламе, он сказал:

- Дай мне корзину. Я помогу тебе доставить ее в урочище.

Лама протянул ему тяжелую ношу, но всадник не смог поднять ее, и ламе пришлось вновь взвалить корзину на плечи и продолжить путь, сгибаясь под ее тяжестью. Но вот с севера прискакал еще один всадник. - на черном коне и в черных одеждах, и сказал он ламе:

- Глупец! Зачем несешь ты эти камни?! Ведь они есть всюду.

Сказав это, всадник направил своего коня на ламу, и тот от толчка рассыпал камни. Коснувшись земли, камни тут же превратились в бриллианты. Все трое бросились подбирать их, но не смогли даже оторвать от земли. И тогда старый лама воскликнул:

- О, Боги! Всю жизнь я нес эту тяжелую ношу и теперь, когда путь мой близится к концу, все потеряно! Помогите мне, могущественные и милостивые Боги!

Вдруг неведомо откуда появился, ковыляя, старец. Он без всякого труда собрал бриллианты, обтерев с них предварительно пыль, взвалил корзину на плечо и пустился в путь, сказав ламе:

- Отдохни немного. Я уже донес свою ношу и с радостью помогу тебе.

Они медленно двинулись вперед и скоро скрылись из вида, а всадники тем временем вступили в единоборство. Они сражались весь день и всю ночь, а к утру следующего дня на этом месте не было никого, ни живых, ни мертвых. Не осталось даже никаких следов. Вот что увидел я, богдо-хутухта-хан, беседуя с Великим и Мудрым Буддой в окружении добрых и злых духов! Растолкуйте мое видение, просвещенные ламы, хутухты, кампо, марамбы и святые гэгэны!

Это видение было записано в моем присутствии семнадцатого мая 1921 года со слов Живого Будды после того, как он покинул свою личную молельню и вступил в кабинет. Я не знаю, как истолковали видение хутухты и гэгэны, прорицатели, маги и ясновидцы, но для всякого, знающего нынешнюю

ситуацию в Азии, ответ ясен.

Пробудившаяся Азия таит множество загадок, но в ней можно найти и ответы на вечные вопросы человечества. Великий континент таинственных первосвященников, "живых богов", махатм, чтецов жестокой книги Кармы проснулся, и по океану из сотен миллионов человеческих судеб прокатились мощные валы.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.
ТАЙНА ТАЙН - ЦАРЬ МИРА

Глава сорок шестая. Подземное царство

- Замри! - прошептал старый проводник-монгол, когда мы пересекали равнину у Цаган-Лука. - Замри?

Он слез с верблюда, который сам, без понукания, опустился на землю. Монгол вознес руки к лицу и начал молиться, повторяя вновь и вновь священные слова: "0м! Мани падме хунг!" Остальные монголы тоже остановили своих верблюдов и присоединились к молитве.

- Что же случилось? - думал я, оглядываясь по сторонам и не видя ничего, кроме нежно-зеленой травы и безоблачного неба. Мягкий свет заходящего солнца заливал равнину.

Некоторое время монголы молились, что-то дружно шепча, а затем, затянув потуже поклажу на верблюдах, продолжили путь.

- Видел, - спросил меня монгол, - как наши верблюды в страхе прядали ушами? Как замер табун лошадей на равнине, а бараны припали к земле? Как попрятались птицы, перестали шуршать суслики и умолкли собаки? Мягкие воздушные волны принесли с собой дальнюю музыку, трогающую сердца всех - и людей, и животных, и птиц. И земля, и небо затаили дыхание. Ветер стих и прекратило свой бег солнце. В такие минуты замирает крадущийся за овцой волк; резко замедляет свой дикий бег потревоженное стадо антилоп; выпадает из рук пастуха нож, занесенный над овечьим горлом; хищный горностай перестает преследовать не подозревающую об опасности салгу. Все живое непроизвольно шепчет слово молитвы, ожидая решения своей судьбы. Именно такое и случилось сейчас. Это бывает, когда Царь Мира молится в своем подземном дворце, вопрошая о судьбе земных народов.

Примерно в подобных выражениях объяснил мне смысл происшедшего старый монгол - простой, неграмотный пастух и охотник.

Монголия - страна суровых, скалистых гор, бескрайних равнин, усеянных костями праотцов - стала родиной Тайны. Природа ее пугает местный люд, то исходя бурными катаклизмами, то убаюкивая долгим, похожим на смерть, покоем. Такой народ особенно чуток к тайне. Ламы - "красношапочники" и "желтошапочники" - хранят и поэтизируют "тайну", а первосвященники Лхасы и Урги познают ее и владеют ею.

Попав в Центральную Азию, я впервые услышал об этой "Тайне тайн" - других слов и не подберешь. Вначале я не обратил

на легенду должного внимания, не придав ей того значения, какового она, как я уразумел позже, заслуживала. Это открылось мне, лишь когда я передумал и сопоставил множество единичных, неявных и часто противоречивых свидетельств.

Старики, живущие на Амыле, рассказывали мне древнюю легенду о том, как некое монгольское племя, спасаясь от ига Чингисхана, скрылось в подземную страну. Потом неподалеку от озера Ноган-Куль один сойот показал мне закоптелые ворота, ведущие, по его словам, в то самое царство Агарти. Когда-то давным давно некий охотник проник через них в царство, а вернувшись, стал рассказывать всем об увиденных чудесах. И тогда ламы отрезали ему язык, чтобы он никому более нс смог поведать о Тайне тайн. Состарившись, охотник вновь пришел ко входу в пещеру, чтобы теперь уже навсегда скрыться в подземном царстве, воспоминания о котором долгие годы согревали и радовали сердца кочевника.

Еще более обильные сведения получил я от хутухты Джелиба Джамсрапа из Нарабанчи, поведавшего мне таинственную историю прихода на землю могущественного Царя Мира, властелина подземного царства; хутухта описал внешность гостя, чудеса, творимые им, и изреченные пророчества. Тогда-то и оценил я, что за этой легендой, бытовавшей скорее в форме повального гипноза, скрывается не только" некая тайна, но вполне реальная и властная сила, способная влиять на политическую жизнь Азии. С тех пор я стал жадно собирать любую информацию по этому вопросу.

Гэлун-лама - любимец князя Чултуна Бейли, дал мне общее представление о подземном царстве.

- В нашем бренном мире, - сказал гэлун, - непрерывно меняется все - народы, науки, религии, законы и обычаи. Сколько величайших империй кануло в небытие, какие культуры угасли! Лишь Зло - орудие злых духов - пребывает неизменным. Более шестидесяти тысяч лет тому назад некий святой скрылся со своим племенем под землей и никто их больше не видел. В подземном царстве побывали многие - среди них Шакья-Муни, Ундур-гэгэн, Паспа, султан Бабер и другие. Ныне же никто не знает, где находится это царство. Кто говорит - в Афганистане, кто - в Индии. Люди там не ведают зла, в царстве не бывает преступлений. Там мирно развиваются науки, и погибель ничему не грозит. Подземный народ достиг необыкновенных высот знания. Теперь это большое царство с многомиллионным населением, которым мудро управляет Царь Мира. Ему ведомы все скрытые пружины мироздания, он постигает душу каждого человеческого существа и читает великую книгу судеб. Он тайно

управляет поведением восьмисот миллионов человек на земле, все они исполняют его волю.

К сказанному князь Чултун Бейли добавил от себя: - Это царство называется Агарти. Оно тянется под землей по всей планете. Я сам слышал, как просвещенный китайский лама рассказывал богдохану, что в пещерах Америки живет древний народ, укрывшийся в свое время под землей. И сейчас на земле обнаруживают следы их былого среди нас существования. Правители этих народов ныне подчиняются Царю Мира, который является владыкой всех подземных пространств. Ничего необыкновенного здесь нет. Известно, что на месте двух великих океанов - восточного и западного - прежде располагались два континента. Они опустились под воду, но люди успели уйти в подземное царство. В глубоких пещерах сущеетвует особое свечение, позволяющее даже выращивать овощи и злаки, люди живут там долго и не знают болезней. В подземном царстве обитает множество разных народов и племен. Однажды старик-брахман из Непала, исполняя волю богов, отправился в Сиам, бывшее владение Чингисхана; там он повстречал рыбака, который потребовал, чтобы брахман сел в лодку и вышел с ним в море. На третий день плавания они достигли острова, у жителей которого было во рту по два языка - каждый употреблялся для определенного наречия. Островитяне показали брахману диковинных животных - одноглазую черепаху на шестидесяти лапках, огромных змей с нежнейшим мясом и ручных острозубых птиц, приносящих хозяевам рыбу. Жители поведали гостю, что прежде они жили в подземном царстве и рассказали кое-что о нем.

Лама-торгут, который сопровождал меня в путешествии из Урги в Пекин, прибавил еще и такие подробности.

- Столицы Агарти окружают поселения духовных лиц и ученых; она чем-то напоминает Лхасу, где Потала - дворец далай-ламы, стоит на горе, застроенной монастырями и храмами. Трон Царя Мира вознесен над миллионами воплощенных Богов святых пандит. Его дворец находится в центре кольца из дворцов гуру, повелевающих всеми видимыми и невидимыми силами на земле, на небесах и в аду; жизнь и смерть человека - всецело в их власти. Если даже свихнувшееся человечество развяжет против подземных жителей войну, те могут с легкостью взорвать земную кору, обратив планету в пустыню. Они в силах осушить моря, затопить сушу и воздвигнуть горы среди песков пустыни. По велению гуру вырастают деревья, травы и кустарники, люди дряхлые и больные становятся молодыми и крепкими, а мертвецы встают со смертного одра. В неведомых нам колесницах носятся

подземные жители по узким расщелинам внутри планеты. Несколько брахманов из Индии и тибетских далай-лам, совершив труднейшие восхождения на горные вершины, встречали в местах, где никогда прежде не ступала нога человека, наскальные надписи, следы людей и колес. Благостный Шакья-Муни обнаружил на вершине некой горы каменные таблицы, испещренные письменами, которые он сумел истолковать только в старости, и тогда отправился в царство Агарти, откуда принес людям крохи священного знания - все, что сумела удержать его память. Там, во дворцах из дивного хрусталя, обитают невидимые правители всех благочестивых людей - Царь Мира или Брахитма, ведущий беседы с самим Богом так же, как я сейчас говорю с вами, и два его помощника - Махитма, ему ведомы цели грядущего, и Махин-га, повелевающий причинами событий...

... Святые пандиты познают мироздание и его законы. Иногда мудрейшие из них собираются на совет, чтобы направить своих посланцев в неведомые человеку места. Об этом писал таши-лама, живший восемьсот пятьдесят лет тому назад. Пандиты высочайшего ранга, положив одну руку себе на глаза, а другую у основания черепа юноши, погружали молодых людей в глубокий сон, затем натирали их травяными настоями, отчего тела юношей становились тверже камня и переставали чувствовать боль, и наконец, облачив их в волшебные одеяния, туго спеленывали и возносили молитвы к Великому Богу. При этом окаменевшие юноши слышали, видели и запоминали все, что творилось вокруг. Гуру устремлял на них долгий, неподвижный взгляд, и тела, медленно оторвавшись от земли, исчезали в пространстве. Гуру же продолжал неподвижно сидеть, пристально глядя в ту сторону, куда направил их. Его воля незримо сопутствовала юношам. Некоторые из них путешествуют среди звезд, изучая их ход, живущие там неведомые народы, их жизнь и законы. Они вслушиваются в незнакомую речь, читают неизвестные книги, постигают радости и горести обитателей дальних миров, их добродетели и пороки, добро и зло.

Другие погружаются в стихию огня, встречаясь с огненными существами - стремительными и жестокими, - без устали плавят и куют они металлы в недрах планет, кипятят воду для гейзеров и горячих горных источников, крошат камни, выбрасывая измельченную массу на поверхность земли через кратеры гор.

Некоторые юноши сопровождают вечно ускользающие, крошечные и прозрачные воздушные создания, проникая в тайный смысл их существования.

Иные опускаются на морское дно, где обитают мудрые жители воды, те, кто согревает землю, повелевает ветрами,

штормами и бурями... В прежние времена в монастыре Эрдени-Дзу жил пандита-хутухта, пришедший на землю из Агарти. Перед смертью поведал он, как по велению гуру жил на восточной красной звезде, плавал в ледяном океане и парил в бушующих языках пламени глубоко в недрах земли.

Такие вот истории слышал я в юртах монгольских князей и в ламаистских монастырях. Рассказывались они в таком торжественно-приподнятом тоне, что малейшее сомнение в их истинности звучало бы кощунственно.

Сие есть Тайна...

Глава сорок седьмая.
Царь Мира пред Божьим ликом

Будучи в Урге, я попытался найти объяснение легенде о Царе Мира. Больше всех, несомненно, мог бы рассказать Живой Будда, и я пробовал вызвать его на откровенность, упомянув в беседе о Царе Мира. Старый первосвященик резко повернул голову в мою сторону, устремив на меня слепые, безжизненные глаза. Я непроизвольно замолк. Мы долго молчали, а затем богдохан продолжил прежний разговор, дав мне тем самым понять, что не хочет распространяться на предложенную тему. Было видно, что все присутствующие удивлены и напуганы моими словами, особенно хранитель библиотеки Живого Будды. Все это, понятно, только разожгло мое любопытство. Покидая кабинет богдахана, я столкнулся с библиотекарем, вышедшим из комнаты раньше меня; попросив его показать мне дворцовое собрание книг, я прибегнул к маленькой хитрости.

- Однажды, досточтимый лама, я ехал по равнине в час, когда Царь Мира говорил с Богом, и не мог не почувствовать величия сего мгновения, - сказал я.

К моему изумлению, старый лама спокойно ответил:

- Нехорошо, что буддисты и мы, исповедующие "желтую веру", скрываем все, что связано с Его именем. Сознание того, что где-то существует человек такой святости и могущества, и живет он в блаженном царстве - храме священного знания, приносит утешение нашим грешным сердцам, помогает очиститься душам; не пристало скрывать это от человечества.

... Вот что я расскажу вам сейчас, - продолжил он. Круглый год Царь Мира руководит делами пандит и гуру Агарти. Лишь изредка удаляется он в храм-субурган, где в гробу из черного камня покоится набальзамированный труп его предшественника. Там всегда темно, но с приходом Царя Мира по стенам пробегает огонь, и на крышке гроба появляются языки пламени. Его встречает старейший гуру с закрытыми головой и лицом, его руки скрещены на груди. Этот гуру никогда не обнажает лица: ведь вместо головы у него череп, на котором только и живого - глаза и язык. Он занят тем, что поддерживает связь с душами умерших. ... Царь Мира творит долгую молитву, а затем, приблизившись ко гробу, простирает перед собой руки. Языки пламени вспыхивают ярче, а огонь, пробежав по стенам, затухает, и затем, вновь оживившись, сплетается в диковинные узоры буквы алфавита "ватаннан", языка подземного царства. Из гроба начинают виться

еле заметные струйки света - мысли его предшественника. Они постепенно окутывают целиком Царя Мира, а огненные буквы на стенах все пишут и пишут веления и пожелания Бога. В этот миг Царь Мира постигает мысли тех, кто оказывает влияние на судьбы человечества - царей, королей, ханов, полководцев, первосвященников, ученых и прочих власть предержащих. Он узнает все их помыслы. Если те угодны Богу, то Царь Мира тайно поможет их осуществлению, если нет - помешает. Эту власть дает Агарти тайное знание - "0м", с этого слова начинаются все наши молитвы, "0м" - имя первого гуру святого, жившего триста тридцать тысяч лет тому назад. Он стал первым человеком, знавшим Бога, и научил людей веровать, надеяться и бороться со Злом. Бог же наделил его властию над всеми силами, правящими видимым миром.

После беседы с предшественником Царь Мира созывает "Большой Совет Бога", на котором судит мысли и деяния сильных мира сего, помогает им или разом сокрушает их планы. Махитма и Махинга в то же время определяют место замыслов и поступков великих людей в движущих силах мироздания. Затем Царь Мира идет в главный храм и там молится в одиночестве. В алтаре сам по себе возжигается огонь, постепенно перекидываясь на соседние алтари, и в пламени проступает лицо Бога. Царь Мира почтительно извещает Всевышнего о решении "Совета Бога" и получает в ответ божественные наставления. Покидая храм. Царь Мира излучает дивный свет.

Глава сорок восьмая. Реальность или религиозная утопия?

- А видел ли кто-нибудь Царя Мира? - спросил я.

-О, да!- ответил лама. - Царь Мира появлялся пять раз во время древних буддистских богослужений в Сиаме и Индии. Каждый рай он приезжал в запряженной белыми слонами роскошной колеснице, украшенной золотом, драгоценными камнями и задрапированной бесценными тканями; белоснежная мантия окутывала его тело, свисающие с алой тиары бриллиантовые нити скрывали лицо. Царь Мира благословлял собравшихся золотым яблоком с изображением Агнца, и куда бы ни устремлял взор, тут же прозревали слепые, немые обретали речь, глухие слух, увечные начинали ходить, и даже мертвые пробуждались от своего вечного сна. Пятьсот сорок лет назад Царь Мира посетил Эрдени-Дзу, объявлялся он также в старинном Саккайском монастыре и в Нарабанчи-Куре.

... Один Живой Будда и один таши-лама получали от него послания - таинственные письмена, начертанные на позолоченных скрижалях. Никто не мог уразуметь смысла послания; тогда таши-лама, войдя в храм, положил себе на голову скрижали и стал молиться. Постепенно мысли Царя Мира проникли в его мозг, и он, так и не прочитав загадочного письма, все-таки знал, что хотел ему сказать Царь Мира.

- Много ли народу побывало в Агарти? - спросил я.

- Очень много, - ответствовал лама, - но все они хранят молчание и не рассказывают, что видели там. Когда олеты разрушили Лхасу, один из отрядов, действовавших в юго-западном горном районе, проник на окраины Агарти. Там олеты постигли азы тайного знания и принесли их на землю. Вот почему олеты и калмыки - такие искусные чародеи и предсказатели. А из восточных районов в Агарти проникло племя смуглолицых людей, оставшихся там на много столетий. Однако, в конце концов, их изгнали из Царства, и племени пришлось вернуться на землю, куда они принесли искусство гадания на картах, травах и по линиям руки. Это Племя зовут цыганами ... На севере Азии тоже живет один вымирающий народ, поднявшийся из пещер Агарти, его люди преуспели в вызывании парящих в воздухе духов предков.

Лама помолчал, а затем продолжал, как бы отвечая на мои мысли.

- В Агарти просвещенные пандиты записывают на каменных

скрижалях все знания нашей планеты и других миров. Знакомы с ним и китайские ученые буддисты. Знание это - высочайшего и чистейшего толка. Раз в столетие сто китайских мудрецов собираются в тайном месте на морском побережье и ждут, когда из водных глубин всплывут на поверхность сто черепах. На их панцирях китайцы записывают божественную мудрость ...

Я пишу эти слова и вспоминаю старого китайского бонзу из пекинского Храма Неба, рассказавшего мне, что черепахи могут находиться без еды и воздуха более трех тысяч лет, оттого-то все колонны голубого Храма Неба воздвигнуты, дабы предохранить дерево от гниения, на этих живых пресмыкающихся.

- Несколько раз первосвященники Лхасы и Урги посылали гонцов к Царю Мира, - поведал мне лама-хранитель библиотеки, - но те не смогли отыскать пути к нему. Зато один тибетский полководец после битвы с Олегами вышел к пещере, над которой были высечены слова: "Здесь ворота в Агарти". Навстречу из пещеры выступил изящный, приятной наружности мужчина, вручил вождю золотую плитку с таинственными знаками и произнес при этом:

- Царь Мира предстанет перед людьми, когда пробьет час вести всех праведных людей на борьбу с неправедными, но сейчас время еще не настало. Не родился еще величайший грешник всех времен.

- Чан Чун барон Унгерн посылал князя Пунцига к Царю Мира, но тот принес ему лишь письмо далай-ламы из Лхасы. Барон вновь отправил его на поиски, но на этот раз гонец не вернулся.

Глава сорок девятая.
Пророчество Царя Мира в 1890 году

Вот что открыл мне хутухта Нарабанчи в бытность мою гостем монастыря в начале 1921 года:

- Когда Царь Мира предстал в этом монастыре, тридцать лет назад, перед ламами угодными Богу, он произнес пророчество на грядущую половину столетия. Вот что изрек он:

"Все больше и больше людей будут забывать о душе, заботясь лишь о теле. Чудовищный грех и разврат воцарятся на земле. Люди станут аки дикие звери, алчущие крови и смерти близких. "Полумесяц"[43] поблекнет, а его последователи обнищают и ввяжутся в бесконечную войну. Победителей сокрушит солнце, продвижение их прекратится, еще дважды поразят их величайшие несчастья, и в конце концов случится нечто, что оскорбит другие народы. Падут короны -великие и малые... одна, две, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь... Народы ждет страшнейшая из войн. Реки покраснеют от крови... Человеческие кости усеют землю и дно морей... Разрушатся царства... Вымрут целые народы... Голод, болезни, неведомые дотоле злодеяния обрушатся на человечество. Придут враги Бога и Духа Святого. Всякий, протянувший другому руку, также погибнет. Угнетенные восстанут и прикуют к себе внимание всего мира. Земля погрузится во мглу, над ней пронесутся бури. Голые скалы вдруг оденутся в леса. Землетрясения будут следовать одно за другим ... Миллионы людей сменят оковы рабства и унижения на новые - голода, болезней и смерти. По древним дорогам хлынут толпы беженцев. В огне сгинут прекраснейшие города - один, два, три... Отец поднимается на сына, брат - на брата, мать - на дочь. Порок, преступление, растление души и тела распространятся повсеместно... Распадутся семьи... Истина и любовь покинут землю.

... Из десяти тысяч выживает лишь один - у него, нагого и безумного, недостанет ни сил, ни умения построить себе дом и добыть пропитание. Вой его будет подобен вою разъяренного волка, и начнет он пожирать трупы, грызть свою плоть и бросать вызов Богу... Земля опустеет. Бог отвернется от людей, и на земле воцарятся мрак и смерть. Тогда-то и пошлю я народ, доселе неведомый никому, который сильной рукой вырвет сорняки безумия и порока и поведет тех, кто сохранил в сердцах своих веру, в битву против Зла. Они создут на земле новую жизнь, очищенную гибелью наций. На пятидесятом году возникают три

великих царства, которые счастливо просуществуют семьдесят один год, затем на восемнадцать лет воцарятся война и разруха. И только потом народы Агарти выйдут на поверхность земли из своих пещер.

* * *

Спустя некоторое время, во время путешествия по Восточной Монголии в Пекин, я частенько задумывался: "А что если...? Что если целые народы разного вероисповедания, цвета кожи, все многочисленные азиатские племена двинутся на Запад?"

И теперь, когда я пишу заключительные строки этой книги, мой взор невольно устремляется в сторону Монголии, этого огромного сердца Азии, где я так долго скитался. За разбушевавшейся снежной бурей и тучами песка, поднятого ветром в пустыне Гоби, предо мной проступает лицо хутухты Нарабанчи, рука его устремлена к горизонту, своим тихим голосом он поверяет мне сокровенные мысли:

- Близ Каракорума и на берегах озера Убсанор, я вижу далеко раскинувшиеся многоцветные станы, табуны лошадей, стада, голубые юрты вождей. Повсюду развеваются древние знамена Чингисхана, королей Тибета, Сиама, Афганистана, индийских князей, священные знаки всех ламаистских первосвященников, гербы олетских ханов, скромные флажки северо-монгольских племен. Не слышно шума возбужденной толпы. Не звучат скорбные песни гор, равнин и пустынь. Юные всадники не тешат себя скачками на быстроногих скакунах... Я вижу бесчисленное множество стариков, женщин и детей, а вдали - на севере и на западе, куда ни бросишь взгляд, небо залито багровым отблеском, слышится рев, треск огня и отзвук грандиознейшей битвы. Кто ведет в бой этих воинов под побагровевшим небом, кто заставляет их проливать свою и чужую кровь? Кто направляет этот поток безоружных стариков и женщин? За этим просматриваются строгий порядок, глубокое религиозное постижение целей, терпение и выдержка... Новое переселение народов, последний поход Монголов..!

Может, Карма раскрыла новую страницу истории?

А что если с ними будет сам Царь Мира?

Но величайшая Тайна тайн не дает на это ответа.

notes

Примечания

[1]

Пули "дум-дум" (по названию предместья Калькутты) - разрывные пули с неполной (открытой) или надпиленной оболочкой, причиняющие очень тяжелые ранения. (*Здесь и далее примечания переводчика*).

[2]

В пору 1918 г., т.е. еще до описываемых автором событии, Красная Гвардия, присоединенная к Красной Армии, уже не существовала.

[З]

Урянхай (Урянхайский край) - историческое название в XIX нач. XX в.в. современной территории Тувы.

[4]

Сойоты - название тувинцев в дореволюционной России.

[5]

Приветствие у сойотов.

[6]

Дабан (даба, даван) *(монг.)* - название труднодоступных пе репалов в горах Средней Азии, Южной Сибири, МНР,

[7]

Сойотское название озера, по монгольски – Хубсугул.

[8]

Кобдо - город в Монголии, расположенный на берегу одноименной реки.

[9]

Шакья (Сакья)-Муни - одно иэ имен Будды.

[10]

Урга - до 1924 г. название г.Улан-Батор, столицы МНР.

[11]

Торгуты - западно-монгольская народность в КНР и МНР.

[12]

Кукунор - бессточное соленое озеро в Китае, в горах Нань шаня.

[13]

Живой Будда (богдо-гэгэн, богдохан) - глава ламаистской церкви в Монголии.

[14]

Хутухта - высший чин ламаистских монахов.

[15]

Хонхо - молитвенный колокольчик.

[16]

Да пребудет вечно Великий Лама в цветке лотоса! (монг.),

[17]

Фатил - редкое растение, корень которого с успехом применяется в китайской и тибетской медицине.

[18]

Хунхузы - разбойники *(кит.)*.

[19]

Хубилай (1215-94) - монгольский великий хан, внук Чингисхана; в 1279 г. завершил завоевание Китая.

[20]

Цзонкаба (1357-1419) - основатель ламаистской секты Гэ луг-ба ("желтошапочников").

[21]

Паспа(Поксба-лама, Пакба-лама) - жил в XIII в.; один из зачинателей "желтой веры", ламаизма.

[22]

Внешняя Монголия -северная часть Монголии, захваченная маньчжурскими завоевателями в конце XVII в., в отличие от южной части Монголии, завоеванной ранее (Внутренняя Монголия). На территории Внешней Монголии в 1924 г. образовалась МНР.

[23]

Халха - историческое название Северной Монголии.

[24]

Цвет одежды лам.

[25]

Чахары - одна из этнических групп китайских провинций, во шедших в автономную область Внутреняя Монголия.

[26]

Laissez-passeq - пропуск *(фр.)*.

[27]

Цирик - монгольский солдат.

[28]

Борсук - сладкое монгольское печенье.

[29]

Наган-хушуны - китайские фермы в Монголии.

[30]

Чан Чун - генерал (кит.), глава китайских войск в Монголии.

[31]

Гэлун - ламаистский священник, имеющий право приносить жертвы Богу.

[31A]

Гэгул - третий чин в ламаистском монашестве.

[32]

Чайде, рабджампа - высокопоставленные монашеские священники, но еще не "воплощенные Боги".

[33]

Канпо - настоятель ламаистского монастыря.

[34]

Зиккурат - культовая башня в архитектуре Древней Месопотамии.

[35]

Пандита - высокий ранг буддистского монаха.

[36]

Ташур - длинная бамбуковая палка.

[37]

Меймечен - китайский торговый центр в Урге, назван по местности.

[38]

Хонг - китайское торговое представительство.

[39]

Султан Бабер (или Бабур) (1483-1530) - основатель монгольской династии в Индии; по мужской линии потомок Тимура, по женской - Чингисхана.

[40]

Будда Амитабха - "глава рая", один из главных богов буддийского пантеона.

[41]

Ундур-гэгэн (1635-1724) - первый богдо-гэгэн Монголии после утверждения ламаизма в середине XVII в.

[42]

Таши-Люмбо или Даший-лхумбо - "масса благополучия" - монастырь "желтого учения".

[43]

Имеется ввиду ислам.